

Марина Колесниченко

Диалог о словах и языке

От авторов

В 2014 году мне случайно попало несколько статей об этимологии русских слов. Это были короткие, но интересные истории о том, откуда происходят слова, каким словам в других языках они родственны, какие забытые смыслы они хранят. Я прочитала эти истории за считанные минуты, однако впечатление, которое они на меня произвели, не давало мне покоя ещё очень долго.

Александр Михаленко, автор этих статей, утверждает, что слова языка имеют исконные смыслы, которые мы можем разгадать. Например, слово *кредит*, восходящее к латинскому *crēdō* «верить; одалживать», связано с древним словом **kér* «сердце» и имеет давно забытый смысл «класть в сердце», то есть «доверять». Осознание того, что слова языка скрывают нечто большее, чем современное значение и какую-то структуру, заставило меня иначе посмотреть на свой язык.

Будучи любопытным человеком от природы и журналистом по образованию, я тут же разыскала автора и принялась расспрашивать его об этих статьях. Поначалу он отвечал неохотно и даже увиливал от ответа, давал ссылки на какие-то источники, рекомендовал обратиться к словарям, но в итоге мне удалось его разговорить. Мне были интересны не источники и словари, а его знания. Я очень хотела понять, что он знает об истории слов, насколько глубоки его познания, можно ли верить тому, что он пишет. Общение продолжалось около трёх месяцев. За это время Александр рассказал мне об истории слов больше, чем я могла бы узнать из каких-либо книг и словарей.

Идея создать что-то вроде «книги в диалогах» пришла мне совершенно спонтанно. Я большая поклонница Д. Ю. Петрова, ведущего реалити-шоу «Полиглот» на канале «Культура». На тот момент, когда мы с Александром поддерживали общение, я как раз читала книгу «Магия слова», написанную им в соавторстве с В. Н. Борейко. Эта книга представляет собой своеобразный диалог между двумя людьми или, если угодно, интервью, когда один задаёт интересующие его вопросы, а другой на них отве-

чает. Я решила, что было бы неплохо собрать всю переписку с моим собеседником и составить нечто похожее. Получилось очень даже интересно. Рекомендую прочитать эту книгу всем, кто увлекается этимологией и лингвистикой.

Марина Колесниченко (М.К.)

Мне очень понравилась идея составить что-то вроде «диалогов о словах и языке». Я часто и много говорю и пишу о языке и словах языка, но я ещё не думал о том, чтобы создать что-то по-настоящему объёмное на эту тему. Эта книга будет первой в ряду моих объёмных популярных работ по этимологии.

За три месяца интервью с Мариной общий объём корреспонденции составил около двух сотен страниц печатного текста. Мы прошлись по всем основным вопросам этимологии, затронули некоторые проблемы, которые в ней существуют, рассмотрели множество слов и корней. В результате у нас получилась славная «каша» из вопросов и ответов, которые следовало как-то структурировать, убрав лишнее и добавив нужное. Ещё около месяца у нас ушло на то, чтобы «расхлебать» эту «кашу», придав ей законченный вид. В результате получилась вот такая небольшая книжка.

Я очень надеюсь, что эта книга станет для многих своего рода путеводителем в науку этимологию, поможет разобраться в дебрях слов, привьёт понимание того, что слова многих языков связаны родством, как древним, так и более поздним, и, наконец, позволит избежать многих заблуждений касательно истории слов.

Александр Михаленко (А.М.)

Глава 1. Язык слов

М.К.

Вопрос о том, что такое язык, насколько я понимаю, уже давно решён. Мы все используем язык, чтобы общаться, передавать информацию. За годы существования науки лингвистики, я думаю, уже выработалось какое-то общее определение.

В моём (наверное, довольно примитивном с точки зрения лингвиста) понимании, язык – это некоторая система слов и правил, по которым эти слова функционируют. Например, если взять русские слова *он*, *играть*, *с*, *мяч* и поставить их в нужной последовательности и в нужных формах, то выйдет целое предложение: «Он играет с мячом». Так же в любом другом языке. Грамматика – это «скелет» языка, а лексика – его «набивка». Вместе они составляют целый язык.

А.М.

Само понятие «язык» – центральное в лингвистике, науке о языке. Как ни странно, именно его оказывается сложнее всего определить.

С точки зрения семиотики, или науки о знаках, язык – это некоторая знаковая система, в которой есть означаемое и означающее. Язык глухонемых, как известно, слов вообще не использует. В нём есть набор некоторых знаков, которые что-то обозначают. Скажем, если мы договоримся, что сжатый кулак, поднятый вверх, будет означать «привет», а кулак, опущенный вниз, будет означать «до встречи», то мы уже сможем без слов приветствовать и прощаться (хотя для этого уже есть свои знаки). Если мы добавим ещё несколько знаков, то получится небольшая знаковая система, с помощью которой мы сможем передавать друг другу какую-то другую информацию. В случае с человеческим языком всё точно так же, только вместо жестов используются воспроизводимые органами речи и различаемые органами слуха звуки, а сама система во много раз сложнее.

Человеческий язык – это вообще не только слова (лексика) и грамматика. За этим понятием скрывается ещё много чего. Например, семантика, или смысл. В том предложении, которое ты привела, смысл нейтральный.

Но я могу сказать это с какой-то долей удивления, иронии, отвращения. В каждом случае слова одни и те же, грамматически всё одинаково, но смысл, который я вкладываю в это высказывание, каждый раз будет отличаться от нейтрального. Иногда интонация даже меняет смысл на противоположный. Например, слово *конечно*, произнесённое нейтрально, выражает согласие. Однако его же можно произнести так, что оно будет выражать несогласие. Интонацию, мимику мы тоже воспринимаем, ведь они способны влиять на смыслы. Это тоже составляющие языка.

Язык – это система довольно сложная, динамичная. В течение многих тысячелетий язык оттачивался человеком и, наконец, приобрёл свою современную форму. Каждый конкретный язык продолжает меняться. Какие-то языки меняются быстро, какие-то медленно. Одни языки исчезают, а другие захватывают всё новые территории и сферы жизни. Столько всего можно сказать о языке. Некоторые даже сравнивают его с живым организмом, что, как мне кажется, уже чересчур.

Одно маленькое определение языка, которое предлагают различные исследователи, требует пояснений на сотни страниц. А таких определений очень много. И пока нет такого, которое можно было бы считать самым верным, самым точным. Мы до сих пор не понимаем природу языка, чтобы дать ему точное определение.

М.К.

Знаешь, у меня такое чувство, что я сморозила несусветную глупость, выдвинув своё определение в две строчки. Язык – это, конечно, нечто большее, чем просто слова и правила.

Я всегда удивлялась, почему так много наук, изучающих язык: социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, языковая прагматика. Это и есть следствие сложности и динамичности языка?

А.М.

Ну, если говорить о перечисленных науках, то это следствие сложности. Динамичность – это компетенция уже других наук о языке.

М.К.

А какие науки о языке вообще бывают?

А.М.

Таких наук (или разделов языкознания) очень много. Обычно лингвистика делится на теоретическую и прикладную.

Прикладная лингвистика – это область науки о языке, которая призвана решать какие-то практические задачи (лексикография, лингводидактика, компьютерная лингвистика и т. д.). Теоретическая лингвистика разрабатывает общую теорию языка, изучая его структуру (фонетика, морфология, синтаксис и т. д.). Существуют и иные классификации наук о языке. Они включают десятки различных направлений.

Мы в основном будем говорить о сравнительной лингвистике, к которой относят сравнительно-историческое языкознание и этимологию. Само определение «сравнительно-исторический» уже говорит о том, что этот раздел лингвистики опирается на сравнение.

М.К.

Мне вот интересно, какова вообще история языка. Как и когда он возник? Как общались люди в те далёкие времена, когда они жили в пещерах и охотились на всё, что движется? Они ведь наверняка использовали какие-то слова, как-то их связывали в целые предложения?

А.М.

Марин, наверное, ты разочаруешься в лингвистике, если я отвечу.

М.К.

Это ещё почему?

А.М.

Лингвистика не даёт чёткого ответа и на эти вопросы.

М.К.

Тогда это самая бесполезная наука из всех! Всё же должны быть какие-то теории, версии, предположения? Не может быть, чтобы лингвисты создали науку, которая ничего не объясняет.

А.М.

Разумеется, теории, версии, предположения есть. Дискуссии о происхождении языка ведутся уже не одну сотню лет. За это время было немало высказано и написано по этому поводу.

Нередко в обществах, которые подвержены большому влиянию какой-либо религии, утверждается, что язык – это творение бога. Но я думаю, что этот вопрос нам, злостным атеистам, рассматривать всерьёз даже не стоит. Мы рассмотрим три основные версии возникновения языка, которые пользуются какой-то поддержкой в среде учёных и философов.

Первая теория – звукоподражательная. Согласно этой теории, древний человек, который ещё не имел языка, пытался как-то изобразить звуками тот предмет или то явление, которое он видел и о котором хотел сообщить кому-то из своих соплеменников. Человек в принципе способен передать звуками голоса животных, шумы природы (раскаты грома, журчание воды, шелест листьев и т. д.). Но звукоподражанием невозможно передать цвет, запах, параметры – качественные характеристики каких-то предметов. Это довольно слабая теория, хотя что-то в ней есть.

Вторая теория, я думаю, тебе известна. Это теория общественного договора, которую часто связывают с именем знаменитого французского философа Ж.-Ж. Руссо. Вообще идея договора была выдвинута ещё раньше древнегреческим историком Диодором Сицилийским, но в XVIII веке к ней вернулись снова. Согласно этой теории, люди договорились, что будут называть вещи теми или иными словами. Парадокс в том, что так они создали бы язык без языка. Ты можешь себе представить, как Заменгоф без языка изобретает эсперанто? Я не могу.

Наконец, третья теория – это теория выкриков. Её разрабатывал английский философ Дж. Локк, а за ним и француз Э. де Кондильяк. Согласно этой теории, наши давние предки подходили к изобретению языка по-

степенно, начиная с каких-то невнятных выкриков, вероятно, сопровождаемых жестами. Иными словами, когда древний человек хотел что-то сообщить своему соплеменнику, он показывал это руками, издавая при этом какие-нибудь нечленораздельные звуки. Со временем эти звуки стали приобретать смысл, то есть стали осмысленными, а жесты так и остались вспомогательным инструментом.

Как ты знаешь, по сей день жестикуляция активно используется при общении (такое общение называют невербальным). Её роль, мне кажется, недооценивают. Некоторые учёные считают, что первый язык был по преимуществу жестовым, поскольку многие жесты понятны представителям различных культур и носителям различных языков, то есть они универсальны. К тому же даже обезьяны используют элементарные жесты при коммуникации. Это тоже о многом говорит.

О времени возникновения языка вообще судить сложно. Мы ещё не подошли так близко к истокам языка. И мне кажется, что на этот вопрос наука о языке узнает ответ ещё очень нескоро. Некоторые вообще сомневаются, что он в принципе разрешим.

М.К.

Очень интересно. Мне лично по душе третья теория. Она более логичная. Если она верна, то, выходит, наши далёкие предки играли в «угадайку» друг с другом: один что-то показывает и стонет, другой пытается его понять. Хотела бы я на это посмотреть.

А.М.

Я думаю, ни один из вариантов в полной мере не объясняет историю происхождения языка. Тем более ни одна теория не может представить реальные доказательства – все они умозрительны. Наверное, даже термин «теория» к ним не подходит, лучше было бы назвать их гипотезами.

Теория выкриков (в разных интерпретациях) поддерживается многими учёными, но и звукоподражательную теорию тоже не следует отбрасывать. Я думаю, в процессе эволюции языка такой способ изобретения

слов вполне мог применяться. Некоторые слова языка действительно похожи на древние звукоподражания.

М.К.

Например? Мне лично в голову ничего подобного не приходит.

А.М.

Я задам тебе один детский вопрос. Какие звуки издаёт свинья?

М.К.

Вопрос и впрямь детский. Свинья хрюкает: «хрю-хрю...».

А.М.

Вот именно. Слова *хрюкать*, *хрюшка* имеют звукоподражательную природу. Свинья была одомашнена примерно семь тысяч лет назад (может, даже раньше). Древние люди, которые жили в то время, слышали свиней точно так же, как и мы. Вероятно, они использовали похожие слова с теми же значениями. Нам известны поздние примеры такого звукоподражания. Так, у древних греков мы находим слово *γρύζω* (*grúzō*) «хрюкать», у римлян были слова *grundiō*, *grunniō* «хрюкать» (по сути, это одно слово – второе происходит из первого). Сегодня в английском мы обнаруживаем слово *grunt* «хрюкать», в немецком есть слово *grunzen* «хрюкать».

В ряде языков, скажем, слово «ворона» звучит так, будто это звукоподражание. Например, английское *crow*, немецкое *Krähe*, нидерландское *kraai* происходят от прагерманского **krāwō* «ворона», которое чем-то напоминает звукоподражательное *кар-кар*. Латинское слово *corvus*, древнегреческое *κορώνη* (*korōnē*), армянское *աղաւախ* (*ag'ax*) вызывают у меня те же подозрения. Мне кажется, что названия вороны и в тюркских языках (турецкое *karga*, казахское *қарға*, азербайджанское *qarğa*, татарское *карга* и т. д.) также могут быть звукоподражаниями.

Мне ещё нравится пример с немецким словом *Uhu* «филин». Оно выглядит как звукоподражание, но при этом восходит к прагерманскому слову **hūwō* «сова», которое родственно русскому *сова* и латинскому

cāvannus «неясыть». Этимологи относят эти слова к древнему корню **kaw-*, **kaw-* со значением «кричать». Это значение сохраняют некоторые другие родственные слова: санскритское कौति (*kāuti*) «кричать» и литовское *šaukti* «кричать». Мне кажется, что в более позднее время это слово в немецком языке было слегка «модифицировано» под звуки, которые издаёт филин, то есть это уже двойное звукоподражание.

Как я и говорил, всё это довольно поздние примеры звукоподражания. Я думаю, подобные слова могли в большом количестве возникать и раньше, когда самый древний язык ещё только формировался. Разумеется, весь лексикон наших древнейших предков такие слова составлять не могли, но какую-то его часть они наверняка составляли.

М.К.

Вот оно как?! Я почему-то даже никогда о таком не задумывалась, хотя вещи это вполне очевидные и понятные. Слово *кукушка*, наверное, тоже возникло как звукоподражание?

А.М.

Да, это тоже звукоподражание. Сравни с английским *cuckoo*, немецким *Kuckuck*, французским *coucou*, испанским *cisco*, польским *kukulka*, греческим *κούκος* (*koúkos*), японским 郭公 (*かくこう*, *kakkō*). Арабы слышат кукушку по-своему – у них она называется وقواق (*waqwāq*).

М.К.

Ну, думаю, можно считать, что мы приблизительно выяснили, как возникали слова: либо в результате выкриков, либо как звукоподражания, либо при комбинации этих двух вариантов. Я думаю, не стоит совсем исключать и теорию договора, ведь когда люди указывали на предметы и издавали какой-то звук, они могли этим самым договариваться о том, что отныне он будет называться *уга-уга* или *угу-угу*.

А.М.

Да, примерно так. Если под договором понимать не только какое-то соглашение о том, что должно означать то или иное слово, но и простое принятие некоторой группой древних людей нового слова со своим значением, то такая теория тоже может оказаться отчасти верной. Но она возможна только для того общества, где уже существовал какой-то язык. Эта теория может объяснять процесс вхождения слов в язык, но не процесс возникновения языка.

М.К.

А способов вхождения слов в язык очень много?

А.М.

Да, их так много, что у меня вряд ли хватит терпения рассказать обо всех возможных способах, да и сомневаюсь я, что мне удастся это сделать. Слова могут возникать порой спонтанно, даже из детского лепета или в результате бессмысленной языковой игры. О некоторых способах, я думаю, мы ещё будем говорить далее.

М.К.

Слова из детского лепета? Это что же за слова такие?

А.М.

Да взять хотя бы те же слова *мама*, *папа*, *баба* и т. д. Все эти слова во многих языках мира, даже очень далёких друг от друга, выглядят одинаково и часто (но не всегда) означают одно и то же. Лингвисты объясняют это просто: младенцы способны выговаривать простые слоги типа *ма*, *па*, *ба*, в которых участвуют губные согласные. Взрослые, слыша каждый день *ма-ма-ма*, *па-па-па* и *ба-ба-ба* от своего чада, почему-то думают, что это ребёнок обращается к ним. Таким образом, люди стали использовать редуцированные варианты этих простых слогов для обозначения ближайших членов семьи, ведь в первые месяцы жизни ребёнок только их и видит.

Примеров, которые бы это подтверждали великое множество. Английское *mum*, немецкое *Mama*, французское *maman*, итальянское *mamma*, чешское *máma*, польское *mama*, греческое *μαμά* (mamá) и даже китайское 媽媽/妈妈 (māma) – все эти слова означают «мама». Также слово *mama* в значении «мама» можно обнаружить в индейском языке аймара в Южной Америке, в языке питянтятяра в Австралии или в папуасском языке криса в Новой Гвинее. В то же время по-грузински «мама» будет დედა (deda), а по-аварски – *баба*.

Аналогично со словом *papa*. Ему соответствуют немецкое *Papa*, нидерландское *pappa*, французское *papa*, итальянское *papà*, испанское *papá*. Слово *papa* в том же значении ты отыщешь в языке индейцев Бразилии каноз, а также в языке диери в Австралии. При этом по-английски «отец» будет *dad*, по-турецки – *baba*, по-грузински – ძაძა (tata), по-китайски – 爸爸 (bàba).

Как я и сказал, слова, которые фонетически одинаковы, могут различаться по значению (особенно интересны примеры из грузинского языка). При этом сам факт, что слова возникли в совершенно разных языках независимо и стали использоваться для обозначения членов семьи, поразителен и показателен. Дети, которым от роду несколько месяцев, тоже способны порождать слова. Точнее, наверное, было бы сказать иначе: взрослые способны видеть слова в бессмысленном лепете детей. Дети произносят эти слоги, развивая свой речевой аппарат, не вкладывая в них никакого смысла, а взрослые, этого не понимая, думают, что они обращаются к ним, и придумывают затем значения для детского лепета.

М.К.

Так вот почему эти слова так похожи! Я ведь и раньше такое замечала в некоторых языках, но дальше замечаний не ушла. А ларчик, оказывается, просто открывался.

А.М.

Теперь ты будешь знать, удивлять своих коллег. Я об этом давно ещё узнал из книги Л. В. Успенского «Слово о словах», но лишь спустя не-

сколько лет решил проверить сам по словарям. Оказалось, что едва ли не во всех языках, какие я проверял, обнаруживаются такие слова, напоминающие детский лепет. Имеются и исключения, но в большинстве случаев это так.

М.К.

Ты говорил, что язык постоянно развивается и меняется. А можно ли определить развитость языка? Мне вот кажется, что русский более развитый, чем английский или итальянский. Я изучала оба языка, и мне они показались довольно простыми. Конечно, в них тоже есть свои сложности, но нет части тех грамматических структур, которые есть в русском языке. Например, в обоих языках нет падежей, в английском к тому же нет рода. Также немецкий кажется не таким сложным, хотя в нём уже есть и падежи, и род, и относительно развитое спряжение. При этом если бы я изучала русский как иностранный, то мне, скорее всего, было бы очень непросто его одолеть.

А.М.

Я понял претензию. Должен сказать, что этот предрассудок о «развитости» языка не имеет под собой никаких оснований, хотя многие об этом пишут и говорят, перекрикивая друг друга.

В XVIII-XIX вв. популярным было представление о том, что сложность языка определяет его развитость, следовательно, и развитость культуры народа, который говорит на этом языке. Санскрит, латинский и древнегреческий языки, обладавшие сложной грамматикой, считались самыми развитыми. Славянские языки (русский, польский, чешский и т. д.) также претендовали на развитость. Английский и китайский, в свою очередь, считались «примитивными» языками, поскольку их морфологическая структура намного проще.

Если ты хоть чуть-чуть знаешь историю английского языка, то, думаю, не станешь спорить с тем, что английский со временем значительно упростился. Ещё в X веке он был сложным флективным языком со сложной системой склонения и спряжения, но затем стал быстро упрощаться и

двигаться в сторону аналитизма. Сегодня ни один англичанин без специальной подготовки не прочтёт древнеанглийский текст. Для него он будет выглядеть как исландский. Он сможет угадать значения некоторых слов из-за похожести корней, но вот с грамматикой уже разобраться не сможет.

Итальянский, французский, испанский, португальский, румынский и некоторые другие романские языки тоже сильно упростились в плане морфологии. Все они являются потомками латыни – классического языка Древнего Рима, который даже итальянцы считают сложным.

Знаешь, у меня одно время была такая несколько смелая гипотеза (я называл её «маятниковой») о том, что языки в своём развитии проходят путь от аналитизма к синтетизму, а затем двигаются обратно. Проще говоря, они усложняются, доходя до какой-то точки, а затем упрощаются. И этот процесс мог проходить тысячи лет. На самом деле само понятие «маятниковые изменения» существует довольно давно, а закономерность обнаружили задолго до того, как я появился на свет. Всё же я когда-то дошёл до этой мысли сам и был этим очень горд.

Древний язык, если он возник из выкриков, изначально просто не мог быть сложным, он становился таким со временем. Сперва формировались слова, затем стали возникать аффиксы и флексии. Таким образом, слова разрастались, и, наконец, получались очень сложные языки вроде латыни, древнегреческого, древнеперсидского или санскрита, где в слове выражено множество грамматических значений. Обрати внимание на то, что потомки или современные родственники этих языков упростились. Современный язык хинди сегодня уже невозможно сравнить со сложным санскритом. Персидский кое-что сохранил из древнего наследия, но тоже существенно упростился. Греческий я простым не назову, однако и он утратил многое из того богатства, которым обладал его древний предок.

Упрощаются и некоторые славянские языки. Например, современный болгарский – потомок старославянского – утратил свою систему склонения, из-за чего в нём возникли артикли (наличие артикля – особенность аналитических языков). При этом в болгарском сохраняется сложное глагольное спряжение, которое утратил современный русский язык. В целом

же русский и болгарский стали проще, чем их общий предок – древний праславянский язык.

У этой гипотезы много слабых мест. Она была бы справедлива для индоевропейских и некоторых других известных языков, но ведь есть ещё сотни и тысячи других языков, о которых известно либо очень мало, либо вообще ничего. Существует много факторов, способствующих упрощению языка. Контакты носителей разных языков или переход одних народов на языки других народов часто приводит к упрощению языков или возникновению так называемых пиджинов и креольских языков, структура которых очень упрощена (к таким, например, относится язык ток-писин в Папуа – Новой Гвинее). Всё это нужно лучше изучить, а затем делать какие-нибудь строгие выводы.

Как я уже сказал, ставить цель определить развитость языка – это довольно неумно. Каждый язык, выполняющий свои функции, развит достаточно хорошо. Разве можно считать английский язык ущербным только из-за того, что он утратил падежи и грамматический род? Вовсе нет. Литература на английском языке существует, фильмы снимаются, люди разговаривают. То же самое можно сказать об итальянском, французском, испанском и о других «недоразвитых» языках. Китайский, который причисляли к таким же языкам, сегодня и вовсе считается одним из сложнейших языков в мире (с точки зрения его изучения).

М.К.

Я с трудом всё это прочитала, но основную мысль поняла. Ты в очередной раз сломал о колено мои старые убеждения. Мне бы ещё хотелось узнать о «синтетических» и «аналитических» языках чуть-чуть подробнее. Что это такое вообще?

А.М.

Это всё из области, связанной преимущественно с грамматикой. Существует такое направление лингвистики, как типология. Обычно говорят о морфологической типологии, в которой различают два типа выражения грамматических значений: синтетизм и аналитизм.

Синтетическими являются те языки, в которых грамматические значения выражены внутри слова при помощи флексий, аффиксов или каких-то изменений внутри корня (например, русский язык). Аналитические языки чаще используют для выражения грамматического значения вспомогательные слова (например, английский язык). Это как бы две крайние точки, между которыми могут находиться те или иные языки. Русский язык не является чисто синтетическим, а английский не является чисто аналитическим. Один язык может сочетать в себе оба типа.

В русском языке выразить будущее время глагола *делать* мы можем двумя способами: 1) «я *сделаю*»; 2) «я *буду* делать». В первом случае русский язык реализует синтетический тип за счёт совершенного вида глагола. Во втором случае реализован аналитический тип, так как использовано вспомогательное слово *буду*. В английском («I *will* do/make») и немецком («ich *werde* tun/machen») для выражения будущего времени используются вспомогательные глаголы *will* и *werden*, то есть в этих языках будущее время образуется только аналитически. Во французском языке сосуществуют оба типа. Может быть использовано простое будущее время: «je *ferai*». Однако в разговорной речи преобладает сложное время с использованием вспомогательного глагола *aller*: «je *vais* faire».

Есть языки, которые в своём синтетизме несколько «переигрывают», превращая целые предложения в одно слово. Такие языки называются полисинтетическими. К ним относятся палеоазиатские, индейские, кавказские, австралийские и некоторые другие языки. Вот пример из индейского языка наuatль: «nimitztētlamaquiltīz (я заставляю кого-нибудь дать тебе что-нибудь)». Шесть разных русских слов, составляющих целое предложение со своими связями, соответствуют всего лишь одному слову в этом языке.

В морфологической типологии наряду с типами грамматических значений выделяют ещё типы морфологической структуры: флективный, агглютинативный, изолирующий и инкорпорирующий. Если говорить уж совсем упрощённо, то флективные и агглютинативные языки примерно соответствуют синтетическим, изолирующие языки сравнивают с аналитическими языками, а инкорпорирующие языки – это то же самое, что поли-

синтетические языки. Есть принципиальная разница между этими классификациями, но для нас она не столь важна.

М.К.

Интересно выходит. В некоторых языках одному русскому слову соответствуют разные слова, а где-то одно иностранное слово соответствует целому русскому предложению. Так что же такое слово?

А.М.

Лингвист Л. В. Щерба задавался тем же вопросом. Никто не знает, как следует определить слово. Словарных определений сколь угодно много, но они (как и в случае с определениями языка) очень неполные и требуют отдельных пояснений. Такой вот парадокс: с одной стороны, мы прекрасно знаем, что такое слово, интуитивно его выделяем как самостоятельную единицу языка, с другой – лингвисты не могут дать этому понятию верное определение. Поэтому многие предпочитают использовать более конкретные термины (лексема, словоформа и т. д.), избегая употребления понятия слово.

Будет ли, например, турецкое выражение «anlamıyorum (я не понимаю)» считаться одним словом? По сути, это целое предложение, которое в русском соответствует трём словам (или двум, если опускать местоимение). Во французском языке это же предложение будет уместиться в уже четыре слова: «je ne comprends pas». Здесь словечки *ne* и *pas* являются отрицательными частицами, которые как бы «обрамляют» глагол *comprends*. В языке хинди для выражения той же самой мысли нам также потребуется четыре слова: «मैं नहीं समझता हूँ (māi nahī samajhtā hū)». Но тут появляется вспомогательный глагол हूँ (hū), форма глагола होना (honā) «быть». Выходит, что совокупность грамматических признаков может быть выражена одним словом, а может быть и разделена между разными словами, что затрудняет определение понятия слова в свете его грамматических и синтаксических признаков.

Кстати, даже в близких языках бывают подобные различия. Например, чешское слово *nerozumím* «не понимаю» соответствует польскому сочетанию двух слов *nie rozumiem* с тем же значением. При этом в чешском *ne* – это всего лишь отрицательная частица, присоединяемая к слову, но не полноценная часть слова. Или обратный пример: чтобы написать по-польски «(я) был бы», мы используем форму условного наклонения *byłbym*, а по-чешски мы бы написали: *byl bych*. А теперь ответь на свой же вопрос: что такое слово?

М.К.

Я, кажется, поняла. Слово легко опознать именно потому, что оно отделено от других слов пробелами. Если к этому так подходить, то всё становится предельно ясно.

А.М.

Этого ответа я и ждал. Слово может включать множество элементов со своими грамматическими значениями, но оно должно быть отделено от других слов пробелами. С этим не поспоришь. Однако в некоторых системах письма пробелов между словами вообще нет. В тайском, японском и некоторых других азиатских языках на письме слова не разграничиваются. Уже затёртое нами до дыр выражение «я не знаю», написанное по-тайски, выглядит вот так: «*ร้มมไ่่ข้า้จ* (*rǒm mâi khao chai*)», где *ร้ม* (*rǒm*) означает «я», *มไ่่* (*mâi*) – «не», *ข้า้จ* (*khao chai*) «понимать». Если ты взглянешь на некоторые ранние памятники древнерусского языка, то обнаружишь, что слова в них также не отделяются пробелами. Получается, что целый текст может быть одним словом?

М.К.

Ну да, тут уже проблемка возникает. Всё же мы ощущаем, что такое слово, даже не прибегая к письму. Я бы самостоятельное слово никогда не спутала со словосочетанием, предложением или текстом.

А.М.

Об этом я и говорил. Мы определяем слово интуитивно. Так же делают многие другие народы, даже те, что не имеют письма. Когда носителя бесписьменного языка просят продиктовать что-то пословно, он без затруднений это делает, хотя не знает как. А если начнёт задумываться, то, наверное, запутается.

Я об этой вещи задумался, когда переучивал немецкий. С 1996 года (и далее этапами до 2006 года) в Германии была проведена реформа, в результате которой сложные глаголы типа *stehenbleiben* «останавливаться, стоять», *liegenbleiben* «оставаться лежать», *spazierengehen* «гулять», *kennenlernen* «знакомиться» вдруг стало принято писать отдельно: *stehen bleiben*, *liegen bleiben*, *spazieren gehen*, *kennen lernen* (последний глагол в итоге было решено писать слитно). И вот тогда я задался вопросом: так это теперь два слова или одно? С одной стороны, каждая из частей сложного глагола является самостоятельным глаголом, что всегда мне было понятно, но с другой стороны, в данных сочетаниях они образуют смысловое единство. Выходит, что помимо графических признаков слова следует выделять ещё структурные и семантические признаки.

В немецком языке есть ещё одно интересное явление – отделяемые приставки (полупрефиксы). Например, слово *aufstehen* «вставать» при спряжении теряет свою приставку, то есть она отделяется от основы глагола и уходит в конец предложения: «*ich stehe früh auf* (я рано встаю)», «*du stehst spät auf* (ты поздно встаёшь)» и т. д. Опять же получается, что одно слово разбивается на два? Или это по-прежнему одно слово? Этот вопрос меня тоже давно занимает, я так и не нашёл на него ответа.

Говорить о словах в теории довольно интересно, но всё это далеко от нашей темы. Давай уже перейдём непосредственно к этимологии, иначе мы случайно пройдемся по всей лингвистике.

М.К.

Поддерживаю предложение. У меня как раз назрел вопрос о словах. Я хотела задать его ещё в самом начале, но решила, что немного словоблудия о языке нам не помешает.

Я обращала внимание на то, что некоторые слова в английском и русском довольно похожи: английское *look* и русское *лук/люк*, английское *rule* и русское *руль*, английское *row* и русское *ров*. Многие слова при этом имеют одинаковые или близкие значения: английское *wolf* и русское *волк*, английское *milk* и русское *молоко*, английское *snow* и русское *снег*. Как можно объяснить это сходство? Оно чем-то обусловлено?

А.М.

В одних случаях обусловлено, а в других нет. Чтобы эти случаи различать, нужно хорошенько покопаться по словарям, провести этимологическое исследование.

Часто слова похожи совершенно случайно. Так, русское слово *странный* похоже на итальянское *strano* «странный». Помимо схожести формы слов совпадают и значения, но эти слова вовсе не являются родственными. Слово *странный* родственно слову *сторона*. Слово *strano* восходит к латинскому *extrāneus* «внешний, посторонний», далее к *extrā* «вне, снаружи». Отсюда же итальянские слова *estraneo* «посторонний», *straniero* «иностранный», английские *strange* «странный», *extraneous* «внешний, посторонний», французское *étrange* «странный», испанское *extraño* «странный; чужой», португальское *estranho* «странный; чужой». Все эти слова случайным образом оказались похожими на русское слово, но такое сходство обманчиво.

Точно так же, например, случайно сходство английского *bad* «плохой» и персидского 𐬡𐬀𐬎𐬎𐬀 (*bad*) «плохой», латинского *deus* «бог» и древнегреческого *θεός* (*theós*) «бог». Интересно, что в индейском языке науатль обнаруживается слово *teōtl* «бог», которое с ними тоже не связано. Также мне однажды бросилось в глаза, что в языке индейцев таос (один из кайова-таноанских языков центральной части Северной Америки) буйвола называют *kònéna* (корень *kòn-*), что почему-то сразу вызвало у меня ассоциации со словом *конина*. Само собой, ни русские не могли заимствовать слово у индейцев, ни индейцы не могли заимствовать слово у русских. Всё это примеры чистейших совпадений, точных и не очень.

В случае со словами *wolf* и *волк*, *snow* и *снег* о случайности уже речи не идёт. Эти слова действительно родственны на очень древнем уровне, что давно доказано этимологами.

Русское слово *волк* восходит к древнему праиндоевропейскому слову **wĺkʷos* «волк», от которого происходят старославянское *вѣлкъ*, украинское *вовк*, болгарское *вѣлк*, сербохорватское *ву̀к*, чешское *vlk*, польское *wilk*. По германской ветви от того же древнего слова происходят английское *wolf*, немецкое *Wolf*, шведское, норвежское и датское *ulv*, исландское *úlfur*. Есть многочисленные когнаты (родственные слова) и в других языках: литовское *vilkas*, санскритское *वृक* (*vṛka*), персидское *گَـرگ* (*gorg*), древнегреческое *λύκος* (*lúkos*), латинское *lupus* (отсюда французское *loup*, итальянское *lupo*, испанское *lobo*) – всё это названия волка в соответствующих языках.

Русское слово *снег* восходит к древнему слову **snóygʷh₂os* «снег», откуда происходят старославянское *снѣгъ*, украинское *сніг*, болгарское *сняг*, сербохорватское *снѣгъ*, *снегъ*, чешское *sníh*, польское *śnieg*, литовское *sniẽgas*, английское *snow*, немецкое *Schnee*, шведское *snö*, норвежское *snø*, датское *sne*, исландское *snjór*.

В данных случаях сходство обусловлено родством. Отмечу, что не все слова похожи, но в этимологии похожесть слов играет не такую уж существенную роль. До знакомства с этимологией я бы и предположить не мог, что русское *волк* может быть связано с латинским *lupus* (с этим словом на самом деле не всё до конца ясно), но их считают родственными.

В иных случаях сходство объясняется заимствованием. Заимствованные слова проще распознавать, но в них так же просто и запутаться. Короткие иностранные слова, состоящие из одного или двух слогов, могут оказаться похожими на многие известные нам слова из русского языка, причём иногда могут совпадать и значения, но это ещё не является свидетельством того, что русский то или иное слово заимствовал. В этом ты могла убедиться на примере слов *странный* и *strano*.

В случае со словами *rule* и *руль* мы имеем дело со случайным сходством. Английское слово *rule* «правило; управлять» происходит от латинского глагола *regō* «управлять». А слово *руль* в русском языке – это заимствование из нидерландского *roer* «руль», которое в эпоху Петра I могло

иметь вид **рурь*. В этом слове *p* сменилась на *л* в результате диссимиляции (аналогичным образом древнерусское слово *феврарь*, восходящее к латинскому *februārius*, превратилось в современное *февраль*). Может, это тебя удивит, но нидерландское *roer* связано с английским *row* «гребти вёслами», которое к слову *ров* не имеет никакого отношения.

М.К.

Господи, как же всё сложно! Для меня всегда было аксиомой, что слова *rule* и *руль* как-то связаны между собой. И слово *странный* я считала заимствованием из итальянского. А тут такое! Как это всё выясняют?

А.М.

Для того и существует наука этимология.

Глава 2. Этимология

М.К.

Итак, что же такое этимология? Расскажи общими словами, что это за наука такая и чем она занимается.

А.М.

Само слово *этимология* происходит от древнегреческих слов *ἔτυμον* (étumon) «истинный» и *λόγος* (lógos) «слово; учение». То есть этимология – это учение, которое призвано искать истинное происхождение слов.

Заглянув в какой-нибудь энциклопедический словарь, можно обнаружить два или три различных определения термина «этимология». Я укажу на два основных. Этимология – это 1) раздел лингвистики, занимающийся происхождением слов; 2) гипотеза о происхождении слова, конкретный результат этимологического анализа. Нередко слово *этимология* используют как синоним слова *происхождение* (часто говорят «этимология слова»).

Лично мне кажется, что лучшее определение даёт сам термин. Этимология – это наука, которая должна искать истину. Её искали многие ещё в античности и средневековье, но находить стали лишь века два назад.

М.К.

А когда вообще человек стал интересоваться словами своего языка? Древние люди могли проявлять интерес к словам, задумываться об их происхождении?

А.М.

Этого никто не знает наверняка. Но мне кажется, что и наши далёкие предки могли задаваться вопросами по поводу слов своего языка. Мы ведь иногда обращаем внимание на слова, которые имеют общее происхождение, но по форме или по смыслу не очень похожи: *лес* и *леший*, *лягаться* и *лягушка*, *свет* и *свеча*, *вода* и *водка*. Наши предки тоже могли обнаружи-

вать какие-то простые связи между отдельными словами своего языка, но они их никогда не систематизировали в какое-то общее знание.

М.К.

Но ведь когда-то же начинали заниматься этимологией, пусть даже на самом примитивном уровне?

А.М.

Точно можно сказать, что этимологией занимались в Древней Греции. Ведь, как я и говорил, само слово *этимология* греческого происхождения. Его, как считают некоторые исследователи, придумал философ-стоик Хрисипп.

Рассуждения о происхождении слов мы встречаем в диалоге Платона «Кратил», но они были в целом наивными и далёкими от науки. Платон не знал или не хотел признавать, что языки меняются, не учитывал словообразования и вообще рассматривал слова языка так, как будто это какая-то данность, дар, посланный свыше, который не нужно или не имеет смысла исследовать.

Большой шаг вперёд в области этимологии сделал римский учёный-грамматист Варрон. Он понимал, что языки развиваются и что языковые изменения часто обусловлены фонетикой. Он даже был близок к тому, чтобы определить роль словообразования в этимологии. Но Варрон не имел никакой методологии, его рассуждения были в основном логичными, но иногда он позволял себе вольности. Так, он объяснял происхождение латинского слова *lūna* «луна», раскладывая его на компоненты *lū-* (далее он возводил его к глаголу *lūseō* «светить») и *-na* (от *nox* «ночь»). Надо сказать, что тут Варрон случайно угадал связь слов *lūna* и *lūseō* – они действительно родственны. Но в остальном такой анализ не может считаться научным и, следовательно, удовлетворительным.

В Средние века и частично в Новое время ничего принципиально нового открыто в этимологии не было. Схоласты иногда придумывали какие-то свои версии происхождения слов, но часто их рассуждения были невежественными и противоречили здравому смыслу. Ярким представителем

средневековой эпохи был отец Церкви и энциклопедист Исидор Севильский. Его крупнейший труд, называемый *Etymologiae*, был, наверное, единственным средневековым источником по этимологии.

Этимология до конца XVIII века практически не развивалась. В России одно время проживал немецкий учёный А. Л. Шлёцер, один из авторов «норманской теории». В своих этимологических измышлениях он ушёл не дальше Платона. Основным критерием родства он считал похожесть слов, даже не всегда очевидную. Так, русское слово *князь* он легко связывал с немецким *Knecht* «слуга», слово *дева* он возводил к немецкому *Dieb* «вор». Его совсем не смущало то, что эти слова имеют разные значения и разную историю. Таких «Шлёцеров» в России и Европе было довольно много. Например, русский поэт В. К. Тредиаковский утверждал, что название страны *Норвегия* происходит от русского *Наверхия*, *Италия* – от *Удалия*, *Британия* – от *Братания* (от слова *брат*). Тредиаковский сам придумывал слова, от которых, по его мнению, могли происходить указанные названия стран.

Именно из-за таких «бездарностей» у Вольтера появился повод язвительно заметить, что «этимология – это наука, в которой гласные ничего, а согласные почти ничего не значат».

М.К.

Неужели Тредиаковский был настолько глуп? Об этимологии слова *Норвегия* даже я знаю. Оно переводится как «северный путь». И слово *князь*, мне кажется, должно быть связано с английским *king* «король» или немецким *König* «король». Так ведь?

А.М.

В точку. Прагерманское слово **kuningaz*, от которого произошли также английское *king* и немецкое *König*, было заимствовано в праславянский язык, где оно превратилось в **kъnędzь*. От него происходят старославянское *къназь*, русское и украинское *князь*, болгарское *княз*, сербохорватское *кнеџ*, чешское *kněz*, польское *ksiądz*.

М.К.

Ура! Я верно угадала этимологию! Наверное, мне тоже следует стать этимологом. Когда закончим с интервью, обязательно всё перечитаю, выучу и буду умничать перед всеми.

А с каких пор человечество стало заниматься этимологией осознанно? Я имею в виду научный этап этимологии. Неужели только после XVIII века люди додумались, что слова в разных языках настолько похожи и что они могут быть родственными?

А.М.

Конечно, нет. Люди и раньше понимали, что лексика и даже грамматика в разных языках схожа. В отдельных случаях говорили и о родстве языков (например, романских, германских, славянских, а также тюркских и семитских). Но научной лингвистики тогда ещё не было, хотя предпринимались какие-то попытки описать язык в целом.

В некоторых странах (например, в Индии) своя лингвистическая традиция существовала ещё до нашей эры. Были и в Европе свои смелые попытки «понять» язык, но довольно поздние. Так, о сходствах и различиях в языке (в широком смысле) в XVII веке писали авторы знаменитой «Грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло, причём многие мысли в этом труде даже предвосхитили идеи лингвистов XVIII-XIX вв.

Развитие научной этимологии напрямую связано с возникновением сравнительно-исторического языкознания в конце XVIII – начале XIX века. Это произошло после того, как английский филолог У. Джонс открыл для Европы древний язык Индии санскрит (на самом деле, он был известен и ранее, но внимание на него учёные обратили лишь тогда). Сходство санскрита с языками Европы (особенно с древнегреческим и латынью) подвело У. Джонса и его последователя Ф. Шлегеля к мысли, что многие языки от Европы до Индии могут быть родственными. Это была настоящая научная сенсация того времени.

В XIX веке развивающаяся лингвистика была в основном сосредоточена на изучении грамматики и лексики языков. Это было время сравнительного языкознания. Уже через четверть века после открытия санскрита

немецкий учёный Ф. Бопп написал книгу, в которой родство индоевропейских языков было по-настоящему обосновано. Р. Раск и Я. Гримм (один из братьев Гримм) фактически заложили фундамент германского языкознания. А. Ф. Потт первым составил таблицы фонетических соответствий для индоевропейских языков. Русский филолог немецкого происхождения А. Х. Востоков сделал немало важных открытий для славянских языков. В общем, как ты можешь видеть, на раннем этапе развития сравнительно-исторического языкознания особо отметились немцы.

Самой яркой личностью этого периода был (опять же) немец А. Шлейхер. Он очень много написал за свою относительно недолгую жизнь, выдвинул массу теорий, изучал самые разные языки (он впервые стал использовать ценный материал литовского языка в своих исследованиях), составлял сравнительные грамматики. Ему же принадлежит идея родословного древа языков, которая актуальна и по сей день. Не все его идеи оказались верными, некоторые из них впоследствии были отброшены, но в то время они сыграли свою положительную роль.

Думаю, всю историю этимологии и сравнительно-исторического языкознания мне рассказывать не стоит. Дальше происходит выяснение отдельных фонетических соответствий на материале известных и открытых древних языков, составление словарей, реконструкции праязыков и так далее. Это ещё целый список громких имён: А. Фик, А. Лескин, К. Бругман, Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ж. Вандриес, Е. Курилович, Э. Бенвенист и многие другие. Об этих людях можно отдельную книгу писать.

М.К.

А кто вообще занимается этимологией сегодня? Это элитарная наука, доступная только тем, кто обладает определёнными знаниями, или ей может заниматься кто угодно?

А.М.

Этимология научная – это преимущественно занятие лингвистов, которые имеют соответствующее образование, опыт исследования, работы которых признаются в научных кругах.

Есть специалисты, которые прекрасно разбираются в лингвистике, сравнительно-историческом языкознании, знают немало языков, но предпочитают не тратить своё время на поиски каких-то корней, установление родственных слов. Эти люди посвящают себя другим исследованиям, изредка касаясь этимологии для каких-то своих частных целей. Некоторые специализируются именно на этимологии и исследуют слова языка, ставя другие направления на второй план. И те и другие пользуются большим авторитетом, их работам стоит верить, если они достаточно обоснованы.

М.К.

Достаточно обоснованы? Ну, я думаю, учёные глупости не скажут, так что так критично к их работам не стоит относиться.

А.М.

Как раз к работам учёных и следует относиться критично. Это тем, кто от науки далёк, сегодня простительна всякая глупость, даже если с её помощью можно одурачить известную половину нашей необъятной страны. Если же учёные начинают «дуреть» и заражать этой «дуростью» остальных учёных, что уже бывало в истории нашей страны, то это влечёт за собой тяжкие последствия.

М.К.

А у нас в России разве были лингвисты, которые, как ты говоришь, «дурели» и кого-то «заражали»?

А.М.

Расскажу я тебе такую вот историю. В СССР начиная с 1923 года известный востоковед, кавказовед, историк и археолог Н. Я. Марр стал выдвигать сумбурные гипотезы о развитии языка, которые позднее были оформлены в так называемое «новое учение о языке».

Это «учение» стало отрицать сравнительно-историческое языкознание (мол, наука буржуазная) и выдвигало в качестве верной теорию о стадильности возникновения языка. Согласно этой теории, языки возникали

независимо друг от друга, проходя путь от жестов к так называемым «диффузным выкрикам», которые включали четыре базовых корня: *сал*, *бер*, *йон*, *рош*. В результате каких-то непонятных изменений эти базовые корни развились во все известные и неизвестные слова живых и мёртвых языков.

Печально, что это «учение» было поддержано властью и просуществовало вплоть до 1950 года. Но ещё печальнее то, что из-за несогласия с этим «учением» части действительно разумных лингвистов, противившимся «марризму» в советском языкознании, пришлось пострадать от рук товарища Сталина. Всё же правда восторжествовала, наука о языке «вылечилась» от этого недуга. Надеюсь, такого больше не допустят у нас в России.

М.К.

Да, про такое я слышала. Марр бы, скорее всего, не был поддержан учёными, если бы не Сталин. Так вышло, что самодур от науки попал под крыло самодура от политики, и вот такая каша заварилась.

Ты выше говорил, что есть люди, которые от науки далеки, но они дурачат полстраны. Что это за люди такие?

А.М.

О, это особая каста. Есть такие люди, которые занимаются любительской лингвистикой и этимологией, но, по сути, выдумывают всякие версии происхождения слов, которые кажутся им логичными (хотя они часто таковыми не являются).

Среди таких людей есть и довольно известные личности. Например, академик А. Т. Фоменко, автор так называемой «Новой хронологии», которая ставит под сомнение достижения современной исторической науки и предлагает своё видение истории. К ним также следует отнести сатирика М. Н. Задорнова с его вездесущим слогом *ра*, философа В. А. Чудинова с его теорией славянских рун, арабиста Н. Н. Вашкевича с его русско-арабскими соответствиями, писателя А. И. Асова с его переводами «Велесовой книги», автора книг по английскому языку А. Н. Драгункина, кото-

рый утверждает, что все языки произошли из русского (это, кстати, утверждает не он один). Можно назвать ещё с десяток громких имён.

Все эти люди пишут о языке, не обходя вниманием и этимологию. Они превратили её в инструмент для «доказательства» своих псевдонаучных теорий. Мне сложно даже представить, что ими движет, когда они пишут или говорят на телевидении о том, что идёт в разрез с официальной наукой. Ведь они образованные люди, некоторые из них имеют учёные звания и степени, работают или работали в институтах и университетах. При этом в их «творчестве» ничего умного нет, сплошная отсебятина.

М.К.

Я вот не совсем понимаю, почему так происходит, что любители «атакуют» своей глупостью именно лингвистику и этимологию? Почему они не атакуют другие науки?

А.М.

Причина, скорее всего, кроется в том, что каждый человек, зная свой родной язык, думает, что он от природы наделён достаточными компетенциями, чтобы высказывать своё мнение о происхождении слов и истории языков или даже навязывать его другим. Это довольно странный подход. Будучи человеком, то есть существом биологическим и социальным, я бы не стал высказывать «крамольные» идеи о биологии и социологии, если я не изучал этих наук, и тем более я бы не стал предлагать их широкой публике, выдавая их за реальные научные факты. Лингвисты-любители именно этим и занимаются.

М.К.

Я смотрела выступления Задорнова раньше и слышала об этом таинственном слого *ра*, который, как он утверждает, присутствует едва ли не в каждом втором русском слове. Честно говоря, я когда-то тоже думала, что он говорит правду. Выходит, что нет.

А.М.

Интересный случай вспомнился. Не так давно я стал невольным свидетелем спора между двумя своими знакомыми по поводу происхождения слова *культура*. Наслушавшись или начитавшись всяких псевдоэтимологий, один из спорщиков всеми силами стремился доказать другому, что это слово следует расшифровывать как *культ у Ра* (об этом я, кстати, и сам где-то читал). Оппонент ему доказывал, что это слово заимствовано (источник слова при этом он не указывал), поэтому оно не может так читаться.

Прав был, конечно, тот, кто доказывал заимствованный характер слова. Слово *культура* происходит из латыни (от *cultūra*, далее от *colō* «возделывать почву») и никак не может быть переложено на русский в таком виде. Но убеждённость первого спорщика меня очень удивила. Он так сильно верил в то, что говорил, что даже если сам А. А. Зализняк лично придёт и прочитает ему лекцию о любительской лингвистике, он останется стоять на своём.

М.К.

Да уж... А история со словами *мерзавец* и *подлец* правдива? Кажется, она тоже принадлежит Задорнову?

А.М.

Не слышал, расскажи.

М.К.

Якобы на Руси был такой вид наказания: в холодный зимний день того, кого нужно было наказать, привязывали к столбу и затем лили на него воду; тот, кого привязывали к столбу, назывался мерзавцем, а того, кто подливал воду, называли подлецом.

А.М.

Вспомнил. Эту историю я слышал ещё в детстве, но уже вряд ли припомню, кому она принадлежит. Конечно, довольно интересная история, живая, но это тоже выдумка, ничего общего с реальностью не имеющая.

Слово *мерзавец* действительно родственно слову *мёрзнуть*, но вообще восходит к слову *мерзкий* (в древнерусском – *мързкъ*) и далее к праславянскому **mьrзькъ*, от которого происходят также старославянское *мръзкъ*, сербохорватское *мрѣак* «ненавистный, отвратительный», чешское *mrzký* «мерзкий, гадкий». Семантика та же, что у слов *мразь* (церковнославянское слово) или *отморозок*, которые также связаны родством со словом *мёрзнуть*. В украинском в том же значении используется слово *мерзотник* с тем же корнем. Как известно, и от холода и от отвращения может «бросать в дрожь», отсюда и такое отождествление.

Что касается слова *подлец*, то тут всё ещё проще. Во-первых, в слове *лечь* корневой гласный *и*, а в слове *подлец* последний гласный *е*, что уже не позволяет связать эти слова. Во-вторых, *-ец* в слове *подлец* – это суффикс, а не часть корня, тогда как часть *под-* вовсе не является приставкой. Очевидно, выдумщик просто плохо изучал морфемный анализ в школе. Слово *подлец* явно связано со словом *подлый*, которое встречается в ряде других славянских языков (украинское *підлий*, чешское и словацкое *podlý*, польское *podły*) и ранее означало «низкий, простонародный». Предполагают, что в русский язык это слово было заимствовано из польского через украинское посредство.

М.К.

Шарлатаны! Обманывают честной народ. От этого вообще может быть какой-то глобальный вред или такие теории можно считать безобидными?

А.М.

Сами по себе слова не так интересны и не так опасны. Если кто-то определит неверную этимологию какого-то слова и убедит в ней сам себя, то никакой катастрофы не произойдёт. Интересны и опасны те выводы, которые можно сделать, проводя какие-нибудь манипуляции со словами и предлагая их широкой публике.

Часто при помощи таких манипуляций фальсифицируется история. Например, некоторые украинцы всерьёз верят, что их предками являются

какие-то древние укры, которых никогда не существовало. Само название страны *Україна*, которое в действительности восходит к древнерусскому слову *оукраина* (корневым является слово *край*), некоторые украинские лингвисты-любители возводят к древнегреческому названию троянцев *Τευκροί* (Teukroí) и его латинской передаче *Teucris*. Последнее слово они читают как *те укры* (правильная передача в русском – *тевкры*). Такой псевдолингвистический анализ многих убеждает в том, что украинцы, потомки «тех укров», древнее «москалей».

Надо сказать, что это ещё довольно умный ход, поскольку чаще всего даже в школьных учебниках на Украине, а также в некоторых других странах фальсификация истории происходит на основе глупейших с точки зрения лингвистики подтасовок или просто на уровне констатации, то есть без всяких доказательств с опорой на лингвистику, археологию или хотя бы здравый смысл.

М.К.

В украинских учебниках пишут, что были древние укры? Не поверю в жизни. Это как-то слишком.

А.М.

Найди где-нибудь учебник Р. Ляха и Н. Темировой для семиклассников и открой шестую страницу. Там под заголовком «Стародавня історія України» первым делом ты обнаружишь следующие слова: «Найдавнішній період в історії українського народу – стародавній – тривав понад 140 тис. років»¹. Странно как-то получается: древние укры жили в те времена, когда человек ещё обитал в Африке.

М.К.

Какой ужас! А в России такого «срама» нет?

¹ Древнейший период в истории украинского народа – древний – длился свыше 140 тыс. лет.

А.М.

В России с этим дела обстоят тоже не лучшим образом. В школьных учебниках такого «срама» ты, к счастью, не найдёшь, но в массовой литературе подобного довольно много. В СССР эти работы сразу же были бы отправлены в спецхран, а их авторам бы пришлось очень несладко. Сегодня же каждый волен безнаказанно нести всякую чепуху, какая ему взбредёт в голову, поэтому удивляться тут нечему.

Уже названный мной «авторитетный» товарищ Фоменко (и вместе с ним его коллега Г. В. Носовский) всех уверяет, что Россия когда-то владела всем миром, опираясь на такие же манипуляции со словами (у него там ещё много опор, но те тоже крайне сомнительны). Так, если верить «Новой хронологии» (чего я делать не рекомендую), русские и ирландцы – один народ, потому что английские слова *Irish* и *Russian* похожи, хотя я сходства совсем не вижу. Название исторического государства *Пруссия*, согласно Фоменко, происходит от сокращения *Б. Русь*, то есть *Белая Русь* (Белоруссия). Название города *Рим* в русском соответствует названию города *Самара* только потому, что в них присутствуют согласные *р* и *м*. Вот такие рассуждения в основном и приводятся в работах Фоменко.

Человек воспринимает всю эту ложь, частично её фильтруя, но что-то основное откладывается в голове. Остаётся какая-то идея, которая может привести к нездоровому патриотизму и национализму. Я бы очень не хотел, чтобы люди, разделяющие неправильные представления об истории своей страны и своего языка, пришли к власти. Они натворят больших бед, как это уже бывало в мировой истории.

М.К.

Тогда это серьёзная проблема. Её ведь как-то должны решать на высшем уровне? Неужели таким людям всё дозволено?

А.М.

В идеале такие публикации и выступления следовало бы вообще запретить. В России существует Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая должна отслеживать разного

рода псевдотеории и давать им соответствующую оценку. Мне, если честно, не совсем понятно, чем она вообще занимается. Я слышал, что они гонят уфологов и астрологов, но и те чувствуют себя вполне вольготно в России.

Я когда-то тоже активно увлекался уфологией и легко находил любую литературу по этой теме, даже самую бредовую. Раньше я был только рад этому, а теперь мне как-то не по себе от той мысли, что такое можно приобрести в обычном книжном магазине. (Оговорюсь, что саму уфологию я считаю достойным направлением исследования, но если она опирается на реальные доказательства, а не на подложные громкие сенсации.) Когда же я вижу «шедевры» псевдоисториков или псевдолингвистов, мне хочется скупить их все и сжечь, чтобы никто их случайно не прочитал. К сожалению, подобные книги и публикации печатаются такими большими тиражами, что истребить эту «нечисть» просто невозможно.

М.К.

Хочется посмеяться, да и поплакать тоже. Куда же мы катимся...

А.М.

Во все времена считали, что мир скатывается в пропасть обскурантизма, о порче нравов трубили ещё в античности. Переживём и это.

М.К.

Выходит, обычные люди без подготовки и специальных знаний в области лингвистики и этимологии в принципе не способны заниматься историей слов?

А.М.

Не совсем так. Этимологией также занимаются обычные люди, часто не целенаправленно, а из любопытства. Многие из них даже не знают о том, что существует наука этимология.

Например, дети часто проявляют интерес к словам своего языка и легко могут назвать, например, шкатулку *складулкой*, увязывая слово

шкатулка со словом *складывать*. Некоторые взрослые люди тоже способны придумывать такие наивные соответствия. Кстати, такая этимология как раз и называется наивной, или народной (эти понятия не всегда тождественны, но тут я не провожу между ними различий).

Мы часто задумываемся о словах языка и в ряде случаев можем довольно просто определить родство некоторых слов. Например, слова *путник*, *спутник*, *попутчик*, *сопутствовать* мы можем считать производными от слова *путь*. Для этого даже не нужно разбираться в словообразовании, достаточно хорошо знать русский язык. Но само слово *путь* без соответствующих знаний нам к чему-то возвести сложно. Для этого нужно выйти за рамки своего языка и начать поиск по словарям других языков. Человек, который этого не понимает, скорее всего, станет придумывать какую-нибудь ерунду, которая ничего общего с реальностью не имеет.

Этимологи давно нашли соответствующие когнаты для русского слова *путь*: латинское *pōns* «мост, тропинка» (в родительном падеже – *pontis*), древнегреческое *πάτος* (*pátos*) «дорога, путь», санскритское *पथिन्* (*páthin*) «дорога, путь», а также английское *path* «путь» и немецкое *Pfad* «путь». Ему также родственен английский глагол *find* «находить» (прагерманский глагол **finþanq* изначально имел значение «набрести, наткнуться по пути»). Если этимолог-любитель определит этот круг родственных слов и сможет лингвистически обосновать, почему они родственны, то тогда он избежит ошибки.

М.К.

Но можно ведь просто интересоваться этимологией? Я думаю, что человеку, который не изучал десятков языков, не штудировал труды по этимологии и сравнительно-историческому языкознанию, достаточно проявлять время от времени интерес к этимологии отдельных слов. Только для этого нужно знать, каким источникам следует верить, а каким нет.

А.М.

Да, ты абсолютно права. Для этого достаточно иметь под рукой хороший этимологический словарь (например, словарь М. Фасмера или П. Я.

Черных). В словаре обычно уже собраны нужные соответствия в других языках, версии происхождения. Не все слова имеют хорошо прослеживаемую историю, поэтому часто в словарях можно встретить более одной версии, а иногда даже прямо говорится, что «происхождение слова неясно», «слово сложное», «нет точных данных» и т. д.

М.К.

Ладно, давай теперь поговорим конкретнее о научной этимологии. Составим план, по которому мы пройдемся, чтобы ничего важного не пропустить. Какие самые важные вопросы ты бы предложил рассмотреть?

А.М.

Для начала следует пояснить некоторые моменты, связанные с языковым родством. В сравнительно-историческом языкознании и этимологии это принципиально важный пункт. Также мы с самого начала говорили, что слова языка могут быть исконными и происходить из древнего праязыка, а могут быть и заимствованы из другого языка, в том числе и родственного. То есть имеет смысл рассмотреть отдельно эти способы появления в языке слов. К тому же значения слов со временем меняются, что тоже очень интересно пронаблюдать.

Таким образом, я предлагаю рассмотреть четыре основных вопроса: 1) языковое родство и праязыки; 2) фонетические изменения; 3) заимствования и кальки; 4) семантика. Есть и более частные вопросы, которые можно было бы рассмотреть (словообразование, роль диалектов в этимологии и т. д.), но это, пожалуй, будет излишним для нашей беседы. Если возникнет надобность, то вкратце расскажу и об этом.

Глава 3. Родство языков и праязыки

М.К.

Наконец, подобралась к теме языкового родства. Мне в общих чертах понятно, что это такое, но всё же хотелось бы, чтобы ты это как-то продемонстрировал.

А.М.

Да легко! Ти чула хоч раз, як розмовляють українці?²

М.К.

Ха-ха! Да. Они розмовляють на мове.

А.М.

Тоді не варто пояснювати, чому ти так швидко відповіла на це питання.³ Украинский язык очень похож на русский, его грамматика отличается не так уж и существенно, лексика тоже в основном совпадает с русской. Есть некоторые различия, создающие трудности для понимания, но в целом мы хорошо понимаем украинскую речь и даже можем к ней приноситься, просто слушая и имитируя её.

Того же нельзя сказать о речи других славянских народов, которые ушли от нас в языковом отношении гораздо дальше. Я спрошу тебя по-чешски: *Věříš na zázraky?*⁴ Как ты ответишь?

М.К.

Я поняла первые два слова: *веришь* и *на*. А последнее мне почему-то не нравится. Ты сейчас что-то нехорошее сказал?

А.М.

Нет. Я просто спросил, веришь ли ты в чудеса.

² Ты слышала хоть раз, как разговаривают украинцы?

³ Тогда не стоит пояснять, почему ты так быстро ответила на этот вопрос.

⁴ Веришь в чудеса?

М.К.

Да ну тебя! Не верю я ни в какие чудеса.

А.М.

Ладно, не совсем удачный пример. Упростим задачу. Попробуй перевести с польского: *Zawsze niech będzie słońce, zawsze niech będzie niebo, zawsze niech będzie mama, zawsze niech będę ja!*⁵

М.К.

Да это же детская песенка: «Пусть всегда будет солнце...». Только не совсем понятно, как точно перевести слова *zawsze* и *niech*.

А.М.

Слово *zawsze* означает «всегда», слово *niech* – «пусть». Сама видишь, что есть языки, которые ты можешь частично понимать, даже не зная их. Всё это благодаря языковому родству. Вот тебе и чудо.

В данном случае я приводил примеры из славянских языков. А ведь есть языки более далёкие. Попробуй перевести, например, такую простую греческую фразу: *Η ελληνική γλώσσα δεν είναι εύκολη* (*I ellinikí glóssa den éinai éfkoli*)⁶.

М.К.

Я вообще ничего не поняла.

А.М.

Я сказал, что греческий язык довольно непростой. Он действительно непростой и сильно отличается от славянских языков, хотя тоже им родственен на глубоком уровне.

В данном предложении есть слова, которые могут быть тебе известны. Например, греческое слово *γλώσσα* (*glóssa*) «язык», восходит к древне-

⁵ Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!

⁶ Греческий язык – непростой.

греческому γλῶσσα (glōssa) «язык», от которого происходят слова *гlossa* и *гlossарий*. Аттическая форма γλῶττα (glōtta) присутствует также в слове *полиглот*.

М.К.

Точно! Но я бы в жизни не догадалась. Если бы я знала перевод изначально, то, может быть, меня бы посетила мысль о связи слова γλῶσσα (glōssa) с русским *гlossa*. А так у меня фантазия просто не работает.

Но ведь в этом предложении нет слов, которые родственны русскому именно на древнем уровне? Какие ещё слова в этом «инопланетянском» греческом могут быть мне известны? По-моему, таких больше нет.

А.М.

Ещё как есть, Марин. Просто ты этого не сможешь увидеть без подготовки. Слова, которые были заимствованы и на вид схожи со словами в языке-источнике, определить просто. Слова, которые идут из праязыка, определить на глаз довольно сложно. Слово εἶναι (eínai) здесь является родственником одного известного русского глагола. Не догадываешься, о каком глаголе я говорю?

М.К.

Нет, что-то никак не могу своим умом дойти до этой тайны.

А.М.

Так и быть, раскрою вековую тайну. Слово εἶναι (eínai) – это форма 3-го лица единственного числа глагола εἶμαι (eímai) «быть», который происходит от древнегреческого εἶμι (eími) «быть». (Слова εἶμαι (eímai) и εἶμι (eími) вообще являются не инфинитивами, а формами 1-го лица единственного числа, но я эту личную форму обычно перевожу на русский инфинитивом, поскольку у нас эта форма является основной.) Этот самый глагол εἶμι (eími), как предполагают, развился из формы *εσμί (esmí).

А теперь посмотри на следующую таблицу и найди десять отличий.

Русский	Старослав.	Древнегреческий	Латинский	Санскрит
<i>есмь</i>	<i>юсмь</i>	<i>εἰμί</i> (eimí)	<i>sum</i>	अस्मि (ásmi)
<i>еси́</i>	<i>юси</i>	<i>εἶ</i> (eî)	<i>es</i>	असि (ási)
<i>есть</i>	<i>юстѣ</i>	<i>ἐστί(ν)</i> (estí(n))	<i>est</i>	अस्ति (ásti)
<i>есмы́</i>	<i>юсмѣ</i>	<i>ἐσμέν</i> (esmén)	<i>sumus</i>	स्मस् (smás)
<i>эсте</i>	<i>юсте</i>	<i>ἐστέ</i> (esté)	<i>estis</i>	स्थ (sthá)
<i>суть</i>	<i>сжтѣ</i>	<i>εἰσί(ν)</i> (eisí(n))	<i>sunt</i>	सन्ति (sánti)

Эти формы глагола «быть» в разных языках являются одними из самых древнейших. Они частично сохранили свой облик и в современных языках, но это можно обнаружить только в сравнении. Кстати, именно сравнение, если помнишь, и лежит в основе сравнительно-исторического языкознания.

М.К.

Ничего себе! Я теперь прозрела немного, но у меня вдруг появилось два вопроса. Во-первых, как же тогда выглядели эти, как ты говоришь, древние формы? Во-вторых, почему формы английского глагола *be* так отличаются от тех, которые ты привёл? Ведь английский, насколько я понимаю, тоже состоит в родстве с русским?

А.М.

Несомненно, английский состоит в родстве с русским. Все германские языки также являются индоевропейскими. И соответствующие германские глагольные формы тоже восходят к общей древней парадигме спряжения глагола «быть», но там изменения несколько иного характера.

Вот тебе ещё одна таблица для сравнения. В ней представлены праиндоевропейские (ПИЕ), прагерманские, готские, современные английские и немецкие формы.

ПИЕ	Прагерманский	Готский	Английский	Немецкий
<i>*h₁ésmi</i>	<i>*immi</i>	<i>im</i>	<i>am</i>	<i>bin</i>
<i>*h₁ési</i>	<i>*izi</i>	<i>is</i>	<i>are</i>	<i>bist</i>
<i>*h₁ésti</i>	<i>*isti</i>	<i>ist</i>	<i>is</i>	<i>ist</i>
<i>*h₁sṃós</i>	<i>*izum</i>	<i>sijum</i>	<i>are</i>	<i>sind</i>
<i>*h₁sté</i>	<i>*izud</i>	<i>sijup</i>	<i>are</i>	<i>seid</i>
<i>*h₁sénti</i>	<i>*sindi</i>	<i>sind</i>	<i>are</i>	<i>sind</i>

Как ты, наверное, уже заметила, некоторые английские и немецкие формы глагола «быть» не вписываются в общую схему. Объясняется это довольно просто. Английское слово *are* восходит к древнеанглийскому *earon* и является, по сути, формой совсем другого глагола, вытеснившей изначальные формы. Немецкие формы *bin*, *bist* являются формами прагерманского глагола **beunq*, который, кстати, родственен русскому слову *быть*. Лингвисты называют такое явление супплетивизмом.

М.К.

Знаешь, теперь мне кажется, что я знаю всё. Только у меня есть ещё один вопрос к этой таблице. Наверное, он прозвучит глупо, но я всё же спрошу. Русское слово *есть* родственно английскому *is*? Я правильно поняла?

А.М.

Английское *is*, французское *est*, итальянское *è*, чешское *je*, персидское است (*ast*), армянское է (*ē*) – всё это слова, которые родственны русскому *есть*. (Разумеется, не следует смешивать эту глагольную форму с инфинитивом *есть* в значении «принимать пищу». Это обычные омонимы.)

М.К.

Теперь ещё и армянский? Да это же вообще где-то в Закавказье! Я что-то запуталась. Так какие языки считаются индоевропейскими?

А.М.

Индоевропейская семья языков простирается от Индии на востоке до Исландии на западе. Это её исторический ареал, сегодня индоевропейские языки распространены и на других континентах. Это самая крупная языковая семья в мире. Классификация индоевропейских языков довольно обширная, поэтому упомяну лишь самые крупные и известные языки.

Индоиранская (арийская) ветвь индоевропейской языковой семьи включает: нуристанские (ашкун, вайгали, кати, прасун), индоарийские (бенгали, гуджарати, мальдивский, маратхи, непали, ория, пенджаби, сингальский, синдхи, хинди), дардские (калаша, кашмири, кховар, пашаи, шинна) и иранские языки (белуджский, дари, курманджи, леки, персидский, сорани, таджикский, хазара, центральноиранский, южнокурдский). Древние языки этой ветви: авестийский, древнеиндийский, древнеперсидский, мидийский, митаннийский.

Отдельно выделяют армянский (древнеармянский) и греческий (древнегреческий). Иногда их вместе с иллирийскими (албанский, мёртвые иллирийский и мессапский), фракийскими (мёртвые дакский и фракийский) и фригийскими языками (мёртвые пеонийский и фригийский) объединяют в палеобалканскую ветвь.

Славянские языки делятся на три подгруппы: западную (верхне- и нижнелужицкие, кашубский, польский, словацкий, чешский, мёртвый полабский), южную (болгарский, боснийский, македонский, сербский, хорватский, черногорский, а также старославянский) и восточную (белорусский, русский, украинский, также древнерусский и древненовгородский). Вместе с балтийскими (или балтскими) языками (латгальский, латышский, литовский, мёртвый прусский) славянские языки часто объединяют в балтославянскую ветвь.

Германские языки также делятся на две подгруппы: западную (английский, африкаанс, идиш, люксембургский, немецкий, нидерландский, нижненемецкий, фризский) и северную (датский, исландский, норвежский, шведский, фарерский). Исторически существовала также восточная подгруппа германских языков (бургундский, вандальский, готский), но она до настоящего времени полностью вымерла. К германской ветви также отно-

сятся древние германские языки: древнеанглийский, древнесаксонский, древневерхненемецкий, древнескандинавский и другие.

Италийская ветвь индоевропейских языков включала две группы: оскско-умбрскую (оскский, умбрский) и латино-фалискскую (латинский, фалискский). На сегодняшний день все эти языки вымерли, но из латыни, как ты знаешь, развились современные романские языки. Они включают несколько подгрупп: балкано-романскую (аромунский, истрорумынский, мегленорумынский, молдавский, румынский), галло-романскую (нормандский, французский и его диалекты), иберо-романскую (испанский, португальский и другие языки Пиренейского полуострова: арагонский, астурионский, галисийский, ладино), итало-романскую (итальянский и многочисленные диалекты Италии: венецкий, корсиканский, ломбардский, неаполитанский, пьемонтский, сардинский, сицилийский), окситано-романскую (каталанский, провансальский), ретороманскую (ладинский, романшский, фриульский).

Кельтская ветвь на сегодняшний день уже едва выживает, но когда-то она включала большое количество языков и распространялась на большие территории Европы. Принято выделять континентальные (все мёртвые: галатский, галльский, кельтиберский, лепонтийский, лузитанский), гойдельские (ирландский, мэнский, шотландский гэльский) и бриттские кельтские языки (бретонский, валлийский, корнский, мёртвый кумбрийский).

Не дожили до наших дней ещё две крупные ветви: тохарская (восточный тохарский А и западный тохарский Б) и анатолийская (исаврский, киликийский, лидийский, ликийский, лувийский, палайский, писидийский, сидетский, хеттский). Они, кстати, очень интересны лингвистам, поскольку дают очень хороший материал для анализа, в том числе и этимологического.

М.К.

Мне бы никогда в голову не пришло объединять персидский или древнеиндийский с русским. Я, конечно, не знаток этих языков, но мне кажется, что они никак не могут быть похожими на русский. Это языки совершенно разных культур. Да и принадлежность армянского к индоевро-

пейским языкам для меня стала неожиданной новостью. Я всегда думала, что он ближе к другим языкам Кавказа.

А.М.

Я думаю, если тебе показать какой-нибудь простой санскритский текст, его транслитерацию и перевод, то ты легко определишь, какие слова древнеиндийского языка соответствуют русским. Санскрит вряд ли можно назвать похожим на русский, но многие слова в этом языке и по формам и по значениям близки к русским.

Взгляни хотя бы на эти слова: उदन् (udán), ग्ना (gnā), धूम (dhūmá), नभस् (nábhas), त्रि (tri), जीवति (jīvati), भरति (bhárati), स्मयते (smáyate). Как бы ты их перевела?

М.К.

У меня получилось найти соответствия лишь для некоторых слов: ग्ना (gnā) – «жена», धूम (dhūmá) – «дума», नभस् (nábhas) – «небо», त्रि (tri) – «три», जीवति (jīvati) – «жевать», भरति (bhárati) – «брат», स्मयते (smáyate) – «смеяться». Значение слова उदन् (udán) мне как-то сложно определить.

А.М.

Почти всё угадала, только धूम (dhūmá) – это «дым», а जीवति (jīvati) – это «жить». Слово उदन् (udán) означает «вода», а слово नभस् (nábhas) – «облако, небо».

М.К.

А можно конкретнее узнать о праязыках? Ты называл уже праиндоевропейский, праславянский, прагерманский. Я не совсем понимаю, что это такое? Когда и где они существовали вообще?

А.М.

Праязык – это некоторый древний язык, от которого стали возникать современные языки. У каждой языковой группы имеется свой праязык.

Праславянский язык является праязыком для всех современных славянских языков. Он существовал где-то во II-I тысячелетии до нашей эры на территории Восточной Европы и стал распадаться на диалекты где-то к V веку нашей эры, когда славяне стали мигрировать на юг и восток. Окончательный распад славянских языков относят лишь к XII веку, когда произошло так называемое падение редуцированных.

Прагерманский является праязыком для всех современных германских языков. Он существовал примерно в то же время, что и праславянский, и распространялся с севера (Южная Скандинавия, Дания, частично Северная Германия) на юг, запад и восток.

Для всех современных романских языков праязыком была латынь (если смотреть глубже – праиталийский). О латыни мы знаем очень много, поскольку наследие Древнего Рима велико, у нас есть много письменных памятников на этом языке.

Праиндоевропейский язык, в свою очередь, является праязыком для праславянского, прагерманского, праиталийского, а также пракельтского, праиндоиранского и некоторых других древних праязыков.

Существует масса гипотез, каждая из которых помещает прародину индоевропейцев в свой ареал: курганная гипотеза М. Гимбутас (изначально волжские степи, затем северное Причерноморье), балканская гипотеза (Балканский полуостров), анатолийская гипотеза К. Ренфрю (западная Анатолия, Турция), армянская гипотеза Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванова (Армянское нагорье). Есть ещё несколько менее популярных на сегодняшний день гипотез, которые разделяют лишь в некоторых странах. Например, многие индусы думают, что прародина праиндоевропейцев находится в Индии, но сегодня эта гипотеза уже несостоятельна.

В индоевропеистике по сей день ведутся споры по поводу того, когда и где возник праиндоевропейский язык. Время распада праязыка обычно датируют III тысячелетием до нашей эры, но не исключено, что это произошло и раньше.

М.К.

Да уж. До чего наука дошла. И ведь, что интересно, такие древности исследуются и даже датируются. Археологи хотя бы имеют в руках материальный предмет старины, который можно подвергнуть радиоуглеродному анализу. А как вообще можно датировать праязыки? Ведь это не вещь какая-нибудь?

А.М.

На этот вопрос отвечает глоттохронология. Это приложение лексикостатистики, которое как раз и определяет время расхождения двух и более языков, устанавливает время «полураспада» лексики. То есть лингвисты тоже могут проводить анализ, подобный радиоуглеродному.

Американский лингвист М. Сводеш предложил гипотезу, согласно которой в языках мира существует лексика, обладающая относительной устойчивостью, то есть она может долго не вытесняться заимствованиями или родными словами с другими корнями. Если такие слова и вытесняются, то происходит это редко и (теоретически) равномерно, линейно.

Отталкиваясь от этой гипотезы, математически просчитывают время расхождения языков. Саму методику я описывать не буду, она довольно сложная. Если хочешь, можешь найти описание методики в работах и статьях нашего отечественного лингвиста С. А. Старостина. Он много занимался этой темой.

М.К.

Ну вот. А я как раз хотела спросить, как проводится расчёт. Так и быть, пропустим математическую часть. Объясни мне хотя бы, что это за лексика такая, которая обладает «относительной устойчивостью»? Можно конкретные примеры?

А.М.

В словаре всех языков есть такие слова, которые не связаны с какой-то конкретной культурой или особенностями местной жизни. Это суще-

ствительные, связанные с природой (*небо, земля, камень, ветер, вода, дерево, солнце, звезда, день, ночь*), человеком (*мужчина, женщина, сердце, голова, нога, глаз*), родством (*мать, отец, брат, сестра*), всякой живностью (*зверь, рыба, птица*), а также простые местоимения (*я, ты, мы*), прилагательные (*тёплый, холодный, старый, новый*), глаголы (*есть, пить, дышать, видеть, слышать, знать*), числительные (*один, два, три, четыре, пять*). Во многих близкородственных языках такие слова похожи.

Взгляни на эту таблицу лексических соответствий для славянских языков.

Русский	Украинский	Болгарский	Сербский	Польский
<i>я</i>	<i>я</i>	<i>аз</i>	<i>ја̑</i>	<i>ja</i>
<i>ты</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти̑</i>	<i>ty</i>
<i>один</i>	<i>один</i>	<i>един</i>	<i>јѐдан</i>	<i>jeden</i>
<i>два</i>	<i>два</i>	<i>две</i>	<i>два̑</i>	<i>dwa</i>
<i>три</i>	<i>три</i>	<i>три</i>	<i>три̑</i>	<i>trzy</i>
<i>женщина</i>	<i>жінка</i>	<i>жена</i>	<i>жѐна</i>	<i>kobieta</i>
<i>мужчина</i>	<i>чоловік</i>	<i>мъж</i>	<i>мушкáraц</i>	<i>mężczyzna</i>
<i>мать</i>	<i>мати</i>	<i>майка</i>	<i>мајка</i>	<i>matka</i>
<i>отец</i>	<i>батько</i>	<i>баца</i>	<i>òтац</i>	<i>ojciec</i>
<i>дерево</i>	<i>дерево</i>	<i>дърво</i>	<i>др̑во</i>	<i>drzewo</i>
<i>глаз</i>	<i>око</i>	<i>око</i>	<i>о̑ко</i>	<i>oko</i>
<i>нос</i>	<i>ніс</i>	<i>нос</i>	<i>но̑с</i>	<i>nos</i>
<i>сердце</i>	<i>серце</i>	<i>сърце</i>	<i>ср̑це</i>	<i>serce</i>
<i>есть</i>	<i>їсти</i>	<i>ям</i>	<i>јѐсти</i>	<i>jeść</i>
<i>видеть</i>	<i>бачити</i>	<i>виждам</i>	<i>ви̑д(j)ети</i>	<i>widzieć</i>
<i>солнце</i>	<i>сонце</i>	<i>слънце</i>	<i>су̑нце</i>	<i>słońce</i>
<i>земля</i>	<i>земля</i>	<i>земя</i>	<i>зѐмља</i>	<i>ziemia</i>
<i>ночь</i>	<i>ніч</i>	<i>ноц</i>	<i>но̑ћ</i>	<i>noc</i>
<i>день</i>	<i>день</i>	<i>ден</i>	<i>да̑н</i>	<i>dzień</i>

В этой таблице бо́льшая часть слов совпадает. Однако есть слова, которые просто не вписываются в общую картину. Например, русское слово

глаз (оно используется чаще, чем исконное устаревшее слово *око*) никак не связано с украинским *око* или польским *oko*. Польское слово *kobieta* явно не того же корня, что русское *женщина* или сербское *жена*.

Некоторые слова языка, как я и сказал, выбывают со временем, заменяются на другие. Чем дальше друг от друга языки, тем больше таких выбитий. Вот тебе та же таблица, в которой представлены уже русский, литовский, немецкий, итальянский и ирландский (все языки принадлежат к разным языковым группам).

Русский	Литовский	Немецкий	Итальянский	Ирландский
я	<i>àš</i>	<i>ich</i>	<i>io</i>	<i>mé</i>
ты	<i>tu</i>	<i>du</i>	<i>tu</i>	<i>tú</i>
один	<i>vienas</i>	<i>eins</i>	<i>uno</i>	<i>aon</i>
два	<i>du</i>	<i>zwei</i>	<i>due</i>	<i>dó</i>
три	<i>trỹs</i>	<i>drei</i>	<i>tre</i>	<i>trí</i>
женщина	<i>móteris</i>	<i>Frau</i>	<i>donna</i>	<i>bean</i>
мужчина	<i>vyras</i>	<i>Mann</i>	<i>uomo</i>	<i>fear</i>
мать	<i>mótė</i>	<i>Mutter</i>	<i>madre</i>	<i>màthair</i>
отец	<i>tėvas</i>	<i>Vater</i>	<i>padre</i>	<i>athair</i>
дерево	<i>mėdis</i>	<i>Baum</i>	<i>albero</i>	<i>crann</i>
глаз	<i>akis</i>	<i>Auge</i>	<i>occhio</i>	<i>súil</i>
нос	<i>nósis</i>	<i>Nase</i>	<i>naso</i>	<i>srón</i>
сердце	<i>širdis</i>	<i>Herz</i>	<i>cuore</i>	<i>croí</i>
есть	<i>válgyti</i>	<i>essen</i>	<i>mangiare</i>	<i>ith</i>
видеть	<i>matýti</i>	<i>sehen</i>	<i>vedere</i>	<i>feic</i>
солнце	<i>sáulė</i>	<i>Sonne</i>	<i>sole</i>	<i>grian</i>
земля	<i>žėmė</i>	<i>Erde</i>	<i>terra</i>	<i>talamh</i>
ночь	<i>naktis</i>	<i>Nacht</i>	<i>notte</i>	<i>oíche</i>
день	<i>dienà</i>	<i>Tag</i>	<i>giorno</i>	<i>lá</i>

Сразу хочу обратить внимание на то, что некоторые слова, которые кажутся непохожими на русские, на самом деле им родственны. Например, ирландское слово *bean* происходит от пракеельтского **benā*, где начальный

**b* возник из праиндоевропейского лабиовелярного согласного **g^w*. Всё слово восходит к праиндоевропейскому слову **g^wēn* «женщина» от которого происходят праславянское **žena* «женщина» (отсюда русское *жена*, украинское *жінка*, сербохорватское *жѐна* и т. д.), прагерманские слова **kwenō* «женщина» и **kwēniz* «жена» (отсюда английское *queen* «королева»), древнегреческое *γυνή* (*gunē*) «женщина, жена», а также санскритское *ग्न* (*gnā*) «жена», которое ты недавно угадывала. Немецкое *Frau* (от прагерманского **frawjō* «госпожа») и итальянское *donna* (от латинского *domina* «госпожа») имеют уже совсем другое происхождение.

Немецкое *Herz*, которое сложно так просто сопоставить с русским *сердце*, восходит к прагерманскому слову **hertō* «сердце» (отсюда и английское *heart*) и далее к праиндоевропейскому **kē̥r* «сердце», откуда происходят праславянское **sъrdьse* «сердце» (отсюда русское *сердце*, украинское *серце*, сербохорватское *sr̥ce* и т. д.), латинское *cor* «сердце» (отсюда французское *cœur*, итальянское *cuore*, испанское *corazón*), древнегреческое *καρδία* (*kardía*) «сердце», санскритское *हृदय* (*hṛdaya*) «сердце». Ирландское *croí* и литовское *širdis*, разумеется, тоже сюда.

Также довольно интересен случай со словом *день*. Оно восходит к праславянскому слову **dьнь* «день», далее к праиндоевропейскому корню **dyew-* «небо», от которого происходит также латинское *diēs* «день». От последнего, как несложно догадаться, происходят испанское *día* и португальское *dia*. Итальянское *giorno* и французское *jour*, как может показаться, к этим словам отношения вообще не имеют, однако это не так. Оба слова происходят от латинского прилагательного *diurnus* «дневной», которое, в свою очередь, образовано от *diēs*. Это не совсем прямая этимология, но всё же слова однокоренные. Бывают и такие запутанные случаи.

Как ты можешь заметить, количество совпадений в этой таблице тоже довольно велико, но и количество выбытий намного больше, чем в первой таблице. Полные таблицы, включающие по сто или двести слов, называются списками Сводеша. По ним подсчитывают точное количество выбывших слов, затем рассчитывают время расхождения языков, лексика которых анализируется. Результаты расчётов не всегда дают удовлетвори-

тельный результат, но в целом использование такой методики даёт лингвистам многое.

М.К.

Немецкое *Tag* и английское *day*, выходит, тоже связаны с русским словом *день*?

А.М.

Нет, эти слова не связаны с русским *день*. Они происходят от прагерманского слова **dagaz* «день», которое восходит к праиндоевропейскому корню **d^heg^{wh}-* «жечь». Отсюда литовское *dėgti* «жечь», русское *жечь*, латинское *foveō* «греть», ирландское *daig* «огонь», санскритское दहति (*dahati*) «гореть, сжигать». Уже много раз слышал такой вопрос. Видимо, многие считают эти слова родственными.

М.К.

Тогда моя душа спокойна. Долгие годы я думала, что *day* и *день* как-то связаны. Ночами не спала. А оказалось, всё так просто. А надо-то было всего лишь выучить литовский, латинский, древнегреческий, ирландский, санскрит и ещё праиндоевропейский в придачу. А потом ещё и додуматься связать эти слова из перечисленных языков. Какая мелочь!

А.М.

Юморить изволите? Один лишь санскрит, между прочим, учат долгие годы и не всегда осиливают. Древние языки на порядок сложнее современных.

М.К.

Ты столько слов из праиндоевропейского языка привёл, что создаётся впечатление, будто он хорошо известен. Неужели мы знаем о нём всё?

А.М.

Праиндоевропейский язык – гипотетический. Его реконструировали на основе живых языков, поскольку его никто из нас не слышал. Точно так же реконструировали праславянский, прагерманский, пракельтский и многие другие праязыки.

Ты, наверное, заметила, что слова из этих языков имеют начальный знак в виде звёздочки (*). Этот значок называется астериск, он указывает на то, что данное слово нигде не было засвидетельствовано и что учёные лишь предполагают такую его форму. Поэтому всего о праиндоевропейском языке мы знать не можем, зато многое можем предположить.

М.К.

Как можно реконструировать целый язык? Я ещё поверю в то, что можно определить как-то его возраст, но воссоздать с нуля то, что когда-то было живым языком, мне кажется, просто невозможно.

А.М.

Лингвисты как раз и занимаются тем, что делают невозможное – оживляют мёртвое. Реконструкция праязыка даётся довольно сложно. Очень много противоречивых фактов дают нам разные языки, к тому же многое было утрачено со временем, так что картина во всех отношениях выходит неполная.

Фонетика праиндоевропейского языка, как может показаться на первый взгляд, хорошо известна, однако это не так. Лингвисты пользуются компромиссной моделью. Система согласных в этой модели включает губные **m*, **p*, **b*, **b^h*, **w*, зубные **n*, **t*, **d*, **d^h*, **s*, **r*, **l*, среднеязычный **y*, три ряда заднеязычных: палатовелярные **k̑*, **g̑*, **g̑^h*, велярные **k*, **g*, **g^h* и лабиовелярные **k^w*, **g^w*, **g^{w^h}*, а также ларингалы **h₁*, **h₂*, **h₃*. Пять кратких гласных **i*, **e*, **a*, **o*, **u* противопоставляются долгим **ī*, **ē*, **ā*, **ō*, **ū*. Некоторые лингвисты считают, что долгие гласные возникли после выпадения ларингалов. Также предполагают наличие четырёх слоговых сонатов **r̥*, **l̥*, **m̥* и **n̥* (согласные **r*, **l*, **n* и **m* в положении между гласными), дифтонгов из сочетаний гласных **e*, **a* и **o* с неслоговыми **j̥*, **ɥ̥* (то же,

что *w, *y) и некоторого редуцированного *ə (его некоторые считают вокализованным ларингалом).

Граматику не всегда удаётся реконструировать точно и полностью, поскольку некоторые именные или глагольные формы могли исчезнуть без следа, и на основе современных данных восстановить их просто невозможно. Аналогично если бы мы не знали латинской грамматики, то на материале всех известных романских языков по крайней мере одну из двух форм страдательного залога в латыни мы бы воссоздать не смогли, поскольку она нигде не сохранилась.

Всё же на основе имеющихся данных было установлено, что праиндоевропейский язык обладал трёхродовой системой (мужской, женский и средний род), существительное изменялось по восьми падежам (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, местный, отложительный) и трём числам (единственное, двойственное, множественное). Глагол обладал категориями лица, числа, времени (настоящее, имперфект, аорист и перфект), залога (активный и средний) и наклонения (индикатив, императив, конъюнктив и оптатив). Также известно, что существительное, прилагательное и глагол могли быть тематическими (основы оканчивались на *o, чередующийся с *e) и нетематическими (таким гласным не обладали).

При реконструкции лексики возникает немало трудностей, не всегда можно установить точное значение древнего корня. Но то, что можно «спасти» от разрушительного влияния времени, пытаются встроить в реконструируемую систему праязыка. Таким образом, она постоянно дорабатывается. Над этим десятилетиями работали гениальнейшие учёные всего мира.

М.К.

А как вообще происходит лексическая реконструкция? Расскажи хотя бы вкратце, чтобы я поняла, откуда берутся эти слова под звёздочкой.

А.М.

У лингвистов есть хорошая наглядная модель – всё та же латынь. Мы знаем, что латинское слово *factum* ['faktum] «факт; сделанное» превратилось во французское *fait*, итальянское *fatto*, испанское *hecho*, португальское *feito*, румынское *fapt*. Но если бы мы совершенно не знали латыни, если бы все письменные памятники на этом языке были уничтожены в своё время, и до нас бы совсем ничего не дошло, мы бы теоретически могли догадаться, как выглядело слово со значением «сделанное» в этом языке: мы бы знали, что оно начиналось на **f*, за которым шёл бы некоторый гласный (скорее всего, это был **a*), а за гласным бы имелось сочетание некоторого согласного (взрывного **k*; сравни также заимствования: английское *fact*, немецкое *Faktum*, русское *факт*) и **t*. Мы бы могли реконструировать гипотетический корень **fakt-* или нечто похожее. Сопоставив следующие слова со значением «молоко» в романских языках: французское *lait*, итальянское *latte*, испанское *leche*, португальское *leite*, румынское *lapte*, мы бы по аналогии с предыдущим примером сказали, что их общий корень в латыни выглядел как **lakt-*. И действительно, эти слова происходят от латинской формы *lactem* («молоко» по-латински – *lac*), о чём мы прекрасно знаем.

Похожим образом поступают лингвисты при реконструкции праиндоевропейских основ. Разница лишь в том, что латинский язык мы знаем, поэтому можем проверить любую свою догадку о форме каких-то неясных слов, опираясь на то, что нам известно. Однако в случае с праиндоевропейским языком всё намного сложнее, так как о нём у нас не было никаких исходных данных, если не считать современных слов в индоевропейских языках.

Рассмотрим такой пример для праиндоевропейского языка. Возьмём ряд слов со значением «дверь» из славянских языков: русское *дверь*, украинское *двері*, старославянское *двьрь*, сербское *дверѝ*, болгарское *двери*, польское *drzwi*, чешское *dveře*. На их основе довольно просто реконструируется праславянское слово **dvьrь* «дверь». Это слово по форме и значению напоминает древнегреческое *θύρα* (*thúra*) «дверь», латинское *foris* «дверь, ворота», санскритское *द्वार्* (*dvār*), *द्वार* (*dvāra*) «дверь, ворота», ан-

глийское *door* «дверь», готское *daur* «дверь», персидское در (*dar*) «дверь», албанское *derë* «дверь», армянское դուր (*duř*) «дверь» и древнеирландское *dorus* «дверь». Можно предположить, что все они состоят в родстве.

Чтобы определить, как выглядел общий праиндоевропейский корень, следует проанализировать каждую фонему приведённых слов. Начальный **d* мог быть и в праиндоевропейском, однако древнегреческое *θ* (*th*) и латинское *f* говорят о его придыхательном характере. Таким образом, праиндоевропейский корень начинается на **d^h*. Так же, путём сравнений и допущений, определяют, что следом за ним шёл полугласный **w*, также в корне присутствовал плавный **r*. Между **w* и **r* находился гласный **e* или **o*. То есть весь корень выглядел как **d^hwer-* или **d^hwor-* (от последнего происходит также русское слово *двор*).

Индоевропейский корень мог обрастать различными суффиксами, образуя новые слова (как и в русском: *дверь*, *дверной*, *дверка* и т. д.). Отчасти по этой причине какие-то формы когнатов не всегда совпадают между собой. Гласные в корне могли по-разному чередоваться (в лингвистике это называется аблаутом), давая различный результат в современных языках, поэтому иногда один и тот же корень представляют в разных вариантах.

Сегодня реконструкция занимает не так много времени, поскольку почти все соответствия между современными языками и праиндоевропейским давно известны. При основательной реконструкции каждую фонему следует обосновывать, ссылаясь на аналогичные случаи, какие-то законы, исключения, которых за последнее время накопилось очень много. Одно такое обоснование может занять страниц десять. Слава богу, почти вся эта работа была уже проделана. Ещё в XIX веке это было блуждание в потёмках, но оно дало результат.

М.К.

Да уж. Я представляю себе, какое количество информации приходилось обрабатывать учёным, которые искали эти слова, находили для них соответствия. И всё это без компьютеров!

А.М.

Это была рутинная работа. Зато были созданы целые словари таких корней и слов, которые прославили имена своих авторов. Например, словарь индоевропейского языка Ю. Покорного, вышедший в 1959 году, пользуется большой популярностью во всём мире и до сих пор считается одним из самых лучших.

М.К.

А на праиндоевропейском языке можно поговорить или хотя бы какое-то письмо написать? Или он ещё не до такой степени реконструирован, чтобы использовать его для практических целей?

А.М.

Можно поговорить и письмо написать. Это пытались делать ещё в те годы, когда праиндоевропейский начинал активно реконструироваться. Уже знакомый нам немецкий лингвист А. Шлейхер написал на этом языке целую басню, которая сегодня известна как «басня Шлейхера». Вот её текст.

Avis akvāsas ka

Avis, jasmin varnā na ā ast, dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam. Avis akvabhjams ā vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agantam. Akvāsas ā vavakant: krudhi avai, kard aghnutai vividvant-svas: manus patis varnām avisāms karnauti svabhjam gharmam vastram avibhjams ka varnā na asti. Tat kukruvants avis agram ā bhugat.

Овца и кони

Овца, [на] которой не было шерсти (стриженная овца), увидела коней, везущих тяжелую повозку [с] большим грузом, быстро несущих человека. Овца сказала коням: сердце теснится [во] мне (сердце мое печалится), видя коней, везущих человека. Кони сказали: послушай, овца, сердце теснится [от] увиденного (наше сердце печалится, потому что

мы знаем): человек – господин, делает шерсть овцы теплой одеждой [для] себя и [у] овец нет шерсти (у овец больше нет шерсти, они острижены, им хуже, чем коням). Услышав это, овца повернула [в] поле (она удрала).

Текст Шлейхера, на самом деле, далёк от современной реконструкции праиндоевропейского языка, поскольку он был написан почти полтора века назад и отражает в основном особенности санскрита, который сам Шлейхер считал ближайшим к праиндоевропейскому языку.

Сегодня почти каждый год появляются новые версии этой басни, каждый пытается оставить свой след в лингвистике. Но Шлейхера не превзойдёт никто, потому что он стал первопроходцем, безумным экспериментатором, который стремился оживить уже давно вымерший язык и запечатлеть его в этом тексте.

М.К.

Басня мне понравилась, но я вряд ли смогу её правильно прочитать. Зато я легко узнала слово *kard* «сердце». Я его теперь в любом языке узнаю.

А как же с разговорным праиндоевропейским? Если я хочу выучить его, чтобы «пообщаться с предками» или просто забавы ради, то где мне искать учебный материал?

А.М.

Некоторые лингвисты сегодня создают свои проекты разговорного варианта праиндоевропейского, однако у меня есть сомнения, что тот язык, который они предлагают, близок к тому языку, на котором говорили пять или шесть тысяч лет назад. К тому же в мире много более простых и популярных языков, которые действительно следовало бы учить. Например, испанский или португальский.

Если уж очень хочется прикоснуться к древнему праязыку в его современном варианте, то можешь поискать книгу испанского полиглота К. Квилеса «Грамматика современного индоевропейского языка». Также до-

вольно интересна книга Ф. Лопеса-Менчиро «Предварительный синтаксис современного индоевропейского языка». У меня есть эти книги на английском, но я их, если честно, не осилил до конца. К тому же не со всеми положениями этих книг я согласен, в них есть очень спорные утверждения.

М.К.

Я их обязательно найду и прочитаю. И испанский с португальским у меня на очереди. Так что будь спокоен.

В общем, если собрать то, о чём мы выше говорили, то выходит, что почти всё языковое разнообразие нашей планеты в исторической перспективе сжимается в некоторый единый праязык. Но мы называли в основном языки европейские и частично азиатские. А как быть с другими языками? Мне, например, совсем не ясно, где место в этой системе японскому или китайскому. Они отдельно развивались или тоже родственны индоевропейским языкам?

А.М.

Я ждал, когда ты об этом спросишь. Этот вопрос в последнее время мне особо интересен. Дело в том, что кроме индоевропейской языковой семьи в мире существует ещё несколько крупных семей: уральская (самодийские и финно-угорские языки), алтайская (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, а также корейский и японский), картвельская (грузинский), сино-тибетская (китайские и тибето-бирманские языки), дравидийская (преимущественно языки Южной Индии), афразийская (берберо-ливийские, кушитские, омотские, семитские, чадские языки, а также древнеегипетский язык), австронезийская (многочисленные языки на Тайване, в Юго-Восточной Азии, Океании и на Мадагаскаре) и другие. Для некоторых из них также были реконструированы свои праязыки.

В начале XX века уже было довольно много известно о праязыках. Известный датский лингвист Х. Педерсен ещё в 1903 году в одной своей статье высказал мысль о том, что существуют языки, родственные индоевропейским на более древнем уровне. Его догадка была очень смелой для того времени.

Позже эта идея Педерсена развивалась в работах наших отечественных учёных: сначала В. М. Илличем-Свитычем, затем А. Б. Долгопольским, В. А. Дыбо и С. А. Старостиным. Опираясь на материал индоевропейских, алтайских, афразийских, картвельских, дравидийских и уральских языков, им удалось в целом реконструировать значительную часть этого праязыка второго уровня, используя тот же самый сравнительный метод, но уже не в отношении живых языков, а в отношении праязыков. Можно сказать, что они реконструировали «прапраязык», существовавший более десяти тысяч лет назад. Иллич-Свитыч даже написал на нём небольшую поэму, повторив подвиг А. Шлейхера. Вот её текст.

ḲelNä wetei ʕaḲun kähla
ḳalai palhl-ḳl na wetä
ša da ʔa-ḳl ʔeja ʔälä
ja-ḳo pele ṭuba wete

Язык – это брод через реку времени,
он ведёт нас к жилищу умерших;
но туда не сможет дойти тот,
кто боится глубокой воды.

М.К.

Что-то есть в этой поэме философское...

А.М.

Тут не только философия, но ещё и вызов учёным. Иллич-Свитыч, по сути, зашифровал наставление будущим поколениям лингвистов. Я интерпретирую это так: «язык – это брод через реку времени» – чтобы его понять, нужно перейти эту реку, то есть преодолеть время; «он ведёт нас к жилищу умерших» – он откроет нам тайны древности, даст возможность посмотреть на мир глазами тех, кто говорил на древнейшем языке; «но туда не сможет дойти тот, кто боится глубокой воды» – кто боится или не желает смотреть и видеть дальше достигнутого (праиндоевропейского уровня), никогда не раскроет этих тайн.

М.К.

А название у этого «прапраязыка» имеется?

А.М.

Чуть не забыл о самом важном... Этот «прапраязык» в научной литературе называется ностратическим (от латинского местоимения *noster* «наш»). Ты никогда не слышала такого названия?

М.К.

Нет, о таком я никогда не слышала. Разве что в страшных снах, но их я, как правило, не запоминаю.

А разве в различных языках из представленных семей есть такие соответствия, которые можно распознать? Я даже в индоевропейских языках их различаю с трудом. Как же в этом море слов отыскать какие-то соответствия?

А.М.

Я их, если честно, тоже не всегда замечаю. Но пользуясь уже известными соответствиями между праязыками, я могу связать, например, праиндоевропейское слово **wódǵr* «вода» (откуда русское *вода*, английское *water* «вода», литовское *vanduiō* «вода», древнегреческое *ῥῑδωρ* (*húdōr*) «вода», латинское *unda* «волна») с прауральским словом **weti* «вода», откуда происходят финское *vesi* «вода» и венгерское *víz* «вода». В праностратическом это слово выглядело как **wete* (сравни с последним словом в поэме Иллича-Свитыча).

Твоё любимое праиндоевропейское слово **kérđ* «сердце» (я его уже представлял в виде **kér* без **d* и с долгим корневым гласным) очень похоже на грузинское *ძვბრდო* (*mkerdi*) «грудь», восходящее к пракартвельскому **mkérđ-* (начальный согласный – префикс). Для них я встречал реконструкции **kærđ* и **kérđ* (в других системах обозначения реконструкция может выглядеть иначе, например как **kärđV*).

Таких совпадений набралось весьма много, но этого пока недостаточно для того, чтобы утверждать, что такое сходство не обусловлено случайным совпадением или древними контактами носителей праязыков. Всё же сама возможность существования древнего ностратического праязыка кажется очень вероятной, мне лично в это верится.

Согласно теории моногенеза, все люди со своими языками вышли из единого племени и впоследствии, расселяясь по планете, стали утрачивать культурные и языковые связи. Носители ностратического праязыка – это одна из ветвей этих кочевавших по планете людей, которые продолжали делиться на другие племена. Процесс этого деления происходит до сих пор.

М.К.

Итак, если всё зарезюмировать, то выходит, что языки мира состоят в различной степени родства. Славянские языки восходят к некому праславянскому языку, который, в свою очередь, вместе с прагерманским, пракельтским и другими древними праязыками восходит к некоторому праиндоевропейскому языку. Последний (вместе с другими праязыками) также может восходить к некоторому более древнему «прапраязыку», который называется ностратическим. Я правильно поняла смысл?

А.М.

Да, так и есть. Добавлю к сказанному, что существует ещё и гипотеза о существовании борецкого языка, над которой работал всё тот же С. А. Старостин. Согласно этой гипотезе, все известные земные языки (или их большая часть) могут восходить к единому древнейшему праязыку, на котором говорили наши предки ещё в период расселения по Евразии или даже в Африке. Собственно, такая картина вырисовывается, если придерживаться теории моногенеза.

Уже давно идёт работа по сравнению ностратических и синокавказских языков (последние включают сино-тибетские, северокавказские, дене-енисейские, древние хуррито-урартские языки, баскский язык и бурушаски, которые многие считают изолятами, а также некоторые другие древние языки). Активно исследуются другие гипотетические макросемьи языков: австрическая (австроазиатские, австронезийские, тай-кадайские языки, а также языки мяо-яо) и америкская (языки американских индейцев). Это уже самый последний уровень сравнения, самая «глубокая вода».

М.К.

Ну вот! Ещё и «прапрапраязык» появился.

А.М.

Как видишь. Только пока всерьёз обсуждаются праязыки уровня праиндоевропейского. Существование ностратических и тем более борейских языков многие лингвисты оспаривают. Но мне кажется, что это неправильно. Если такие праязыки действительно существовали и если лингвистам удастся подойти к ним вплотную, то это серьёзно продвинет нас вперёд в деле изучения первобытного общества.

М.К.

Это я уже понимаю. Если учёные будут знать, что было в древнем языке, то это позволит нам понять, что окружало древних людей, чем они занимались. И мы, наконец, сможем узнать, как хрюкали древние люди вслед за своими свиньями.

Ещё мне не совсем понятно, какие именно сходства берутся за основу при сравнении грамматик языков. Я ужасно сомневаюсь, что грамматику русского языка можно сравнить с грамматиками каких-то других языков. Даже английская грамматика кажется нам слишком непохожей.

А.М.

Грамматика языков также подлежит сравнению, но в основном не на неё опираются. Если помнишь, мы говорили о том, что существует лингвистическая типология, которая классифицирует языки по типам выражения грамматических значений и типам морфологической структуры. Вообще эта наука тоже сравнивает языки, но ищет те сходства, которые не обусловлены родством.

Приведу простой пример. Во многих языках есть часть речи артикль. Мы обычно говорим о препозитивном артикле (определённом или неопределённом): английские *a(n)*, *the*, немецкие *ein*, *eine*, *ein*, *der*, *die*, *das*, *die*, французские *un*, *une*, *des*, *le*, *la*, *les* и т. д. Однако существуют языки, в которых артикли странным образом уходят за слово, становясь его частью.

Такие артикли называют постпозитивными. Они есть, например, в болгарском языке. Так, болгарское слово *мъж* «муж» с артиклем имеет вид *мъжът*, слово *град* «город» с артиклем имеет вид *градаът*. Тут артикль *-ът* соответствует частице *-то* в русском языке (*муж-то*, *город-то*). Сравни также болгарские артикли у существительных среднего и женского рода: *желязо* «железо» – *желязото*, *лято* «лето» – *лятото*, *жена* «жена» – *жената*, *гора* «лес» – *гората*. То же самое ты можешь обнаружить в шведском языке: *hus* «дом» – *huset*, *bok* «книга» – *boken*, *björn* «медведь» – *björnen*. Такое странное сходство в структурах болгарского и шведского абсолютно случайно.

Бывает, что сходство обусловлено длительными контактами языков. Болгарский язык относят к так называемому балканскому языковому союзу, куда входят также македонский, греческий, албанский и румынский. Порядку характеристик к этому союзу также причисляют сербохорватский, цыганский языки и некоторые диалекты турецкого. Оказывается, что возникновение постпозитивного артикля – это общая инновация в некоторых из этих языков. Он есть также в албанском (*shtëpi* «дом» – *shtëpia*, *tryezë* «стол» – *tryeza*, *kërci* «голень» – *kërcyri*) и румынском (*lup* «волк» – *lupul*, *copil* «ребёнок» – *copilul*, *fereastră* «окно» – *fereastră*). Здесь уже нельзя говорить о случайном сходстве, но и о родстве языков наличие постпозитивного артикля не говорит. Просто языки сблизились, что-то в них совпало. Эти и некоторые другие сходства языков, входящих в балканский языковой союз, всё XX столетие привлекают лингвистов.

Грамматические сходства, которые идут из древности, разумеется, существуют, они обнаружимы в одних формах слов в разных языках. Но грамматика меняется довольно быстро, иногда даже до неузнаваемости. Вспомни, что я в самом начале говорил об английском и болгарском. Грамматика может меняться непредсказуемо, старые грамматические категории исчезают, появляются новые.

М.К.

А порядок слов как-то помогает лингвистам определить родство языков? Например, если в одном языке глагол всегда стоит на одном месте, а в другом – на другом месте, то это о чём-то говорит?

А.М.

Синтаксис, порядок слов, в некоторых случаях позволяет выдвигать какие-то предположения по поводу родства, но тогда следовало бы говорить о сравнении не по одному синтаксическому признаку (например, место какого-то конкретного члена предложения), а по целой совокупности признаков. Тут всё как и с грамматикой.

Положение глагола в предложении интересует всё тех же типологов, то есть лингвистов, которые исследуют сходства, не связанные с языковым родством. Глагол в предложении, конечно, может находиться в разных местах, а другие члены предложения могут располагаться по-разному относительно глагола. Всё же число комбинаций ограничено, а потому один и тот же порядок легко встретить в языках, распространённых в разных полушариях голубой планеты.

Данные типологии порядка слов говорят о том, что почти половина всех языков имеет порядок типа SOV (то есть «субъект, подлежащее – объект, дополнение – глагол, сказуемое»). К ним относятся совершенно разные языки: хинди, армянский, турецкий, татарский, узбекский, монгольский, японский, корейский, тибетский, баскский и многие другие. Во всех этих языках глагол находится после объекта.

Например, фраза «я не говорю по-японски» на японском же выглядит так: «私は日本語は話せません (わたしはにほんごははなせません, watashi wa Nihongo wa hanasemasen)». Здесь слово 話す (はなす, hanasu) как раз является глаголом «говорить» (форма 話せません (なせません, hanasemasen) является отрицательной для настоящего-будущего времени). Слово 私 (わたし, watashi) – местоимение «я», слово は (wa) – особая частица, а слово 日本語 (にほんご, Nihongo) переводится как «японский язык». Чтобы сказать на языке хинди «я не говорю на хинди», мы строим

похожую конструкцию: «मैं हिन्दी नहीं बोलता हूँ (maĩ hindī nahĩ boltā hũ)». Как-то мы уже встречались с глаголом हूँ (hũ) в самом начале. Это вспомогательный глагол, форма глагола होना (honā) «быть», который используется вместе причастием мужского рода बोलता (boltā) «говорящий», формой глагола बोलना (bolnā) «говорить». Таким образом, вся последняя часть предложения बोलता हूँ (boltā hũ) является сказуемым, а всё, что находится перед ней, – это подлежащее и дополнение (отрицание नहीं (nahĩ) относится к глаголу, но не будем его к сказуемому приплетать).

Есть языки типа SVO («субъект – глагол – объект»), к которым следует отнести многие европейские языки (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, финский и т. д.), а также русский, индонезийский, вьетнамский, китайский, хауса, суахили и некоторые другие языки. Таких языков тоже очень много.

За примерами далеко ходить не надо. Для русского языка базовым будет порядок, при котором глагол стоит после подлежащего: «я не говорю по-русски». Мы можем сказать и иначе: «я по-русски не говорю», «не говорю по-русски я». Это возможные варианты высказывания, но они, как правило, обладают особой стилистикой. По-английски же можно сказать только одним способом: «I don't speak English». По-немецки мы бы сказали: «ich spreche kein Deutsch», по-французски: «je ne parle pas français», по-испански: «yo no hablo español», по-польски: «nie mówię po polsku», по-фински: «en puhu suomea». В этих высказываниях глагол везде после подлежащего (реального или подразумеваемого) и перед объектом.

Существует ещё четыре порядка слов, которые распространены в меньшей степени. Я не буду разьяснять их, не вижу в этом необходимости. И без того понятно, что такая характеристика, как место глагола в предложении, не может служить показателем родства. Мы сравнивали хинди и японский, которые относятся к совершенно разным языковым семьям, но имеют общий признак – положение глагола в конце. При этом, например, кельтские языки обладают совершенно иным порядком (VSO, «глагол –

субъект – объект»), который для европейских языков вообще не характерен, зато встречается в арабском и филиппинском.

М.К.

Выходит, грамматика и синтаксис вообще почти никак не сравниваются? Я что-то не совсем понимаю. Ведь ты же говорил, что грамматика праиндоевропейского языка активно реконструируется. Как же так?

А.М.

Сравнивается и грамматика, но, как я и сказал, не очень хорошо и не очень охотно. На материале близкородственных славянских языков можно понять, каково было спряжение или склонение в праславянском. На материале германских языков восстанавливают прагерманскую грамматику. Затем всё это сравнивают между собой, чтобы понять, что представляла собой грамматика праиндоевропейского языка. Если бы грамматика совсем не подлежала сравнению, то Шлейхер бы, наверное, не рискнул что-то написать на праиндоевропейском языке. Сравнение грамматики затруднено по уже названным причинам, но возможно.

С синтаксисом всё ещё сложнее, чем с грамматикой, но и по нему выходит немало теоретических работ, кое-что нам о нём известно. Например, известно, что праиндоевропейский обладал базовым порядком слов типа SOV, хотя в целом порядок был относительно свободным, как в русском, так как праиндоевропейский был языком флективным.

М.К.

А можешь привести пример какого-нибудь частного сравнения грамматики, чтобы было ясно, где именно следует искать сходства?

А.М.

Я уже как-то приводил формы глагола «быть», которые имеют довольно древнее происхождение. Вот тебе другой пример. От праиндоевропейского корня **b^her-* «нести» происходят русский глагол *брать* (в старо-

славянском – *бѣрати*), древнегреческое *φέρω* (phérō) «носить», латинское *ferō* «носить». А теперь сравни формы этих слов в таблице.

ПИЕ	Ст.-слав.	Русский	Латынь	Др.-греч.
<i>*b^héroh₂</i>	<i>берѣ</i>	<i>беру</i>	<i>ferō</i>	<i>φέρω</i> (phérō)
<i>*b^héresi</i>	<i>береши</i>	<i>берёшь</i>	<i>fers</i>	<i>φέρεις</i> (phéreis)
<i>*b^héreti</i>	<i>береть</i>	<i>берёт</i>	<i>fert</i>	<i>φέρει</i> (phérei)
<i>*b^héromos</i>	<i>беремъ</i>	<i>берём</i>	<i>ferimus</i>	<i>φέρομεν</i> (phéromen)
<i>*b^hérete</i>	<i>берете</i>	<i>берёте</i>	<i>fertis</i>	<i>φέρετε</i> (phérete)
<i>*b^héronti</i>	<i>берѣтъ</i>	<i>берут</i>	<i>ferunt</i>	<i>φέρουσῖ(ν)</i> (phérousi(n))

Здесь приведены лишь так называемые тематические формы единственного и множественного числа праиндоевропейского глагола (он спрягался также в двойственном числе). Они как раз были реконструированы на материале современных и древних классических языков, известных науке довольно хорошо. Можно обнаружить схожесть флексий, которые являются грамматическими показателями.

Всё же наиболее предпочтительным объектом изучения и сравнения является фонетика. Между разными языками можно установить различные фонетические соответствия. Ранее я почти не обращал на них твоего внимания, но теперь хочу, чтобы ты сама их тут обнаружила.

Глава 4. Фонетические закономерности

М.К.

Меня несколько озадачил твой пример с корнем **b^her-* «нести». От него в русском языке произошёл глагол *братъ* с начальным *б*, но в греческом от него же происходит глагол *φέρω* (*phérō*) «носить» с начальным *φ* (*ph*), а в латыни – *ferō* «носить» с начальным *f*. Что-то подобное выше я уже неоднократно видела. Насколько я поняла, это и есть те самые фонетические соответствия? То есть русскому *б* в латыни и греческом всегда соответствуют эти буквы?

А.М.

Здесь следует сделать два маленьких, но важных уточнения. Во-первых, ты путаешь буквы и звуки – это совершенно разные вещи. Во-вторых, русский согласный [b] в данном случае является рефлексом праиндоевропейского придыхательного **b^h*, от которого в древнегреческом развился глухой придыхательный [p^h], в латыни – [f]. В санскрите от него происходит звук [b^h], в английском, армянском – [b]. Эта закономерность между звуками была обнаружена уже давно и доказана на сотнях примеров.

Так, к корню **b^her-* восходят также санскритское *भरति* (*bhárati*) «носить», армянское *բերիլ* (*berem*) «носить», английское *bear* «носить; выносить; рождать». От того же корня (от формы **b^hrtis*) происходит латинское *fors* «случай» (в родительном падеже – *fortis*), от которого образовано слово *fōrtuna* «судьба».

Русский согласный [b] может происходить также от праиндоевропейского непридыхательного **b*, которому в латыни, древнегреческом и санскрите также соответствует [b]. Например, от корня **bel-* «сильный» происходит русское прилагательное *большой*, а также латинское *dēbilis* «слабый» (с префиксом *dē-* «из-, от-»), древнегреческое *βελτίων* (*beltiōn*) «лучше» и санскритское *बल* (*bala*) «сила».

Звуковых соответствий довольно много, они не всегда однозначны. Я приведу тебе лишь часть соответствий между согласными в различных

индоевропейских языках. У меня есть полная таблица, которая включает остальные согласные, гласные, дифтонги, слоговые сонаты, сочетания звуков для этих и некоторых других языков. Вся таблица очень объёмная, поэтому здесь я привожу лишь небольшой отрывок. Для общего знакомства с темой нам этого будет вполне хватать.

ПІЕ	Санскр.	Ст.-слав.	Литовск.	Греч.	Лат.	Готск.
<i>*p</i>	<i>p</i> <i>ph</i>	<i>p</i>				<i>f</i> <i>b</i> [β]
<i>*t</i>	<i>t</i> <i>th</i>	<i>t</i>				<i>þ</i> [θ] <i>d</i> [ð] <i>t</i>
<i>*k</i>	<i>ś</i> [ɕ]	<i>s</i>	<i>š</i> [ʃ]	<i>k</i>	<i>c</i> [k]	<i>h</i>
<i>*k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>			<i>g</i> [ɣ]
<i>*k^w</i>	<i>c</i> [tʃ] <i>kh</i>	<i>č</i> [tʃ] <i>c</i> [ts]		<i>p</i> <i>t</i> <i>k</i>	<i>qu</i> [k ^w] <i>c</i> [k]	<i>hʷ</i> [ɰ] <i>g^w</i> <i>w</i>
<i>*b</i>	<i>b</i> <i>bh</i>	<i>b</i>				<i>p</i>
<i>*d</i>	<i>d</i> <i>dh</i>	<i>d</i>				<i>t</i>
<i>*ǵ</i>	<i>j</i> [dʒ] <i>h</i> [ɦ]	<i>z</i>	<i>ž</i> [ʒ]	<i>g</i>		<i>k</i>
<i>*g</i>	<i>g</i>	<i>g</i> <i>ž</i> [ʒ] <i>dz</i>	<i>g</i>			
<i>*g^w</i>	<i>j</i> [dʒ] <i>gh</i> <i>h</i> [ɦ]			<i>b</i> <i>d</i> <i>g</i>	<i>v</i> [w] <i>gu</i> [g ^w]	<i>q</i> [k ^w]
<i>*b^h</i>	<i>bh</i> [bʰ]	<i>b</i>		<i>ph</i> [pʰ]	<i>f</i> <i>b</i>	<i>b</i> [b] <i>b</i> [β] <i>f</i>
<i>*d^h</i>	<i>dh</i> [dʰ]	<i>d</i>		<i>th</i> [tʰ]	<i>f</i> <i>d</i> <i>b</i>	<i>d</i> <i>d</i> [ð] <i>þ</i> [θ]

<i>*gʰ</i>	<i>h</i> [h]	<i>z</i>	<i>ž</i> [ʒ]			<i>g</i>
<i>*gʰ</i>				<i>kh</i> [kʰ]	<i>h</i> <i>h/g</i>	<i>g</i> [ɣ] <i>g</i> [x]
<i>*gʷh</i>	<i>gh</i> [gʰ] <i>h</i> [h]	<i>g</i> <i>ž</i> [ʒ] <i>dz</i>	<i>g</i>	<i>ph</i> [pʰ] <i>th</i> [tʰ] <i>kh</i> [kʰ]	<i>f</i> <i>g/u</i> [w] <i>gu</i> [gʷ]	<i>g</i> <i>b</i> <i>w</i> <i>gw</i>

М.К.

Хорошая табличка. Некоторые соответствия тут меня несколько удивляют. Связь славянского согласного [b] с латинским [f] ещё можно объяснить. Эти звуки образуются почти в одном месте, хотя чуть-чуть по-разному. Но вот соответствия для праиндоевропейского согласного **gʷ* кажутся слишком фантастичными, особенно для греческого.

А.М.

Ничего фантастичного в этом нет. Праиндоевропейский лабиовелярный звонкий **gʷ* (как и глухой **kʷ*) действительно даёт очень разные результаты. Такова природа этого звука.

Приведу самый классический пример с этим согласным, какой только можно найти. Праиндоевропейский корень **gʷeyh₃-* «жить» с суффиксом **-wós* даёт прилагательное **gʷih₃wós* «живой», от которого происходит праславянское **živъ* «живой» (русское *живой*, старославянское *живъ*, чешское *živý*, польское *żywy*). К тому же слову восходят литовское *gyvas* «живой» и санскритское *जीव* (*jīva*) «живой». Есть соответствия и в германских языках: английское *quick* «быстрый» и древнескандинавское *kvikr* «живой». Оба слова восходят к прагерманскому **kwikwaz* «живой», где начальное **kw-* [kʷ] совпадает с готским соответствием из таблицы. То есть пока таблица нас не обманула. Наконец, самые интересные когнаты в латыни и древнегреческом. Как будет звучать слово «живой» в этих языках?

М.К.

Как это слово звучит по-гречески, я знать не могу. По-итальянски — *vivo*. В латыни, наверное, тот же корень.

А.М.

Мыслишь верно. В латинском есть слово *vīvus* «живой». Древнегреческое слово тебе тоже должно быть известно. Ты ведь изучала биологию в школе?

М.К.

Точно! Слово *биология* переводится как «наука о жизни» или что-то такое. Первая часть *био-* начинается на [b].

А.М.

Вот именно. Древнегреческое слово *βίος* (*bíos*) «жизнь» чем-то похоже на латинское *vīvus*. А в современном греческом, где буквой *β* давно уже обозначается звук [v], оно даже созвучно с ним. Обрати внимание на то, что все сопоставления проводятся при помощи таблицы.

М.К.

Но ведь для древнегреческого приведены разные соответствия. Почему же именно здесь [b]? Где же остальные?

А.М.

Качество согласного часто зависит от положения в слове, от окружения и от других факторов. Обычно праиндоевропейский **g^w* в древнегреческом даёт [b], но бывают и особые случаи.

Так, праиндоевропейский корень **g^welb^h-* «чрево» даёт древнегреческое слово *δελφύς* (*delphús*) «чрево», откуда возникло также название города *Δελφοί* (*Delphoí*) «Дельфы». Отсюда же происходит санскритское слово *गर्भ* (*garbha*) «плод, зародыш» с другим начальным согласным.

От корня **g^wén* «женщина» происходит древнегреческое слово *γυνή* (*gunē*) «женщина; жена», а также санскритские слова *गन्* (*gnā*) «жена» и *जनि* (*jani*) «женщина». Вот тебе и остальные звуки.

М.К.

Да уж. Этимология – самая удивительная и странная наука. Неужели эта таблица даёт ответы на все вопросы? Это своего рода периодический закон для этимологов?

А.М.

Отлично выразилась. Менделеев, руководствуясь своим периодическим законом, мог предсказать, какими характеристиками обладали ещё неизвестные химические элементы. Лингвисты, руководствуясь фонетическими законами, могут угадывать формы давно исчезнувших слов, не засвидетельствованных ни в одном источнике. Тут некоторая аналогия есть.

Мы всё же открытий делать не будем, нам хватит того, что уже открыто. Для нас эта таблица даёт представление о том, каким звукам праиндоевропейского языка соответствуют звуки современных языков. Отвечая на первый твой вопрос, скажу, что она действительно объясняет очень многое, но далеко не всё. Если бы она объясняла всё, то этимологи сидели бы без работы.

М.К.

И что же она не объясняет, если не секрет?

А.М.

Не секрет. В фонетике различных языков происходят такие процессы, которые следует объяснять, выйдя за рамки идеальных соответствий. С ними приходится сталкиваться довольно часто.

Помнишь, ты спрашивала о родстве слов *день* и *day*? Я тогда сослался на корень **d^heg^{wh}*- и связал его с русским глаголом *жечь*. Однако же если ты посмотришь в таблицу, то обнаружишь, что для праиндоевропейско-

го **d^h* соответствия в виде русского или старославянского *ж* нет и быть не может. Русское слово *жечь* восходит к праславянскому **žegti* «жечь», которое семантически точно соответствует литовскому *degti* «жечь». Но если бы эти слова были родственными, то и в праславянском ожидалось бы **d*. Праславянское **ž* могло развиться из **g*, но подходящего корня для этого слова просто не существует. Тогда лингвисты предположили, что в слове произошла замена **d* на **g* в результате ассимиляции, то есть слово **žegti* возникло из **gegti*, далее из **degti*. Такие вот трансформации.

Бывают и более тяжёлые случаи. В некоторых словах происходит «рокировка» звуков, которая называется метатезой. Например, от праиндоевропейского корня **d^heiǵ^h-* «лепить, придавать форму» происходят латинское *figō* «лепить; формировать», английское *dough* «тесто» и немецкое *Teig* «тесто». К тому же корню возводят русские слова *зодчий*, *здание*, *созидать*, а также древнерусское слово *зьдѣ* «глина; стена», восходящее к праславянскому **zidь*. Семантически слово **zidь* подходит к корню **d^heiǵ^h-*, но фонетически невозможно, чтобы из **d^h* возник **z*, а из **ǵ^h* – **d*. Тогда учёные сделали предположение, что в праиндоевропейском корне **d^heiǵ^h-* произошла метатеза, то есть согласные **d^h* и **ǵ^h* как бы поменялись местами. Тогда становится возможным отнесение праславянского **zidь* к данному корню.

Ассимиляция (если она относится к так называемым неавтоматическим изменениям), диссимиляция, метатеза – всё это довольно известные фонетические явления, которые спорадически возникают в словах самых разных языков. И они далеко не единственные. Распознавать их лингвисты давно научились, но они всё равно затемняют этимологию. Это говорит о том, что этимология имеет дело не только с правилами, но и исключениями.

М.К.

Выходит, работа этимологов не так проста, как может показаться. Я уже успела обрадоваться таблице, думала, что она знает ответы на все вопросы. А тут ещё додуматься надо, что в корне происходят какие-то посторонние замены.

А.М.

В науке всегда так: есть идеальная формула и неидеальная реальность, которая всегда хоть на одну переменную да искажает результат. Этимология тоже не является исключением.

М.К.

А науке известно, почему происходят такие фонетические изменения, которые приводят к разделению языков?

А.М.

Причины таких изменений предсказуемы. Происходят они потому, что каждое новое поколение произносит слова несколько отлично от предыдущего, а также привносит в язык что-то новое: какие-то нормы произнесения звуков и постановки ударения меняются, какие-то грамматические конструкции используются чаще других, какие-то новые слова вытесняют уже отжившие свой срок. Язык медленно изменяется, это неизбежно.

Ты, наверное, знаешь, что русские, украинцы и белорусы некогда говорили на едином древнерусском языке. Сегодня у каждого народа есть свой язык: русский, украинский, белорусский. Так вышло, что после XIV века древнерусские земли, на которых расположены Украина и Белоруссия, попали в зависимость от Великого княжества Литовского, а затем и от Речи Посполитой, утратив, таким образом, связь с Русью. На этих территориях стал формироваться так называемый западнорусский язык, диалекты которого в итоге стали современными украинскими и белорусскими диалектами. Можно сказать, что наши пути разошлись в тот период истории.

Мы, как я уже и говорил, можем понимать украинскую речь, но мы сразу же замечаем, что украинцы произносят слова с некоторыми «отклонениями» от нашей нормы: *г* у них произносится почти как звонкий *х* (для этого звука есть транскрипционное обозначение [ɦ]), вместо русских *о* и *е* (например, в словах *хлеб, лес, кот, дом*) в ряде случаев встречается *і* (*хліб*,

ліс, кіт, дім), вокализуется л в словах типа *вовк* «волк», *бачив* «видел», *думав* «думал».

За те несколько сотен лет, что русский и украинский существуют порознь, произошли такие автоматические изменения, которые для украинцев кажутся естественными, а для нас они кажутся отклонениями от привычной для нас нормы. Пока эти изменения не столь многочисленны, но если бы прошло в два или в три раза больше времени с момента распада древнерусского языкового единства, то мы бы вообще перестали понимать речь украинцев. Даже знакомые нам слова звучали бы совершенно непонятно для нас.

М.К.

Наверное, и русский язык тоже удаляется от украинского, то есть тоже изменяется в своём собственном направлении?

А.М.

Совершенно верно. Многие думают, что русский язык статичен, но это не так. Обратившись к памятникам русского языка XVI века, мы ещё сможем прочесть, что в них написано. Мы прекрасно сможем понять, например, переписку Ивана Грозного и Андрея Курбского. Но сможем ли мы так же просто прочесть «Слово о полку Игореве», написанное в XII веке? Очень сомневаюсь. За восемь с лишним столетий изменений накопилось очень много. Именно из-за них мы не можем просто так понять язык своих же предков, но мы ощущаем, что язык «Слова...» и наш современный язык – это один и тот же язык, но на разных этапах своего исторического развития.

Если продолжать сравнение с украинским, то можно обратить внимание на то, что в русском языке утрачен звательный падеж, который сохранился в украинском. Ещё у Пушкина мы встречаем это странное слово *старче*, которое является формой звательного падежа слова *старец* и считается устаревшим. В украинском это обычный падеж, использование которого обязательно. В русском языке окончания творительного падежа существительных женского рода *-ою*, *-ею* считаются устаревшими, мы ис-

пользуем окончания -ой, -ей (девушкой, землёй и т. д.). В украинском же они сохраняются (дівчиною, землею).

До сих пор в русском языке происходят различные процессы, меняющие его облик. Приведу парочку примеров частных автоматических изменений в русском языке, которые можно проследить сегодня.

Раньше сочетание *чн* в словах *булочная*, *прачечная*, *скворечник* читалось как [шн], как того требует московское произношение. Сегодня в речи молодёжи это же сочетание часто произносится как [чн] в приведённых словах, но слова *конечно*, *яичница* произносятся всё ещё по-старому. Это говорит о том, что буквально на наших глазах происходит фонетическое изменение под влиянием письменной нормы (движение в сторону петербургской нормы). Некоторые уже произносят слово *конечно* так, будто читают его по буквам.

Другой пример. Уже многие десятилетия в среде филологов идёт спор о том, как следует образовывать глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида *оспорить*, *освоить*, *обустроить*, *удостоить*, *приурочить*, *просрочить* и т. д. Как ты сама их обычно образуешь?

М.К.

Ну, обычно так: *оспаривать*, *осваивать*, *обустраивать*, *удоставать*, *приурачивать*, *просрачивать*. Тут вроде везде происходит замена *о* на *а*, то есть имеется чередование в корне.

А.М.

Типичная журналистка. А вот у Пушкина написано следующее: «Веленью божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца». Почему же у него мы встречаем слово *оспаривай*, а не *оспаривай*? И как вообще так вышло, что корень *спор-* превратился в *спар-*? Я уже молчу о том, что корень в слове *просрочить* тот же, что в слове *срок*, а у тебя там вообще неприличное слово вырисовывается. Как же так?

М.К.

Я не знаю, почему так произошло. Просто все так говорят, я так учила это слово.

А.М.

Вот видишь, последние поколения употребляют новые варианты этих глаголов несовершенного вида, совсем не задумываясь, как это делать правильно. А правильно будет так: *оспаривать*, *осваивать*, *обустраивать*, *удостаивать*, но: *приурочивать*, *просрочивать*. Колебания относительно выбора некоторых форм были ещё в XIX-XX веках, но сегодня установились такие нормы.

Некоторые преподаватели старой закалки в ярости зачёркивают даже слово *оспаривать* в сочинениях своих учеников – негодуют, когда кто-то «перечит» Пушкину. Я думаю, напрасно. Дети не виноваты в том, что на их век выпало такое серьёзное морфонологическое изменение, свойственное речи их родителей. В будущем, я думаю, и слова *приурочивать*, *просрочивать* будут произноситься и писаться так, как ты предложила, ведь уже многие так говорят и пишут, не видя в этом никакой ошибки.

Через несколько столетий в русском языке произойдёт ещё много подобных мелких изменений, и облик русского языка изменится ещё сильнее. Когда у тебя будут внуки, я думаю, ты заметишь, что они будут говорить немного не так, как ты говорила в свои годы.

М.К.

Наверное, ты прав. Кстати, ударение ведь тоже меняется? Иначе как ещё объяснить то, что принято говорить *звони́т*, а многие говорят *звóнит*? Также режет слух, когда говорят *до́кумент* или *доку́мент*, а не *докуме́нт*. Это, кажется, всё из той же серии? Формируется какая-то новая норма?

А.М.

Да, изменяется и система ударений в современном русском языке. В древнерусском она была более простой, хотя ударение и тогда не было фиксированным на определённом слоге, как в современном польском язы-

ке. Были строгие правила, которые определяли место ударения в слове. Например, в слове *пра́вда* ударение стоит (и всегда стояло) на первом слоге, а в слове *правди́вый* – на предпоследнем. Но исторической нормой в последнем слове было ударение также на первом слоге. Суффикс *-ив* сегодня просто оттянул его на себя, что прослеживается почти во всей совокупности слов с этим суффиксом (исключения составляют слова *юро́дивый* и *ми́лостивый*). И такого рода примеров много.

Происходит разрушение старой системы ударений и переход к новой системе, а на данном этапе мы наблюдаем полный «акцентологический хаос», из-за которого иностранцы, изучающие русский язык, так страдают. Это, как предполагают лингвисты, не просто эпизодические сбои в норме, а глобальный процесс, который приведёт к появлению какой-то другой, более простой системы, где всё будет подчинено определённым правилам.

Мы, кстати, тоже, выбирая между вариантами *звони́т* и *звóнит*, *тво-ро́г* и *твóрог*, *взя́ло* и *взяло́*, по сути, просто поддерживаем этот процесс. Старая норма всё равно уйдёт, а новая закрепится. Из-за наличия строгой литературной нормы это будет происходить долго и, возможно, с некоторыми нарушениями, но всё равно система ударений станет новой.

М.К.

Я таких вещей почти никогда не замечала. Но теперь по-настоящему я задумалась над тем, насколько изменчив язык. Меня поражают твои масштабные сравнения, где я вижу различные изменения. Но я бы и представить не могла, что такие же происходят прямо сейчас в нашей речи. Мы сами лепим свой язык. Это чудо.

А.М.

Помнится, ты говорила, что не веришь в чудеса.

М.К.

Только не надо меня попрекать моими же словами. Тогда я была глупая и неопытная журналистка, а теперь я матёрая! Вот так!

А как можно объяснить такие явления, как ассимиляция, диссимиляция, метатеза? Ведь эти изменения, как ты говорил, не являются регулярными.

А.М.

Процессы ассимиляции и диссимиляции просто объяснить случайным искажением при произнесении. Иногда мы тоже говорим *левольвер* вместо *револьвер*, *колидор* вместо *коридор*. Ещё я замечал, что далеко не у всех получается с ходу произнести сочетание слов *в расположении части*: многие говорят либо *в ласположении части*, либо *в распорядении части*.

Когда такие ошибки становятся регулярностью в каком-то слове, оно принимает новый облик. Например, в русском языке есть хорошо известное тебе слово *блин*, которое в древнерусском имело вид *млинъ* (сравни с украинским *млинець*) и, очевидно, было связано с глаголом *молоть*. В литературном языке немало таких примеров, однако в диалектах, которые характеризуются большей вариативностью, такое явление встречается ещё чаще.

То же самое можно сказать о метатезе. Слово *медведь* в ряде русских диалектов имеет вид *ведьмедь*, а в литературном украинском – *ведмідь*. Русское слово *ладонь* является искажением более ранней формы *долонь* (сравни со старославянским *длань*, украинским *долоня*, болгарским *длан*, чешским *dlaň*). Слово *крапива* в русском языке соответствует сербохорватскому *kòприва* и польскому *pokrzywa* – сразу три разных варианта в трёх литературных языках. Такие вот перестановки.

М.К.

Странно получается... Как тогда выглядело слово «крапива» в праславянском? Какая из этих форм первична?

А.М.

Если отталкиваться от тезиса младограмматиков о том, что фонетические законы не знают исключений, то выходит, что это вообще три разных слова, так как для них реконструируются три разных праформы:

**kropiva*, **kopriva* и **pokriva*. Мне наиболее разумной всегда казалась форма **kopriva*, так как рефлексy именно этой формы встречаются в большинстве славянских языков: болгарское *коприва*, словенское *kopriva*, чешское *korřiva*, а также нижнелужицкое *kopśiwa* и верхнелужицкое *korřiwa*. Но вариант **kropiva* тоже может быть верным, его нередко вызывают со словами **kropъ* «укроп» или **kropiti* «кропить». С другой стороны, оно могло возникнуть и от праславянского **koprъ* «укроп». В общем, ясности пока нет.

Фонетические соответствия – это лишь базис, на который следует опираться при реконструкции или этимологизации (определении этимологии слова). При этом надо понимать, что в языке происходит великое множество таких мелких изменений, которые не являются универсальными, то есть не затрагивают весь массив слов с теми же условиями реализации кого-либо фонетического явления.

М.К.

Можешь привести ещё несколько примеров таких «мелких изменений», которые происходят в языке?

А.М.

Можно ещё в качестве особого примера привести историю с праславянским числительным **devęť*. Кстати, как числительное «девять» выглядит в других языках?

М.К.

Ну, по-итальянски будет *nove*, по-немецки – *neun*, по-английски – *nine*. Думаю, эти слова между собой родственны, но праславянское числительное вряд ли как-то с ними связано.

А.М.

Ещё как связано. От праиндоевропейского числительного **h₁néwn̥* «девять» происходят латинское *novem* (французское *neuf*, итальянское *nove*, испанское *novete*, португальское *nove*), древнегреческое *ἐννέα* (*ennéa*), сан-

скритское नवन् (návan), персидское نه (noh), а также английское *nine*, немецкое *neun*, нидерландское *negen* и т. д. Как видишь, все эти слова имеют начальный *n*. И слово **devetъ* тоже им родственно, но кое-что с ним произошло. Что именно?

М.К.

Может быть, это какая-то поздняя форма, а раньше было **nevetъ*? Просто **n* сменился на **d*, вот и всё.

А.М.

Эх, ты так и не сказала то, что я хотел услышать. Была близка, но не угадала. Просто так **n* в **d* никогда не переходит. Это та же самая ассимиляция, только причину её следует искать не внутри слова, а в следующем по ряду числительном **desetъ*, которое также начинается на **d*. Эта ассимиляция, скорее всего, произошла довольно давно, поскольку латышское *deviņi* и литовское *devyni* также начинаются на *d*, хотя древнепрусское числительное *newīnjai*, ближайшее к названным балтийским формам, начинается на *n*.

Аналогично, например, прагерманское числительное **fedwōr* «четыре» (английское *four*, немецкое *vier*, нидерландское *vier*, древнескандинавское *fjórir*), происходящее от праиндоевропейского **k^wetwóres* «четыре» (латинское *quattuor*, древнегреческое τέσσαρες (téssares), санскритское चतुर् (catur), персидское چهار (čahâr), русское *четыре*, литовское *keturi*), приобрело начальный **f* под влиянием следующего числительного **fimf* (английское *five*, немецкое *fünf*, нидерландское *vijf*, древнескандинавское *fimm*), которое происходит от **pénk^we* (древнегреческое πέντε (pénte), санскритское पञ्चन् (pañcan), персидское پنج (panj), русское *пять*, литовское *penki*). Если заглянешь в таблицу фонетических соответствий, то убедишься, что праиндоевропейский **k^w* никогда не даёт в германских языках **f*. Ассимиляция по ряду является единственным разумным объяснением.

М.К.

Ого, числительные в разных языках все родственны?

А.М.

Да, в массе своей они родственны.

М.К.

Раз так, то почему в русском числительном *восемь* есть начальная *в*, а в итальянском *otto*, английском *eight* или немецком *acht* никакого начального согласного нет? Выходит либо в русском языке он возник откуда-то, либо в других языках исчез? Или эти числительные не являются родственниками русского числительного?

А.М.

Это тоже довольно интересное явление – возникновение протетического **v*. Оно существовало в позднем праславянском языке, существует и до сих пор в отдельных языках и диалектах. Например, русское слово *огонь* (от **h₁ng^wnis*; сравни с латинским *ignis*, санскритским अग्नि (agní), литовским *ugnis*) соответствует украинскому *вогонь*, а русское *овца* (от **h₂ówis*; сравни с латинским *ovis*, древнегреческим ὄϊς (óïs), санскритским अवि (ávi), литовским *avis*) соответствует украинскому *вівця*.

Праиндоевропейское числительное **óktōw* превратилось в латинское *octō* (французское *huit*, итальянское *otto*, испанское *ocho*, португальское *oito*), древнегреческое ὀκτώ (oktō), санскритское अष्ट (aṣṭa), персидское هشت (hašt), а также английское *eight*, немецкое *acht*, нидерландское *acht*, древнескандинавское *átta*. В праславянском, очевидно, должно было существовать числительное **osmь*, но так вышло, что в некоторых языках оно приобрело начальный **v* (русское *восемь*, украинское *вісім*, а также нижнелужицкое *wósyt* и верхнелужицкое *wosom*, *wósom*), а в других нет (старославянское *осмь*, болгарское *осем*, сербохорватское *осам*, словенское *ósem*, чешское *osm*, словацкое *osem*, польское *osiem*).

М.К.

Помнится, в одной твоей статье говорилось, что русское слово *язык* родственно английскому *language*. Я сей странный факт запомнила, а вот обоснования уже толком не помню. Там было что-то похожее?

А.М.

Нет, там случай совсем другой, но он тоже показателен, поскольку представляет собой уподобление похожим словам. Английское слово *language* было заимствовано из французского *language*. Это слово возникло от формы *linguāticum* в вульгарной латыни. Вообще же в латинском значение «язык» имело существительное *lingua* (французское *langue*, итальянское *lingua*, испанское *lengua*, португальское *língua*), которое в древнейшем виде начиналось с *d*, то есть имело вид *dingua*. Лингвисты объясняют замену *d* на *l* влиянием глагола *lingō* «лизать». То есть римляне в какой-то момент решили называть язык «лизыком», и так появилась новая форма слова.

Случай этот, надо сказать, не единичный. Литовское слово *liežūvis* «язык» приобрело начальный *l* под влиянием глагола *liežti* «лизать». Современное армянское слово *լեզու* (*lezu*) «язык» также в древний период приобрело свой настоящий вид благодаря глаголу *լիզել* (*lizem*) «лизать».

Для праиндоевропейского языка обычно реконструируют форму **dn̥ǵʰwéh₂s*, к которой возводят уже названное мной древнее латинское слово *dingua*, литовское *liežūvis*, армянское *լեզու* (*lezu*), а также праславянское **językъ* (русское *язык*, болгарское *език*, сербохорватское *jèzik*, чешское *jazyk*, польское *język*), прагерманское **tungō* (английское *tongue*, немецкое *Zunge*, нидерландское *tong*, древнескандинавское *tunga* – все со значением «язык») и многие другие слова. В родственных языках и «языки» родственны, только знают об этом разве что лингвисты.

М.К.

Мне тут вспомнились случаи, когда какие-то части слова просто выпадают. Скажем, слово *спасибо*, насколько я знаю, происходит от выражения *спаси бог*. Слово *здравствуй* мы сегодня сократили до *здрасте*. Ес-

ли бы такие изменения произошли намного раньше, причём не было бы материала, на который могли бы опереться этимологи, то установление этимологии этих слов сегодня тоже было бы затруднено. Выходит, эти маленькие «перекосы» также следует отнести к ряду случайных изменений, затемняющих этимологию?

А.М.

Да, это частные изменения, они не всегда обусловлены фонетикой. Для формул вежливости, выражений, используемых при приветствии, прощании или обращении, такое сокращение и стяжение очень даже характерно.

Скажем, английское *goodbye* изначально вообще выглядело как *God be with you* «да прибудет с тобой Бог» (существовали разные варианты написания этого выражения), причём здесь слово *God* «Бог» стало отождествляться с *good* «хороший» (вероятно, по аналогии с *good morning*, *good afternoon*, *good evening*, *good night*). Испанское местоимение *usted* «Вы» происходит от обращения *vuestra merced* «ваша милость». В этих случаях происходит то же стяжение, что в русском слове *спасибо*.

Иногда происходит выпадение частей устойчивого сочетания. Например, арабское приветствие السلام عليكم (*as-salāmu 'alaykum*) «мир вам» часто сокращается до سلام (*salām*), что означает «мир». Аналогичное ивритское приветствие שלום עליכם (*shalóm 'aleikhém*) также автоматически сокращается до одного слова שלום (*shalóm*) с тем же значением, что и арабское سلام (*salām*) (иврит и арабский являются родственными языками – оба входят в семитскую языковую семью). Также в английском и немецком вместо *good morning* и *guten Morgen* можно сказать просто *morning* и *Morgen*.

Примеров такого рода очень много в различных языках, и тому есть вполне логичное объяснение: если слово или выражение используется только из соображений этикета, если достаточно просто намекнуть на него, чтобы собеседнику стало ясно, о чём идёт речь, то его полное использование уже не нужно. Иногда мы можем поприветствовать, просто кивнув го-

ловой и полушёпотом произнеса что-то вроде *дрась*, и нас прекрасно поймут.

Всё же есть слова, которые почему-то утрачивают свои части, хотя являются очень важными для языка. Например, местоимение *я* в русском языке имеет следующие соответствия в других славянских языках: болгарское *аз*, сербохорватское *ja*, словенское *jaz*, чешское *já*, словацкое *ja*, польское *ja*. В старославянском использовалось слово *азъ*, в древнерусском – *язъ* (для праиндоевропейского реконструируются формы **éǵ(h₂)*, **éǵHóm*, **éǵóh₂* – разные языки дают разные результаты). Если бы действовали только фонетические законы, то от древнерусской формы должен был отпасть только *ъ*, а сама русская форма должна была выглядеть как *яз*. Но так случилось, что в русском и во многих других славянских языках конечный согласный *з* (*z*) отпал. Причина проста: слово настолько частотное, что от частого употребления целая фонема выпала.

М.К.

Ого, поворот. А если бы конечный *з* не отпал, тогда мы бы говорили: «яз пойду поем»?

А.М.

Да, так бы и говорили.

М.К.

Здорово! Яз теперь так и буду говорить... Яз хочу ещё один вопрос задать. Если английское *I* «я» родственно немецкому *ich* «я», то выходит, что в английском тоже отпал какой-то согласный?

А.М.

Ты слишком умные вопросы задаёшь. Мне кажется, ты уже знаешь правильный ответ.

М.К.

Вовсе нет. Просто я сопоставила два слова с одним значением из родственных языков и увидела такую вот параллель: если русское *я* произошло из *язь*, а в болгарском есть форма *аз*, то, видимо, английское *I* также утратило согласный какой-то более ранней формы, похожей на немецкое *ich*. Разве не так?

А.М.

Ты абсолютно права. От прагерманской формы **ek* «я» происходит древнеанглийское *ic̆*, а далее среднеанглийское *ik*, которое со временем сократилось до *I*. Немецкое *ich*, восходящее к древневерхненемецкому *ih*, сохранило конечный согласный. Но это только в литературном языке. В южных немецких диалектах произошло отпадение конечного согласного, почти как в английском. Например, в берлинском диалекте «я» будет *ick*, *icke*, в кёльнском и пфальцском – *isch*, в гессенском – *aisch*, однако в баварском, швабском, а также в швейцарском и венском уже будет *i*.

М.К.

Ура! Я гений! Я знала, что я всё знала, хотя ничего не знала. Ну да ладно. По этой теме мне больше спросить особо нечего. Хотя... Меня уже давно интересуют эти странные буквы *h* с цифрами. Что это вообще за обозначения?

А.М.

В праиндоевропейском предполагают наличие так называемых ларингалов, которые обозначаются как h_1 , h_2 , h_3 (иногда выделяют четвёртый ларингал **h₄*). В современных индоевропейских языках их уже нет, но следы их исторического присутствия обнаруживаются. Они придают различную окрашенность соседним гласным.

Например, в древнегреческом ларингалы отразились как ε (h_1), α (h_2) и o (h_3): праиндоевропейское **d^héh₁tis* даёт в древнегреческом слово $\theta\acute{\epsilon}σις$ (thésis) «постановка» (родственно английскому *deed* «дело, поступок», немецкому *Tat* «дело, поступок»), слово **ph₂tér* даёт греческое $\pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho$ (patér)

«отец» (родственно латинскому *pater* «отец», санскритскому पिता (*pitā*) «отец», английскому *father* «отец», немецкому *Vater* «отец»), слово **h₂enh₁mos* «дыхание» даёт греческое ἄνεμος (*ánemos*) «ветер» (родственно латинскому *animus* «дух, душа»), слово **h₂érh₃trom* даёт греческое ἄροτρον (*árottron*) «плуг» (родственно латинскому *arātrum* «плуг»).

Как видишь, во всех случаях результат подтверждает наличие некоторых «сонатических коэффициентов» (так ларингалы назывались во времена Ф. де Соссюра, когда теория только возникла). Ларингалы отражаются и в других языках. Но у лингвистов до сих пор нет представления о том, что это были за звуки. Одни считают, что ларингал *h₁* являлся гортанным звуком [ʔ] (такой присутствует, например, в немецком, датском, арабском и иврите), но им возражают другие, считая этот звук придыханием [h]. Ларингал *h₃* некоторые считают похожим на звонкий велярный спирант [ɣ], но имеются версии, согласно которым этот звук является лабиализованным [x^w]. В общем, утверждается многое, а консенсуса нет. Есть лингвисты, которые и вовсе отрицают наличие ларингалов в праиндоевропейском.

М.К.

Знаешь, мне бы очень хотелось прояснить всю картину фонетических изменений в индоевропейских языках. Объясни мне, дуре гениальной, как происходил процесс фонетического расхождения в праиндоевропейском языке? С чего он вообще начинался? И когда?

А.М.

Праиндоевропейский язык начинал распадаться в III тысячелетии до нашей эры, если придерживаться традиционного взгляда и не вдаваться в различные теории. Одним из самых ранних процессов, который привёл к серьёзным расхождениям в фонетике древнейших диалектов праиндоевропейского языка, стало выделение кентумных и сатемных языков.

Сатемные языки, к которым относятся славянские, балтийские, индоиранские языки, албанский, армянский и некоторые другие, отличается то, что палатовелярные согласные **k̑*, **ǵ*, **ǵ^h* в них стали аффрикатами или фрикативами, а лабиовелярные **k^w*, **g^w*, **g^{wh}* и велярные **k*, **g*, **g^h* слились.

В кентумных языках, к которым относят итальянские, кельтские, германские языки, греческий и некоторые другие, палатовелярные $*k'$, $*g'$, $*g^h$ слились с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$ и сохранили в том или ином виде лабиовелярные $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$.

Звучит всё это сложно и непонятно, но есть прекрасная иллюстрация этого процесса. Традиционно используют пример с числительным «сто» в разных языках. Праиндоевропейское числительное $*k̑mtóm$ «сто» в сатемных языках из нашей таблицы даёт фрикативные согласные: старославянское *съто*, литовское *šimtas*, санскритское शत (*śatá*), а также персидское صد (*sad*) и авестийское *satəm* (отсюда название «сатемный»). В кентумных языках сохраняется взрывной согласный: латинское *centum* (в классической латыни было произношение [*ˈkentum*], но уже в нашу эру согласный [k] перешёл в аффрикату, то есть слово стало произноситься как [*ˈtʃɛntum*]), древнегреческое ἑκατόν (*hekatón*). В дальнейшем в отдельных языках происходили иные изменения, которые влияли на качество взрывного в кентумных языках.

М.К.

А почему же тогда в «кентумном» готском языке, если верить твоей таблице, мы встречаем *h*? Да и по-английски «сто» будет *hundred*, а не *kundred*. Это какие-то исключения?

А.М.

Я об этом и говорю. В отдельных случаях происходили дополнительные изменения, которые влияли на качество взрывного. В германских языках прошло так называемое первое передвижение согласных, описываемое законом Гримма. Праиндоевропейское $*k̑mtóm$ в прагерманском даёт $*hunda$ (далее оно расширилось до $*hundarada$) откуда происходят английское *hundred*, немецкое *hundert*, нидерландское *honderd*, древнескандинавское *hundrað* и готское *hund* (из $*hunda$).

Точно так же, например, твоё любимое слово $*k̑ér$ «сердце» превратилось в прагерманское $*hertô$, откуда происходят английское *heart*, немецкое *Herz*, а также нидерландское *hart*, древнескандинавское *hjarta* и

готское *hairtō*. Как видишь, переход праиндоевропейского **k* в прагерманский **h* является регулярным, и это можно продемонстрировать на множестве подобных примеров.

Закон Гримма объясняет ещё многие переходы в германских языках. Обычно упоминают о переходах **p* в **f*, **t* в **þ* и **k* в **h*. Первый переход легко обнаруживается в английском числительном *five* «пять» и немецком *fünf* «пять» (от прагерманского **fimf*), которые происходят от праиндоевропейского **pénkʷe*. От того же слова происходят русское *пять*, литовское *pieci*, древнегреческое *πέντε* (*pénte*), санскритское *पञ्चन्* (*pañcan*). Латинское *quīnque* следует считать «жертвой» ассимиляции по ряду, о которой мы говорили выше. Второй переход легко продемонстрировать на примере английского *three* «три» и немецкого *drei* «три» (от прагерманского **þrīz*), которые восходят к праиндоевропейскому числительному **tréyes*. От него же русское *три*, литовское *trīs*, древнегреческое *τρεῖς* (*treîs*), санскритское *त्रि* (*tri*), латинское *trēs*.

М.К.

Я, кажется, начинаю понимать. Изменения не единичны, они как бы накладываются друг на друга? Ведь если итальянский произошёл от латыни, а в нём число «сто» имеет вид *cento* с начальным *[tʃ]*, то, выходит, в итальянском имеет место вторичный переход звука *[k]* в *[tʃ]*.

А.М.

Совершенно верно. Дальнейшие трансформации позднелатинской фонетической системы имели место и во французском, где число «сто» имеет вид *cent* *[sɑ̃]*. То же изменение произошло с испанским числительным *ciento* *[ˈsjento]* или с португальским *cento* *[ˈsɛtu]*.

В то же время латинское слово *caput* *[ˈkaput]* «голова» даёт итальянское *capo* *[ˈkaro]* «голова», где *[k]* сохраняется. Это связано с тем, что перед *i*, *e* звук *[k]* меняет своё качество, но перед *a*, *o*, *u* сохраняется. Это правило работает и в некоторых других языках. Например, в сочетании английских слов *capital city* *[ˈkæpitəl ˈsiti]* «столичный город» начальный *c*

находится перед разными гласными, что определяет различное прочтение слов *capital* (от латинского *capitālis* «касающийся головы», от *caput* «голова») и *city* (от французского *cit  * «город», далее от латинского *c  vit  s* «гражданство»).

В различных языках происходят свои наслоения. Я уже упоминал о первом передвижении согласных в германских языках. В немецком языке после первого передвижения произошло ещё и второе передвижение, которое целиком изменило фонетический облик древневерхненемецкого языка, на основе которого развился современный литературный немецкий язык. Если посмотреть на немецкие диалекты, то можно увидеть, что диалекты севера Германии (нижненемецкие диалекты) обнаруживают сходство с английским языком, тогда как диалекты юга (верхненемецкие диалекты), подвергшиеся этому процессу, по консонантизму существенно от них отличаются.

Например, прагерманский **p* в немецком переш  л в *f* (немецкое *schlafen* «спать» по этому признаку отличается от английского *sleep* и нижненемецкого *slapen*) или *pf* (немецкое *Pfeffer* «перец» отличается от английского *pepper* и нижненемецкого *Peper*), **t* переш  л в *s, ss* (немецкое *essen* «есть, кушать» отличается от английского *eat* и нижненемецкого *eten*) или *z* (немецкое *z  hlen* «считать» отличается от английского *tell* «сообщать» и нижненемецкого *tellen*). Совокупность таких изменений определила существующие фонетические расхождения между английским и немецким.

М.К.

А какие процессы (подобные германским) происходили в славянских языках? Вс  -таки мы говорим по-русски, нам ближе тема славянских языков. Давай теперь о них.

А.М.

В славянских языках происходили различные процессы, их так много, что вряд ли я смогу раскрыть все. Некоторые, которые кажутся мне важными и интересными, я всё же раскрою.

Значимым древним процессом в праславянском языке был переход *s в *x перед некоторыми гласными (вероятно, с промежуточной стадией *š). Он описывается законом Х. Педерсена. Этот переход можно пронаблюдать на примере русского слова *сухой*, которое возникло из праславянского **suchъ* (отсюда же украинское *сухий*, болгарское *сух*, чешское *suchý*, польское *suchy*). Праславянское слово возводят к праиндоевропейскому корню **saus-* «сухой», от которого происходят также литовское *sai̯sas* «сухой», латышское *sauss* «сухой», латинское *sūdus* «сухой; ясный (о погоде)», древнегреческое *αῖος* (aîos) «сухой». Таким образом, праиндоевропейский *s был источником праславянского *x.

После завершения перехода в праславянский язык были заимствованы многие германские слова, где присутствовал этот звук. Например, праславянское слово **xlěbъ* (отсюда русское *хлеб*, украинское *хліб*, болгарское *хляб*, сербохорватское *хле̑б*, *хље̑б*, чешское *chléb*, польское *chleb*) было заимствовано из готского *hlaifs* (от прагерманского **hlaibaz*). Такие заимствования позволяют определить, что процесс перехода завершился до контактов с германцами, поскольку ранее перехода звук *x славяне бы не смогли воспринять правильно.

Очень известное явление в праславянском языке – первая палатализация. Оно чем-то похоже на то, что происходило в сатемных языках. Палатализация представляет собой переход заднеязычных *k, *g, *x в мягкие *č', *dž' (позднее в ž'), *š' в позиции перед гласными переднего ряда или перед *j. Впоследствии рефлексy этих согласных в ряде языков несколько изменились. Последствия палатализации мы можем наблюдать по сей день в русских словах с чередованиями *к/ч*, *г/ж*, *х/ш* (например, *рука/ручка*, *нога/ножка*, *соха/сошка*).

Следом за первой палатализацией прошёл процесс монофтонгизации дифтонгов, в результате которого в определённой позиции дифтонги *eu и *oу перешли в гласные *i и *ě, а *ew и *ow – в *u.

В результате монофтонгизации снова возникли сочетания, где заднеязычные оказывались перед гласными переднего ряда, что спровоцировало вторую по счёту палатализацию, при которой согласные *k, *g, *x перешли в *c', *dz' (позднее в *z'), *s' (в западославянских языках, которые к тому

времени уже потихоньку удалялись от общего праславянского языка, палатализация дала **c'*, **dz'*, **š'*). Так, праиндоевропейское **k^{wo}yneh₂* «плата» превратилось в праславянское **сѣна* (отсюда русское *цена* украинское *ціна*, болгарское *цена*, сербохорватское *цѐна*, *цијѐна*, чешское *сена*, польское *сена*), тогда как в литовском ему соответствует слово *kaina* «цена». В южно- и восточнославянских языках вторая палатализация затронула также сочетания **kv*, **gv*, **xv*, чего нельзя сказать о западнославянских языках. Этим объясняется отличие русского *звезда*, украинского *звізда*, болгарского *звезда*, сербохорватского *звѣзда*, *звијѣзда* от польского *gwiazda* или чешского *hvězda*.

Интересно, что вторая палатализация отсутствовала изначально в древненовгородском диалекте, который всегда считали частью восточнославянского языкового пространства. В берестяной грамоте № 247 была обнаружена такая строчка: «а замъке кѣле а двѣри кѣлѣ». Как ты думаешь, как следует перевести слова *кѣле* и *кѣлѣ*?

М.К.

Ой, я даже не знаю. Если, как ты говоришь, **k* даёт **c'*, то, наверное, это слово *целый*. Просто больше ничего в голову не приходит.

А.М.

Угадала. А вообще над этой загадкой ломали голову многие учёные. Долгое время считалось, что в грамоте с ошибками было написано слово *келья* (замечу, что в берестяных грамотах практически не бывает ошибок). Наш отечественный лингвист А. А. Зализняк предложил такую версию, которая всё объясняет. Согласно версии Зализняка, это действительно родственники древнерусского слова *цѣль* (далее – русского *целый*), не подвергшиеся второй палатализации. Весь учёный мир считал, что она прошла во всех славянских языках, а тут такая нестыковка.

Скорее всего, древненовгородский диалект намного древнее, чем мы привыкли считать, и отделился он от праславянского языка раньше остальных. Подобная мысль уже высказывалась славистом Б. М. Ляпуно-

вым ещё в начале XX века, но только материал берестяных грамот позволил приблизиться к этой разгадке в наши дни.

После второй палатализации была ещё и третья. Её характер несколько иной, но переходы всё те же: согласные **k*, **g*, **x* перешли в **c'*, **dz'* (**z'*), **s'* (в западнославянских языках – в **š'*) в положении между определёнными гласными.

В результате этого процесса, например, возникло праславянское слово **ovьsa* (отсюда русское *овца*, украинское *вівця*, старославянское *овьца*, болгарское, сербское *овца*, чешское *ovce*, польское *owca*). Ранее оно, скорее всего, выглядело как **ovьka*, где часть **-ьk-a* – формант (сравни со словом *овен*, от праславянского **ovьnъ*, которое того же происхождения). Также слово *сте́зя* (старославянское *стѣза*, сербское *ста́за*, чешское *steze*) возникло от праславянского **stьga*, слово *весь* (старославянское *вьсь*, чешское *veš*) – от праславянского **vьхъ*.

Вот такие изменения я бы назвал. Помимо перехода **s* в **x*, трёх палатализаций и монофтонгизации дифтонгов в праславянском произошло ещё немало интересных изменений: утрата слоговых сонатов, появление носовых **ɛ* и **ɔ*, протетических **j* и **v*, метатеза плавных, падение редуцированных и некоторые другие. Чтобы рассказать обо всём, потребуется уйма времени. Я уж и так многое утрирую.

М.К.

Но ведь нам спешить некуда. Я просто хочу хотя бы поверхностно разобраться, что именно изменило облик славянских языков. Явление палатализации ответило на некоторые вопросы, которые я задавала себе всегда. Мне вот давно уже было интересно, почему происходят чередования согласных в русском языке. Когда я училась в школе, я спрашивала своего учителя об этом, но он только побурчал что-то о нормах «великого и могучего», а вразумительного ничего не сказал. Ты же в несколько предложений сумел уместить ответ на такой непростой вопрос.

Позволю себе немного наглости и ещё кое-что спрошу по теме. Можешь рассказать о носовых **ɛ* и **ɔ*? Они как-то связаны с французскими носовыми звуками?

А.М.

С французскими они, разумеется, не связаны напрямую, но суть их та же. Носовой согласный – это звук, при произнесении которого воздух проходит не только через ротовую полость, но и через полость носа. Такие звуки есть не только во французском, но и в польском, португальском, фризском, хинди. Обычно в качестве демонстрации используют французский. Например, французское слово *garçon* [gav̥s̃] «мальчик» оканчивается на *on*, но конечный *n* как бы идёт через нос. Кажется, что говорит гнусавый человек.

Праиндоевропейские сочетания **on*, **om*, **en*, **em* и некоторые другие в праславянском стали произноситься как носовые (подобно тому, как это произошло во французском). В старославянском эти звуки ещё обозначали юсами *л* (*ę*) и *ж* (*ǫ*). Во многих славянских языках носовые развились в полноценные гласные: в русском – в *я* и *у*, в болгарском – в *е* и *ь*. В польском эти звуки частично сохранились и обозначаются буквами с диакритическим знаком в виде хвостика под буквой (так называемый *ogónék*).

Например, праславянское слово **męso* (сравни с прусским *mensa* «мясо» или санскритским *मंस* (*māṃsa*) «мясо»)) даёт старославянское *мѧсо*, русское *мясо*, болгарское *месо* и польское *mięso*. Праславянское **rǫka* (сравни с литовским *rankà* «рука») даёт старославянское *рѣка*, русское *рука*, болгарское *ръка* и польское *ręka*.

Интересны в этом отношении омонимы *лук* (в значении «растение») и *лук* (в значении «оружие»). Первое слово имеет солидный ряд соответствий в других славянских языках: старославянское *лоукъ*, украинское, белорусское *лук*, болгарское *лук*, сербохорватское *луќ*, чешское *luk*, польское *luk*. Для них очень просто реконструируется праславянская форма **lukъ*, которая была заимствована из формы, родственной прагерманскому слову **laukaz* «лук» (сравни с английским *leek*, немецким *Lauch*, нидерландским *look*, древнескандинавским *laukr* – в значении «лук»). Слово *лук* в значении «оружие» также имеет ряд соответствий в других славянских языках, однако они уже отличны от первых: старославянское *лжкъ*, украинское *лук*, болгарское *лък*, сербохорватское *луќ*, чешское *luk*, польское *łęk*. Здесь ж в

старославянском, ѣ в болгарском и е в польском явно указывают на носовой характер праславянского гласного, и поэтому для праславянского языка следует реконструировать не форму **lukъ*, а форму **lorkъ*. Ей родственны литовские слова *laĩkas* «дуга, обруч» и *lankùs* «гибкий».

М.К.

Интересно. Выходит, в праславянском возникали звуки, которые сегодня почти во всех славянских языках исчезли. Трудно, наверное, было установить их?

А.М.

Я бы не сказал, что это было очень трудно. Наличие носовых в праславянском – давнее открытие. Их легко выявить. В некоторых случаях мы и сами можем наблюдать, что эти звуки развились из древних сочетаний гласного с **n* или **m*. Так, праславянское слово **zvorkъ* (русское *звук*, болгарское *звук*, сербохорватское *звукъ*, чешское *zvuk*) родственно слову **zvopъ* (русское *звон*, сербохорватское *звонъ*, чешское *zvon*, польское *dzwon*). Налицо чередование **o/*on*. Праславянское **jьmę* (русское *имя*, болгарское *име*, сербохорватское *име*, польское *imię*) во множественном числе имело вид **jьmena* (русское *имена*, болгарское *имена*, сербохорватское *имена*, польское *imiona*), где **ę* чередуется с **en*.

М.К.

Я тут задумалась над русским словом *гусь*. Оно очень напоминает английское слово *goose* «гусь», а также немецкое *Gans* «гусь». Раньше бы я не придавала значения такому совпадению, но сейчас просто не могу обойти стороной этот случай. Я предполагаю, что в праславянском слове, от которого происходит русское *гусь*, тоже был носовой, поскольку в немецком есть *n*. Я ведь верно рассуждаю? И если да, то почему же в английском нет этого *n*?

А.М.

Вот видишь, ты уже рассуждаешь как этимолог. Достаточно лишь узнать некоторые закономерности развития звуков, и ты уже делаешь небольшие открытия. Я тоже многому в языке удивлялся, когда начинал изучать сравнительно-историческое языкознание.

Русское *гусь*, старославянское *гжсь*, болгарское *гъска*, сербохорватское *гу̀ска*, чешское *husa*, польское *gęś* действительно восходят к праславянскому слову **gǫsь* с носовым *ǫ*. Об этом можно догадаться и по виду старославянского слова. Сравнение с немецким *Gans* тоже может служить подтверждением твоего предположения. Но не забывай, что сравнение производится на большом массиве слов, чтобы результат был достовернее.

В английском слове *goose* согласный *n* был утрачен, как и в некоторых других германских языках (шведское, норвежское, датское *gås*, исландское *gæs*, нижненемецкое *Goos*). Но *n* сохраняется в нидерландском слове *gans* и немецком *Gans*. Лингвисты реконструируют общегерманскую форму **gans*, которую вместе с праславянским **gǫsь* возводят к праиндоевропейскому **ǵʰans-* «гусь». Отсюда также происходят литовское *žąsis*, древнегреческое *χῆν* (*khên*), латинское *anser*, санскритское *हंस* (*haṃsá*) – все эти слова имеют значение «гусь».

Тут, кстати, праиндоевропейское **ǵʰ* должно было дать праславянское **z* (в этом можно убедиться, заглянув в таблицу фонетических соответствий), но оно позднее перешло в **g* вследствие межслоговой диссимиляции или звукоподражания. Ещё одна маленькая нестыковка, как видишь.

М.К.

Ты выше упомянул о метатезе плавных. Насколько я помню из твоих примеров, метатеза – это перестановка согласных местами. А что за «плавные» участвуют в этой перестановке в славянских языках?

А.М.

Плавными называют сонорные *l* и *r*. В праславянских сочетаниях **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT*, **orT*, **olT* (здесь *T* – любой согласный) про-

изошли некоторые подвижки. Этот процесс довольно поздний, поэтому в разных языках он отражён по-разному.

В восточнославянских языках, для которых характерно полногласие, сочетание **TorT* превратилось в *ToroT*, а **TolT* – в *ToloT*. Например, праславянское слово **gordъ* в русском даёт полногласную форму *город*, праславянское **golva* – *голова*.

В южнославянских языках, а также в чешском и словацком были несколько иные изменения: **TorT* превратилось в *TraT*, а **TolT* – в *TlaT*. Этим объясняются формы следующих слов: болгарское *град*, *глава*, сербохорватское *građ*, *gláva*, чешское *hrad*, *hlava*, словацкое *hrad*, *hlava*.

Интересны метатезы в начальных сочетаниях **orT*, **olT*. Например, сочетание **orT* (в случае с праславянским словом **orbъ*) даёт в восточнославянских языках сочетание *raT*. Таким образом, слово **orbъ* даёт в русском языке слово *раб* (сюда же слова *работа* и *ребёнок*). Зная это, учёные легко связывают слово *раб* с латинским *orbis* «осиротевший», древнегреческим *ὀρφανός* (*orphanós*) «осиротевший», санскритским *अर्भ* (*árbha*) «маленький; мальчик» или армянским *որբ* (*orb*) «сирота». Все эти слова восходят к праиндоевропейскому слову **h₃órb^hos*, которое, вероятно, также означало «сирота».

М.К.

Ничего себе! Одна такая перестановка меняет облик слова почти до неузнаваемости. Попробуй тут догадайся, что слово *раб* родственно какому-нибудь латинскому *orbis*! В очередной раз убеждаюсь, что в этимологии всё не так просто.

А.М.

Было бы просто – не нужны были бы этимологи.

М.К.

Я уже не в первый раз обращаю внимание на то, что в некоторых славянских языках (в чешском и словацком, например) русскому *г* соответствует *h*. Это видно хотя бы по примерам со словами *город* и *гусь*, кото-

рые в чешском имеют вид *hrad, husa*, в словацком – *hrad, hus*. Буква *h* в этих языках читается как украинское [h]? Если да, то связаны ли они между собой исторически или это случайные совпадения?

А.М.

Да, тут тот же самый звук. Так получилось, что в некоторых центральных диалектах славянского ареала произошла «мутация» взрывного [g], в результате чего он стал фрикативным. Украинский, белорусский, чешский, словацкий и верхнелужицкий языки имеют фрикативный там, где в польском, нижнелужицком, болгарском, сербохорватском, словенском и русском имеется взрывной. Что интересно, языки с инновацией (то есть с «мутацией») как бы разделяют другие славянские языки на северные и южные, находясь в центре. Это явление закономерно, оно отслеживается во всех словах.

Иногда инновация даже перекидывается на соседние языки. Например, в польском слово *druh* [druh] «друг» пишется и читается как в языках с инновацией, хотя должно было бы писаться как *drug* и произноситься как [druk] (в польском *g* на конце оглушается, как и в русском). Также на юге России в области распространения южнорусского наречия часто можно услышать фрикативный звук [ɣ] на месте русского [g]. Мне кажется, в русском языке исторически вполне бы мог возникнуть такой же звук, но этого не произошло из-за влияния на литературную норму севернорусского произношения, где наличествует наш гордый взрывной [g].

М.К.

Последний вопрос в рамках рассматриваемой темы. Что такое падение редуцированных?

А.М.

Ты видѣла русскій текстъ, въ дореформенной орѳографіи изложенный? Увѣренъ, что на урокахъ исторіи тебѣ приходилось съ такимъ явленіемъ сталкиваться.

М.К.

Ну да, я видела подобные тексты. До 1918 года так и писали в России. Да только причём тут дореформенная орфография?

А.М.

В дореформенной орфографии многие слова оканчиваются на *ь* («ер»). Эта буква никак не читалась и не имела никакого смысловозначительного значения в русском языке XIX века. Это была буква-паразит. Однако в древнерусском до XII века (в некоторых областях и до XIII века) она обозначала обычный гласный, хотя и редуцированный (очень краткий). Буква *ь*, которую мы теперь называем «мягким знаком» (в дореформенной орфографии она называлась «ерь»), также имела своё прочтение в древнерусском.

В русском языке полностью исчезли так называемые слабые редуцированные, которые не несли ударения и находились на конце слова, перед слогом с гласным полного образования и перед слогом с сильным редуцированным. Сильные редуцированные, которые были ударными и находились перед слогом со слабым редуцированным, превратились в полноценные гласные *о* и *е*. Например, древнерусское слово *сънъ* превратилось в современное *сон*, а слово *отъць* – в *отец*.

М.К.

И всё? И это важный процесс в истории русского языка?

А.М.

Шутишь? Значение этого процесса сложно недооценить. Он перестроил всю фонетическую систему древнерусского языка, отменив веками существовавший закон открытого слога. Почти все те процессы в праславянском, о которых я говорил выше, возникали в рамках этого закона.

М.К.

Наверное, шучу. Я просто ощущаю себя глупым пищащим цыплёнком, когда читаю твои ответы. Отсюда и комментарии глупые. И сейчас будет ещё один глупый вопрос... А что такое открытый слог?

А.М.

В праславянском и ранних славянских языках слоги должны были быть открытыми, то есть они оканчивались на гласный. Если заимствовалось слово, где имелся закрытый слог, оканчивающийся на согласный, то он автоматически преобразовывался в открытый.

Например, уже известное тебе слово *сънъ* в древнерусском состояло из двух слогов: *съ* и *нъ*. После падения редуцированных это слово превратилось в современное *сон*, а вот древнерусская форма родительного падежа *съна* превратилась в *сна*. Точно так же форма *отъца* превратилась в *отца*, форма *мъха* превратилась в *мха*. Это ещё один интересный эффект падения редуцированных, проявляющийся в чередовании обычных рефлексов сильных редуцированных с нулём, то есть с результатом падения слабых редуцированных.

М.К.

Знаешь, теперь мне кажется, я точно знаю всё. Хотя в то же время мне кажется, что я не знаю ничего и вот теперь только познаю все эти хитросплетения исторических изменений в языке. Как ты всё это в голове держишь?

А.М.

На самом деле, ничего сложного тут нет. Я просто прочитал соответствующие работы по лингвистике, и поэтому все эти вещи мне известны. Примеры, само собой, привожу классические. К тому же, признаться, мне самому часто приходится сталкиваться с явлениями, объяснений которым у меня нет.

Глава 5. Заимствования и кальки

М.К.

Вот мы и подошли к заимствованиям. Мне очень интересна эта тема, так как заимствования я определяю намного легче, чем родственные издревле слова. Особенно хорошо я ощущаю английские и итальянские заимствования.

Есть слова, которые просто звучат по-английски: *банкинг, сёрфинг, драйвер, стайлер, ребрендинг* и т. д. Итальянские слова вроде *ария, адажио, макароны* просто невозможно не узнать. Даже если бы я никогда не учила итальянский, то всё равно бы назвала эти слова итальянскими. Их невозможно как-то иначе назвать. Мне кажется, это из-за того, что они просто звучат не так, как русские слова. Это их и выдаёт. То же можно сказать обо всех заимствованиях?

А.М.

В целом всё верно. Мы хорошо воспринимаем заимствования по какому-то фонетическим, словообразовательным или грамматическим признакам. Есть слова, которые звучат не по-русски, их распознать просто.

Некоторые признаки позволяют однозначно отнести к заимствованиям целые группы русских слов. Хорошо известно, что славянские слова никогда не начинались на *а* (исключения составляют разве что междометия), поэтому все слова на *а* в словаре являются заимствованными (*автор, алгебра, анафема, антенна, аттестат* и т. д.). Также в славянских языках не существовало звука [f], поэтому все слова на *ф* в словаре тоже заимствованы (*фарфор, флейта, флот, фонтан, фортуна* и т. д.).

Из приведённых тобой слов, скажем, слова *банкинг, сёрфинг* и *ребрендинг* также выдаёт английский суффикс *-инг*. Аналогично слова *дубляж, купаж, пассаж* выдаёт французский суффикс *-аж*, слова *политизировать, информировать, анализировать* благодаря сложному суффиксу *-ирова* легко отнести к немецкому. Всё это довольно простые случаи.

Заимствования ты можешь опознать по каким-то косвенным (нелингвистическим) признакам. Например, если для русского слова легко

находятся аналоги с тем же корнем во многих европейских языках, то это (скорее всего, но не всегда) заимствование. Например, глаголу *пробовать* хорошо соответствуют немецкое *probieren* «пробовать, пытаться», итальянское *provare* «пробовать; примерять», испанское *probar* «испытывать, пробовать; доказывать; примерять», венгерское *próbál* «пробовать, пытаться», английское *approve* «утверждать», французское *prouver* «доказывать; обнаруживать». Все эти и некоторые другие однокоренные слова восходят к латинскому *probō* «пробовать; проверять; доказывать; одобрять». Подобных примеров воз и маленькая тележка.

Есть, однако, и такие заимствования, которые ты просто так не распознаешь. Например, русские слова *кровать*, *икона*, *буйвол* – это заимствования из греческого, которые пришли в русский язык очень давно и уже не воспринимаются как заимствования. Слова *диван*, *кирпич*, *туман*, *изюм* и т. д. являются тюркскими (некоторые далее происходят из индоиранских языков), но в них тоже не всегда можно распознать заимствования.

Есть также слова, которые пока не имеют однозначной этимологии, хотя точно являются заимствованными. Например, слово *книга*, возводимое к праславянскому **kъniga* (отсюда украинское *книга*, старославянское *кънига*, сербохорватское *књиџа*, чешское *kniha*, польское *księga*), часто считают древним заимствованием из тюркских языков (Фасмер указывает на древнетюркскую форму **küinig*), пришедшим из китайского (вероятно, связано с современным словом 卷 (juàn) «свиток»). Некоторые связывают это слово с армянским *կնիք* (knikʻ) «печать». Были даже попытки доказать славянское происхождение слова с опорой на польский материал (связывают с польским *kien* «обрубок»). Хотя китайская версия сегодня весьма популярна, её не следует считать абсолютно верной, поскольку нет реальных доказательств заимствования.

М.К.

Да, ты прав. Я бы в жизни не подумала, что слово *кровать* пришло откуда-то из-за бугра. Я бы, скорее, предположила, что оно связано со словами *кров*, *кровля*, *покрывать*. И слово *книга* мне всегда казалось русским

(шире – славянским), поскольку я нигде и никогда не видела слов, похожих на него.

А.М.

А таких слов в других языках немало. Например, осетинское иронское слово *чиныг* или дигорское *кинугаэ*, *киунугаэ*, венгерское *kőnyv*, литовское *knygà*. Стоит ли говорить о том, что в языках малых народностей России это слово встречается повсеместно и почти в неизменном виде. Тут, конечно, в большинстве случаев речь идёт о заимствовании из славянских языков, хотя по поводу венгерского слова у меня уверенности нет.

М.К.

Я ещё читала в твоей статье, что слово *чай* происходит из китайского, причём русскому слову *чай*, оказывается, родственны английское *tee*, немецкое *Tee* и итальянское *tè*. Меня этот факт, если честно, поразил. А ведь всегда казалось, что это такие разные слова.

А.М.

Меня когда-то тоже это удивило. Одно китайское слово 茶 в стандартном китайском читается как (chá), а в южном (южноминьском) варианте произносится как (tê). Таким образом, скажем, тюркские слова (турецкое *çay*, киргизское *чай*, татарское *чәй*, казахское *шай*) или некоторые слова из восточных языков (хиндустанское चाय (cāy), арабское شاي (šāy), персидское چای (čāy)) можно опознать как заимствования из диалектов Северного Китая, тогда как европейские слова (английское *tea*, немецкое *Tee*, нидерландское *thee*, французское *thé*, итальянское *tè*, испанское *té* и т. д.) легко опознать как заимствования из диалектов Южного Китая. И это объясняется довольно просто: европейцы вывозили китайский чай из южных портов, то есть контактировали только с югом Китая, а народы к западу и северу от Китая, само собой, контактировали в основном с западными и северными территориями.

М.К.

Раз уж мы заговорили о заимствованиях в русском, можешь обзорно раскрыть тему заимствований в русском языке? Существуют ли какие-то периоды, когда заимствования из тех или иных языков особенно активно проникали в русский язык? И связано ли это с тем, как интенсивно контактировали русские с другими народами?

А.М.

Разумеется, существуют периоды, когда преобладали те или иные заимствования в русском языке. Происходило это, как ты уже правильно заметила, на фоне активных внешних контактов. Иначе заимствованиям просто неоткуда возникнуть.

Древнейшими были заимствования из германских и иранских языков. Можно привести большое количество древнейших германских заимствований в праславянском, но я ограничусь лишь наиболее известными и интересными примерами.

Германскими, как ни странно, являются слова *хлеб* (праславянское **xlěbъ*, от готского *hlaifs*), *молоко* (праславянское **melko*, от прагерманского **meluks*) и *лук* (праславянское **lukъ*, от прагерманского **laukaz*). Русский глагол *купить* (праславянское **kupiti*) происходит от готского *kaupōn* (сравни с немецким *kaufen* «купить»), далее из латинского *caupō* «лавочник, торговец». Германские языки зачастую являлись посредниками при заимствовании слов из латыни или древнегреческого.

Из иранских языков наиболее известным и достоверным заимствованием является слово *топор*, которое в праславянском имело вид **toporъ*. Ему очень хорошо соответствует персидское слово *تبر* (*tabar*) «топор». Армянское слово *տիշիւր* (*tapar*) «топор» также является заимствованием из иранского языка.

В эпоху христианизации Руси основным источником заимствований был греческий язык. Многие греческие слова попадали в русский через старо- и церковнославянский, а также через европейские языки. Слова религиозного характера из греческого мы распознаём как заимствования довольно хорошо: *ангел*, *епископ*, *демон*, *монах* и т. д. Также легко распозна-

ётся научная терминология: *история, грамматика, физика*. Эти слова узнаваемы во многих языках. Но есть такие слова, которые очень сложно назвать греческими. Например, слова *фасоль, свёкла, корабль* уже сильно укоренились в русском и не воспринимаются как заимствования, но всё же таковыми являются.

До XVII века русский язык активно заимствовал слова из церковнославянского. Я бы даже сказал, русский язык «оцерковнославянился» настолько, что мы даже не всегда способны отделить своё русское от почти чужого церковнославянского. Слова без полногласия (об этом я косвенно говорил, когда мы рассматривали метатезу плавных в славянских языках) являются церковнославянизмами: *брада* (наряду с русским *борода*), *град* (*город*), *брег* (*берег*), *глас* (*голос*), *враг* (*ворог*). Некоторые из таких форм в разговорной речи не используются, но в классической литературе (например, в поэзии А. С. Пушкина) ты их встретишь сколько угодно.

К церковнославянским относятся также слова *агнец, восторг, длань, перст, тщетный, чадо, чрево, яство* и многие другие. Суффиксы *-ащ/-ящ* и *-уш/-юш* в причастиях *дышащий, летящий, бегающий, поющий* являются церковнославянскими. В древнерусском суффиксы причастий имели *ч*, а не *щ*. Церковнославянские слова как раз легко узнать по наличию *щ* (русское *дочь* и церковнославянское *дщерь*, русское *мочь* и церковнославянское *мощь*). Такие слова легко проникали в русский язык, поскольку считались «более верными». Не стоит забывать, что церковнославянский был литературным языком, он просто не мог не оказывать влияния на русский язык. Он и по сей день является языком церкви.

Довольно ранними являются заимствования из тюркских языков. Они наводняли русский язык постоянно. Некоторые из тюркских слов далее имеют индоиранское или семитское происхождение, но их всё равно часто считают тюркизмами, что не очень-то правильно.

Например, тюркизмом многие считают слово *сундук*, восходящее к персидскому صندوق (*sanduq*), далее к арабскому صندوق (*ṣundūq*). Таким образом, слово считается арабским в персидском и в некоторых других языках, куда оно пришло напрямую из арабского: армянское *սնդուկ* (*snduk*), грузинское *ზანდუკი* (*zanduki*) и т. д. Персидским оно является в тюрк-

ских языках: турецкое *sandık*, азербайджанское *sandıq*, узбекское *sandıq*, казахское *сандық*, башкирское *һандыҡ*. В языках, которые заимствовали из тюркских языков, оно уже считается тюркизмом: албанское *sënduk*, болгарское *сандък*, сербохорватское *сандук*, русское *сундук*, греческое *σεντούκι* (*sentoúki*).

Некоторые тюркские заимствования я уже перечислял. Многие из них распознают по характерному сингармонизму. В тюркских словах *балык*, *башимак*, *очаг*, *таракан*, *ярлык* гласные одного ряда.

Самые явные заимствования относятся ко времени Петра I и после. Это в основном заимствования из немецкого, голландского, английского, французского, итальянского, а также польского. Польский язык был языком-посредником для многих слов из европейских языков, а те, в свою очередь, часто оказываются заимствованиями из латыни или греческого.

Например, слово *армия*, заимствованное где-то в начале XVIII века, происходит от немецкого *Armee* или французского *armée* (в русском засвидетельствована форма *армея*). Далее слово происходит от латинского *armāta* «вооружённая», от *armātus* «вооружённый», далее к глаголу *armō* «вооружать» и существительному *arma* «оружие». То есть слово является заимствованием из немецкого или французского, но в европейских языках оно считается латинизмом.

Слово *музыка* (ранее ударение в этом слове падало на предпоследний слог) пришло в русский из польского. Ни французское *musique*, ни немецкое *Musik*, ни итальянское *musica* не могли бы дать ударный *ы* в русском, он мог возникнуть только при заимствовании польского *muzyka* [mu'zika]. В дальнейшем ударение сместилось на первый слог (вероятно, под влиянием европейских языков). Само слово в европейских языках происходит от латинского *mūsica*, которое, в свою очередь, заимствовано из древнегреческого *μουσική τέχνη* (*mousikḗ tékhnē*) «музыкальное искусство». Если копнуть глубже, то обнаружится, что слово *музыка* связано со словом *Моῦσα* (*Moûsa*) «муза».

Латинских слов особенно много в европейских языках, так как латынь была едва ли не главным языком в Европе. Религия, наука, образование, даже частная переписка – всё было на латыни. На Руси же всегда было

сильно влияние Византии. В этом смысле Пётр прорубил окно в Европу не только в географическом смысле, но и в языковом: греческое влияние сменилось западноевропейским и латинским. Слова *аудитория*, *доктор*, *лаборатория*, *революция*, *студент*, *эволюция*, *эффект* и многие другие пришли в русский из латыни при посредстве европейских языков, в которых они были известны уже очень давно (многие из таких слов называются интернационализмами, поскольку присутствуют во многих языках мира).

Часто встречаются так называемые этимологические дублиеты. Они возникают тогда, когда слова одного происхождения заимствуются разными путями (или когда в языке уже обнаруживается исконное слово, являющееся однокоренным для заимствования). Например, слова *шрифт* и *скрипт* – одного происхождения. Слово *шрифт* происходит от немецкого *Schrift* «письмо», а слово *скрипт* – от английского *script* «письмо». Оба германских слова восходят к латинскому *scrīptum* «письмо», которое является формой глагола *scrībō* «писать».

Интересна этимология слова *флот*. В Морском уставе 1720 года говорится, что «флот – слово французское». Во французском действительно есть слово *flotte*, от которого происходят английское *fleet*, немецкое *Flotte*, нидерландское *vloot*, норвежское *flåte*, польское *flota* – все со значением «флот». Но в самом французском это слово возникло как раз из германских языков, оно связано с древнеанглийскими словами *flēot* «корабль», *flēotan* «плавать» (сравни с английским *flow* «течь», немецким *fließen* «течь»).

Со словами из европейских языков всегда всё так непросто. Они могли кочевать из языка в язык много раз, так что в итоге не всегда можно определить, заимствованием из какого языка их следует считать.

Заимствования французские и итальянские, как ты и говорила, легко выявить. Они сохраняют своё иностранное звучание. Французские заимствования XVIII-XIX вв. вроде *багаж*, *жанр*, *пейзаж*, *роман*, *саквояж*, *сюжет* звучат по-французски. Однако и среди них немало «обманок». Например, слово *киоск*, происходит от французского *kiosque* «будка», но буква *k* во французском – признак заимствования. Французское слово происходит от турецкого *köşk* «павильон», которое далее восходит к персидскому *کوشک* (*kôšk*) «дворец». Слово *жираф*, которое происходит от фран-

цузского *girafe* (ранее существовала также форма *жирафа*, от немецкого *Giraffe* или итальянского *giraffa*), и далее вовсе восходит к арабскому *زرافة* (*zarāfa*) «жираф». Кстати, через европейские языки в русский пришли многие арабизмы: *адмирал*, *кофе*, *магазин*, *сироп*, *эликсир* и т. д.

В последнее время русский язык приходят слова из английского. Они затрагивают многие сферы жизни: спорт (*баскетбол*, *матч*, *старт*, *финиш*, *футбол*), техника (*дисплей*, *компьютер*, *принтер*, *сканер*), экономика, финансы, управление (*бартер*, *бизнес*, *брокер*, *дилер*, *маркетинг*, *менеджмент*) и т. д. Некоторые пытаются считать, сколько английских заимствований в русском, но я не вижу в этом смысла. Эти слова наводняют наш язык так быстро, что сложно за ними уследить.

М.К.

Это был, пожалуй, самый содержательный рассказ о заимствованиях в русском, который я когда-либо видела. Я готовилась к теме, она мне особенно интересна. Но в интернете я нашла лишь некоторую общую информацию о периодах заимствования. Спасибо большое за интересные примеры, очень познавательно.

А.М.

Всегда пожалуйста.

М.К.

Довольно интересными мне показались слова *шрифт* и *скрипт*. Я всегда замечала, что в языке присутствуют слова, имеющие различное происхождение, но почему-то очень похожие внешне (иногда и по смыслу). Я помню ещё со школы, что слово *суббота* связано со словом *шабаш*. Но я не помню, как они связаны и из каких языков пришли.

А.М.

Слова *суббота* и *шабаш* действительно связаны. Шабаш – это ведь не только сборище ведьм, но ещё и конец рабочего дня, выходной день у евреев (иначе его именуют *шаббат*). Слово *суббота* происходит от древ-

негреческого *σάββατον* (*sábbaton*), слово *шабаиш* заимствовано из польского *szabas*, далее от слова *שבש* (*šabes*) из идиша. В обоих случаях общим предком оказывается древнееврейское слово *שבש* (*shabát*), от которого происходит и третье слово *шаббат*.

Эти слова я выше называл дублетами. Так их принято обозначать в этимологии. Не все обращают на них внимания. Скажем, лишь немногие знают, что слова *граната* и *гранула* восходят к латинскому *grānum* «зерно», слова *шифр* и *цифра* восходят к арабскому *صفر* (*sifr*) «ноль». А когда узнают, то очень сильно удивляются этому, даже не верят. Но почему-то некоторые охотно верят в то, что в словах *цифра*, *гранула* и *граната* присутствует легендарный слог *ра*.

Я в своё время удивлялся тому, что слова *колесо* и *чакра* являются дублетами. Слово *колесо* – родное в русском, оно происходит от формы двойственного числа *колѣсъ* древнерусского существительного *коло* «круг, колесо» (отсюда же слово *колач*), далее от праславянского **kolo*, восходящего к праиндоевропейскому **k^wék^wlos*, **k^wek^wlóm* «круг, колесо». С тем же праиндоевропейским словом связаны древнегреческое *κύκλος* (*kúklos*) «колесо», литовское *kāklas* «шея», английское *wheel* «колесо», а также санскритское *चक्र* (*śakrá*) «колесо», заимствованное в русский язык в виде *чакра*. Слова совершенно не похожи, но связаны.

Бывает, что заимствованные слова очень похожи, кажутся родственными, но на самом деле оказываются ложными дублетами. Например, слова *комплект* и *комплекс* различаются всего лишь на одну букву и происходят из одного языка, но не являются родственниками. Доказать это очень просто. Слово *комплект* происходит от латинского *complētus* «полный; законченный», от *compleō* «наполнять; завершать», далее от *con-* «с-» и *pleō* «наполнять». Слово *комплекс* происходит от латинского *complexus* «связь, сочетание», далее от *com-* «с-» и *plecto* «плести».

М.К.

Вот ты выше называл термины «тюркизм», «арабизм». А как будет называться заимствование из французского языка? Мне кажется, что поня-

тия «францизм» не существует. Я о нём никогда не слышала, хотя о тюркизмах знаю давно.

А.М.

Заимствования из французского называются галлицизмами. Обычно заимствования из других языков называют по самому названию языка (англицизм, грецизм, итальянизм, латинизм, полонизм, русизм, церковнославянизм и т. д.), но в ряде случаев используются устоявшиеся названия, образованные от других корней. Слово *галлицизм* образовано от латинского слова *Gallia*, которым во времена Римской империи обозначались территории современной Франции. Чешские заимствования при этом называют богемизмами (от латинского названия чешской земли *Bohemia*), немецкие – германизмами (от латинского *Germānia*), древнееврейские – гебраизмами (от латинского *hebraeus*, далее от греческого *Ἑβραῖος* (Hebraîos) «еврейский»).

М.К.

Знаешь, я всё чаще обращаю своё внимание на такие случаи, когда заимствованные слова ведут себя так, будто они всё ещё функционируют в своём языке, не изменяют свою форму в русском. Например, слова *кофе*, *пальто*, *манто* и т. д. не изменяются по падежам и числам, но в то же время слово *киоск* можно легко просклонять. Почему так происходит?

А.М.

Ну, какие-то слова подстраиваются под грамматику русского языка, а какие-то нет. Можно сказать, в нашем сознании происходит некоторое отторжение слов, которые имеют иное происхождение. Мы приняли в язык тысячи заимствований и освоили их настолько, что не всегда понимаем, что имеем дело с заимствованиями. Какая-то небольшая часть из этого массива слов просто нами отторгается, мы не хотим их склонять. Такие слова часто называют не заимствованиями, а иностранными словами.

Вот ты приводила пример со словом *кофе*. В русском языке это несклоняемое существительное мужского рода. Во всех падежах и числах

оно выглядит одинаково. Многие считают это слово французским заимствованием, но на самом деле оно происходит от английского *coffee* или нидерландского *koffie*, а далее через турецкое *kahve* восходит к арабскому قهوة (*qahwa*) «кофе». Польское *kawa*, чешское *káva*, сербское *kàфа*, возникшие несколько иным путём, при этом легко склоняются. Даже немецкое *Kaffee* прибавляет флексию родительного падежа и имеет множественное число на *-s*. А в русском языке, богатом на падежные окончания, форму слова изменить нельзя. Так уж вышло.

Среди несклоняемых существительных есть и слова поистине экзотические. Например, к ним относится слово *кенгуру*, пришедшее через английский из языка австралийского племени гуугу йимитир, а также слово *тату*, которое восходит к таитянскому (полинезийскому) слову *tatau* «рисунок». В других языках они могут склоняться.

М.К.

То есть мы сами создаём такие правила, по которым нас же затем заставляют склонять слова?

А.М.

Ну да. Так всегда и было.

М.К.

У меня назрел один закономерный вопрос в связи с тем, что ты выше изложил. Не опасно ли иметь такое большое количество заимствований в русском языке? Не приведёт ли это к засорению или смерти языка?

А.М.

Я думаю, нет. К смерти точно не приведёт. Заимствование в языке — это явление более чем нормальное, даже необходимое. Языки тысячелетиями развивались, контактируя друг с другом, взаимодействуя на разных уровнях, в том числе и лексическом.

Я попробую вкратце описать тебе историю заимствований в английском языке. Его словарный состав уже сложно назвать чисто германским,

поскольку в разное время на него сильно влияли другие языки. В этой связи различают скандинавский, французский и греко-латинский периоды влияния.

В VIII-IX вв. в древнеанглийский язык проникало большое количество слов из скандинавских языков. Например, современный английский глагол *take* «брать» (в древнеанглийском – *tacan*) произошёл от скандинавского *taka* (датское *tage*, исландское *taka*) и вытеснил исконное *niman* (немецкое *nehmen*). Глагол *die* «умирать» (в древнеанглийском – *dīgan*, *dīegan*) произошёл от *deyja* (датское *dø*), вытеснив исконное древнеанглийское *steorfan* (немецкое *sterben*). К скандинавским также относятся современные английские слова *law* «закон» (шведское *lag*, датское *lov*, исландское *lög*), *leg* «нога» (шведское *lägg*, норвежское *legg*, датское *læg*, исландское *leggur*), *skull* «череп» (шведское *skulle*, норвежское *skult*), *dirt* «грязь» (норвежское *dritt*, исландское *drit*), *knife* «нож» (шведское, норвежское, датское *kniv*), *happy* «счастливый» (исландское *heppinn*), *call* «звать» (шведское *kalla*, норвежское *kalle*, датское *kallen*, исландское *kalla*) и т. д. Многие из таких слов следовало бы отнести к частотной лексике.

Французский период начинается после нормандского завоевания 1066 года. Первые заимствования происходили из нормандского языка. Например, слово *catch* «поймать» происходит от нормандского *cachier* (латинское *captō*, французское *chasser*). Слово *hour* «час» происходит от *houre* (латинское *hōra*, французское *heure*). К нормандским относятся также слова *move* «двигать(ся)» (латинское *moveō*, французское *mouvoir*), *river* «река» (латинское *riparius*, французское *rivière*), *car* «автомобиль» (латинское *carra*) и т. д.

После XII века увеличивается поток собственно французских заимствований из парижского диалекта. Их так много, что по сей день почти на каждое германское слово находится какой-нибудь романский аналог (сравни пары *freedom* и *liberty* «свобода», *come in* и *enter* «входить» и т. д.).

Греко-латинский период начинается в XV-XVI вв., хотя, разумеется, слова латинского и греческого происхождения проникали в германские языки и ранее. Так, английское слово *street* «улица» (древнеанглийское *stræt*) происходит от прагерманского **strātō* (отсюда же немецкое *Straße*,

нидерландское *straat*, шведское *stråt*, норвежское *strede*, датское *stræde*, исландское *stræti*) и далее от латинского *strātā* «мощёная улица». В Новое время среди латинских и греческих заимствований были преимущественно слова, связанные с культурой и наукой. Из греческого через посредство французского и некоторых других языков пришли слова *drama* «драма», *theatre* «театр», *comedy* «комедия», *tragedy* «трагедия», *catastrophe* «катастрофа», *episode* «эпизод», *scene* «сцена», *monologue* «монолог», *dialogue* «диалог» и др. В русском языке эти слова также греческого происхождения.

Многие латинские корни в английском возникали из французского, поэтому наплыв чисто латинских слов привёл к многочисленным дублетам: *chance* «шанс, случай» и *cadence* «каденция, ритм», *count* «считать» и *compute* «вычислять», *frail* и *fragile* «хрупкий», *poor* «бедный» и *pauper* «нищий», *reason* «причина; разум» и *ration* «рацион», *sure* «уверенный» и *secure* «безопасный, надёжный» и т. д.

В итоге в структуре заимствований современного английского языка больше половины составляют романские слова, а это тысячи или даже десятки тысяч слов. Надо сказать, что одно время английский язык даже находился на грани вымирания, но не из-за наплыва французских слов, а из-за того, что на английском говорили очень мало, предпочитая использовать более высокий и утончённый, как тогда считалось, французский. Этого не произошло, поскольку с XIV века англичане вдруг стали осознавать ценность своего языка и опасность, которая ему угрожала. При этом сегодня английский, которому уже ничего не угрожает, сам является источником заимствований для других языков и агрессивно вытесняет другие языки из различных сфер жизнедеятельности. Например, в научной сфере носители многих языков предпочитают использовать именно английский в связи с отсутствием собственной научной терминологии или по другим причинам.

Думаю, имея такой пример живучести языка в условиях сильнейших внешних воздействий, нам уж точно нечего бояться. Наш язык подвергался сильному влиянию извне и даже презирался некоторыми, но судьбы английского русский язык не повторил. Сегодня, мне кажется, больше стоит

волноваться о статусе русского языка в мире и его изучении в других странах, а не о заимствованиях.

М.К.

Но почему же тогда критикуют заимствования, хотя от них избавиться? Я читала одну статью о русском языке, автор которой призывал панически бояться заимствований, избегать при любой возможности. Мол, засорение языка приведёт к его смерти.

А.М.

Людям свойственно бояться чужого, особенно когда чужое вытесняет родное, и это можно понять. Мы протестуем, когда видим, что на улицах российских городов всё больше иностранцев, выходцев из других стран. Чем их больше, тем больше недовольство, тем более националистически настроено общество по отношению к ним. Когда в языке появляются заимствования, мы им также сопротивляемся, также набирает обороты «языковой национализм». Мне лично кажется, что сегодня проблему заимствований сильно преувеличивают. Я не отрицаю того, что она существует, но о какой-то катастрофичности этой проблемы говорить не приходится.

Вспоминаются слова И. С. Тургенева: «Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Я с этим утверждением не совсем согласен. Русский язык бесспорно «богат и могуч», в нём всего хватает. Но мы не сможем обойтись без заимствований, так как они обогащают язык, делают его более выразительным и более живучим.

При этом нужно избегать чрезмерного злоупотребления заимствованными словами. Заимствования «перевариваются» языком постепенно, дозами. Если в русский язык в один момент хлынут тысячи заимствований, то угроза засорения становится реальной. Нужно понимать, что литературный русский язык заимствует размеренно, стараясь отбрасывать те чужие слова, которые ему не нужны.

Другое дело – сленги, жаргоны, или языки групп. Когда я слышу, как разговаривают между собой компьютерщики или программисты, у меня начинаются сбои в голове: появляются *баги*, мысли *лагают*. В общем, я их

с трудом понимаю. Они говорят по-русски, но часто используют искажённые английские слова, изменяемые в соответствии с морфологией русского языка. Эти языковые явления мало влияют на литературный язык и быстро исчезают, поэтому они не представляют собой серьёзной угрозы для русского языка.

М.К.

Я ещё читала о языке, который называется рунглиш. Это как бы смесь английского и русского. Им пользуются выходцы из России в США. Что ты можешь сказать об этом явлении? Ведь это уже не безобидные искажения?

А.М.

Такие языки тоже мало влияют на чистоту русского языка. Это всё те же языки групп. В англоязычной литературе они нередко обозначаются как «interlanguages» или «macaronic languages». Понятие «макаронизм» есть и в русском языке. На мой взгляд, такие языки – явление временное. Если какие-то слова через эти языки и попадут в русский (такую возможность нельзя исключать), то это не будет катастрофой.

Я занимался подобными языками раньше. На рунглише я встречал такую фразу: «Вам *наслаивать* или *писом*? (Would you like that *sliced* or *in one piece*?)». Английские слова *slice* и *piece* просто приспособили под русский язык без всякой надобности, но это не значит, что эти слова всегда будут употребляться вместо русских слов *нарезать* и *кусок*. Такие вкрапления употребляются ситуационно. Лишь некоторые наиболее часто употребляемые слова входят в такой язык надолго и используются по-настоящему широко в среде эмигрантов. Как правило, задерживаются слова, которые отражают новые реалии.

В квелье, смеси русского и немецкого, используются такие слова, как *бевербунг* (от немецкого *Bewerbung* «заявка»), *термйн* (от *Termin* «встреча, приём»), *фермитовать* (от *vermieten* «снимать квартиру») и т. д. Их также можно изменять в соответствии с привычными нам нормами русского языка: *бевербунга*, *бевербунги*, *бевербунгами*; *фермитую*, *фермитуешь*, *фер-*

митует. В рунглише, кстати, как ты могла заметить, то же самое – страшный сон филолога. Такие слова имеют свои понятные русские аналоги, но в Германии эмигранты сталкиваются с теми явлениями, которые они обозначают, так часто, что слова сами собой входят в повседневную речь.

Такие языки, как я и сказал, не оказывают влияния на литературный русский язык. Они существуют в эмигрантской среде или в среде возвращенцев, но быстро забываются. Некоторые слова из таких языков могут даже входить в моду, какое-то время использоваться в речи молодёжи, но, как правило, они не проходят жёсткого отбора литературного языка, который стремится минимизировать количество вкраплений из таких языков.

Кстати, если помнишь, ещё совсем недавно в моде был так называемый олбанский язык, или жаргон падонков (*превед медвед, аццкий сотона, аффтар жжот* и т. д.). Все говорили, что это порча языка, что язык такое не переварит и не переживёт. Язык не только пережил, он ещё и ничего не заимствовал из этого жаргона, хотя полстраны в интернете общалось на этом искажённом русском языке. Мода на него прошла, интерес к нарочитому искажению орфографии упал, а страшных последствий мы так и не увидели. Стоит ли после такого испытания нам бояться каких-то заимствований?

М.К.

Тогда нам точно бояться не стоит. Главное, как я поняла из нашей беседы, чтобы в один момент не было чрезмерного наплыва заимствований, иначе начнётся засорение языка и его смерть.

А.М.

По поводу смерти языка я ещё раз повторяюсь: если бы вся нация перешла на чужой язык, забыв свой родной, то можно было бы говорить о его смерти. Засорение языка заимствованиями к этому не имеет прямого отношения. Оно может сильно изменить его словарь, как-то повлиять на грамматику. Язык в этом случае просто меняет свой облик, мутирует, но не умирает, то есть не пресекает свою «генеалогическую линию». Он переходит из одного состояния в другое.

Конечно, если строго следовать лингвистическим формулировкам, то древнерусский язык сегодня следовало бы назвать мёртвым. Но ведь современный русский язык является продолжением древнерусского! Этот-то язык живой! Было бы странно считать, что таким же он останется через тысячу лет. Он в будущем очень сильно изменится или, возможно, даже будет забыт, но в какой-то иной форме будет существовать потомок этого языка или несколько потомков. Русский язык станет праязыком, может быть, для нескольких новых языков.

Хотим мы того или нет, так будет. Такова языковая эволюция. Это очень похоже на то, что происходит в животном мире, где биологические виды также живут и вымирают, борясь за место под солнцем, но всегда каким-то образом эволюционируют в нечто более совершенное.

М.К.

Даже как-то печально такое осознавать. Так хочется верить, что русский язык бессмертен.

А.М.

Я думаю, римляне и древние греки думали так же о своих языках. Всё же консервативны люди, не хотят признавать той простой мысли, что «всё течёт, всё меняется».

М.К.

Ладно, не будем о грустном. Давай поговорим о насущном. Вот мы много говорили о заимствованиях в русском. Интересно, а другие языки заимствуют из русского? Я почти не знаю таких слов в английском, которые бы происходили из русского.

А.М.

А как же *vodka* и *balalaika*?

М.К.

Ага, а ещё *matryoshka*!

А.М.

Вот видишь, уже три слова ты знаешь.

М.К.

Ну, три слова как-то маловато будет.

А.М.

Марина, разумеется, русских слов в английском больше: *babushka* – от русского *бабушка*, *gusli* – от *гусли*, *kasha* – от *каша*, *kvass* – от *квас*, *samovar* – от *самовар*, *shchi* – от *щи*, *tsar* – от *царь*, *ushanka* – от *ушанка* и т. д. Но ни англичане, ни американцы, ни другие англоязычные не станут использовать такие слова в общем контексте. Скорее всего, эти слова используются в речи тогда, когда тема касается русской культуры, истории, языка. В иных случаях о них никто и не вспомнит.

Мы все знаем слово *ковбой* (по-английски – *cowboy*), но вряд ли станем использовать его в отношении всех лиц мужского пола, кто скачет верхом на лошади. У нас для этого есть слова *всадник*, *наездник*.

М.К.

Ясно, я так и предполагала. В английском русские заимствования в основном составляют культурную лексику.

А.М.

Совершенно верно. Но есть и более общие слова, не привязанные только к культуре. Например, английское слово *steppe* «степь», а также немецкое *Steppe*, французское *steppe*, греческое *στέπα* (*stépa*), венгерское *sztyepp* и даже японское *ステ ッ プ* (*suteppu*) происходят от русского *степь* (предполагают, что оно связано со словом *монтать*). Этим словом англоязычные обозначают равнины в Восточной Европе и Азии. Для обозначения североамериканских равнин в английском используется слово *prairie*, а для африканских равнин – *savanna*.

М.К.

Я тут ещё слово *sputnik* вспомнила. Оно ведь тоже редко встречается в английском?

А.М.

В значении «спутник» в английском употребляется слово *satellite*. Слово *sputnik* применяется лишь в отношении советских спутников.

М.К.

А правда, что во французском есть слово *niet*, которое заимствовано из русского и означает «нет»?

А.М.

Да, есть такое словцо во французском. Вряд ли его можно встретить в литературе, но в интернете примеров с этим словом много. Я раньше думал, что оно заимствовано из нидерландского *niet* «не», хотя оно произносится как [njɛt] (что ближе к русскому произношению) и выражает категорический отказ. Когда я изучал заимствования во французском, то узнал, что это русское слово.

Во французском есть и другие русские слова: *ataman* – от русского *атаман*, *barzoï* – от *борзой*, *bitva* – от *битва*, *blini* – от *блины*, *datcha* – от *дача*, *droug* – от *друг*, *giryа* – от *гиря*, *koulak* – от *кулак* (имеется в виду зажиточные крестьяне в Российской империи; отсюда же возникло слово *dékoulakisation* «раскулачивание»), *mojik* – от *мужик*, *okrochka* – от *окрошка*, *oukase*, *ukase* – от *указ*, *raskol* – от *раскол*, *tavarich* – от *товарищ*, *télègue* – от *телега*, *touloupe* – от *тулуп* и т. д.

Многие из названных слов имеют довольно узкое значение, связанное с Россией и русской культурой, являясь, таким образом, культурными словами. Есть, например, во французском такое интересное слово *chapka*, которое можно перевести как «ушанка». У нас это не совсем одно и то же: ушанка является разновидностью шапки. Интересно, что само слово *шапка* в русском заимствовано из французского *chapeau*. Слово *oukase* при этом

может быть использовано и вне культурного контекста, скажем, в политике, как особого рода неологизм.

М.К.

Мне вот ещё интересны слова *водка* и *балалайка*, которыми ты недавно блеснул. Они ведь встречаются не только в английском? Такие слова ведь часто не переводятся на другие языки, а просто заимствуются?

А.М.

Не могу быть уверенным, что во всех языках так. Но обычно такие слова просто заимствуются. В редких случаях их как-то переводят.

Что касается слов *водка* и *балалайка*, то смотри следующие примеры: немецкие *Wodka*, *Balalaika*, греческие *βότκα* (*vótka*), *μπαλαλάικα* (*balaláika*), персидские *ودکا* (*vodkâ*), *بالالایکا* (*bâlâlâykâ*), хиндустанские *वोदका* (*vodkâ*), *बालालयका* (*bâlâlâykā*), арабские *فودکا* (*vodka*), *بالالایکا* (*balalayka*), китайские 伏特加酒 (*fútèjiājiǔ*) (или 伏特加 (*fútèjiā*)), 巴拉萊卡琴 (*bālālāikǎqín*), японские *ウォッカ* (*wokka*), *バラライカ* (*bararaika*), корейские *보드카* (*bodeuka*), *발랄라이카* (*ballallaika*) и т. д. Разные языки просто заимствуют эти слова, адаптируя под свою фонетику.

М.К.

И всё-таки это как-то всё мелко. Культурная лексика, как ты сказал, обычно заимствуется, а не переводится. А разве нет языков, где очень много русских слов, которые не связаны только с культурой? Ведь Россия была империей, в неё входили разные государства. Должны же остаться какие-то следы российского присутствия?

А.М.

Разумеется, следы остались. В языках тех народов, которые входили в состав Российской империи и СССР есть много русских заимствований. Они проникали в эти языки и до учреждения империи, но в меньшем количестве.

В финском есть слова *arbuusi* – от русского *арбуз*, *halatti* – от *халат*, *hauki* – от *щука*, *kanava* – от *канавы*, *karakka* – от *кабак*, *karusta* – от *капусты*, *leima* – от *клеймо*, *läävä* – от *хлев*, *majakka* – от *маяк*, *määrä* – от *мера*, *piirakka* – от *пирог*, *prenikka* – от *пряник*, *puteli* – от *бутылка*, *pätsi* – от *печь*, *saapas* – от *сапог*, *sopuli* – от *соболь*, *sääli* – от *жаль*, *tappara* – от *топор*, *tavara* – от *товар*, *tolkku* – от *толк*, *torakka* – от *таракан*, *viesti* – от *весть*, *värtingä* – от *веретено*, *vossikka* – от *извозчик* и т. д. Их очень много. Не все они являются славянскими по происхождению, но в финский язык они пришли из русского.

Из башкирского языка мне известны некоторые примеры: *арыш* – от русского *рожь*, *бүрәнә* – от *бревно*, *газит* – от *газета*, *йәрминкә* – от *ярмарка*, *күстәнәс* – от *гостинец*, *кәбестә* – от *капуста*, *миндек* – от *веник*, *симешкә* – от *семечки*, *эскәмйә* – от *скамья*, *эшләпә* – от *шляпа*, *үтек* – от *утюг*, *өстәл* – от *стол* и т. д.

М.К.

А из языков бывших союзных республик знаешь примеры?

А.М.

Эх, загоняешь ты меня. Республик было много. Не все же мне языки перебирать! Так и быть, приведу примеры из армянского и грузинского.

В армянском языке мне известны самые разные примеры заимствований из русского, я очень давно интересовался этой темой. В армянском (как и в финском) много заимствований из русского, которые не являются чисто русскими или вообще славянскими. Но и наших слов тоже хватает. Например: *ալբոմ* (albom) – от русского *альбом*, *ալկաժ* (alkaš) – от *алкаш*, *այսբերգ* (aysberg) – от *айсберг*, *անեկդոտ* (anekdot) – от *анекдот*, *ավտոբուս* (avtobus) – от *автобус*, *բանկա* (banka) – от *банка*, *գարաժ* (garaž) – от *гараж*, *գրիժա* (griža) – от *грыжа*, *դավայ* (davay) – от *давай*, *դուխի* (duxì) – от *духи*, *զավտրիկ* (zavtrik) – от *завтрак*, *լամպուշկա* (lampuška) – от *лампочка*, *լյուստրա* (lyustra) – от *люстра*, *կալբաս* (kalbas) – от *колбаса*, *կոլխոզ* (kolhoz) – от *колхоз*, *կոմբայն* (kombajn) – от *комбайн*,

kr̥is) – от *крыса*, *kr̥as*) – от *квас*, *kr̥eslo*) – от *кресло*, *maʁoʒni*) – от *мороженное*, *maʁʂrutka*) – от *маршрутка*, *yaʂik*) – от *ящик*, *čʼaynik*) – от *чайник*, *padezd*) – от *подъезд*, *pečʼeni*) – от *печенье*, *pilasos*) – от *пылесос* и т. д. Я их даже пытался классифицировать, но полной классификации у меня не вышло. Всегда находились слова, которые некуда приткнуть.

Из грузинского языка мне известны также разные примеры русских заимствований, но я ими почти не занимался. Могу назвать следующие слова: *abiturienti*) – от русского *абитуриент*, *azarti*) – от *азарт*, *blini*) – от *блин*, *vedro*) – от *ведро*, *koziri*) – от *козырь*, *kompromati*) – от *компромат*, *mamonti*) – от *мамонт*, *niša*) – от *ниша*, *raxmelia*) – от *похмелье*, *polkovniki*) – от *полковник*, *pulimioti*) – от *пулемёт*, *statia*) – от *статья*, *šedevri*) – от *шедевр*, *čʼainiki*) – от *чайник*, *čʼinovniki*) – от *чиновник* и т. д.

М.К.

Да уж. Наверное, слово *raxmelia*) в грузинском языке – самое русское.

А.М.

Я бы не был так уверен. Слово *похмелье* происходит от слова *хмель*, а оно, в свою очередь, считается древним заимствованием. Одни считают, что оно из тюркских языков, кто-то утверждает, что оно финно-угорское, а некоторые и вовсе настаивают на кавказском происхождении слова. Во всяком случае, оно не является праиндоевропейским.

М.К.

Вот вечно ты меня обламываешь! Я уж хотела порадоваться за грузин, загордилась своей родиной, а ты мне такое выдаёшь!

А.М.

Что поделать, этимология – наука жестокая.

М.К.

Интересно, а может ли письменность повлиять на способность языка заимствовать? Я, к сожалению, не учила такие языки, которые используют непривычное письмо (вроде китайских или японских иероглифов, арабской вязи), но мне всегда казалось, что такие языки заимствовать не любят. Так ли это?

А.М.

Я лично не вижу особого препятствия в письменности. Многие языки с непривычной для нас письменностью активно заимствуют. Я ведь уже приводил примеры таких заимствований.

М.К.

Да, но разве китайскому или японскому заимствовать не сложнее, чем русскому или английскому? Мне кажется, их иероглифы не способны передавать звучание слов из европейских языков.

А.М.

Эти языки имеют различный строй. Японский язык способен заимствовать довольно много и приспособлять заимствования под свою фонетическую и морфологическую систему. Он заимствовал с давних пор. Значительную часть японской лексики составляют канго – заимствования из китайского. Сегодня японский активно заимствует из английского.

Большой пласт заимствований из европейских языков называют гайрайго. Например: コーヒー (kōhī) «кофе», チャンス (chansu) «шанс», エアゾール (earozoru) «аэрозоль», クリスタル (kurisutaru) «кристалл», イン

スペクター (insupekutā) «инспектор», アイスクリーム (aisukurīmu) «мороженное», エスカレーター (esukarētā) «эскалатор», システム (shisutemu) «система» и т. д. Даже название своей страны ジャパン (Japan), которое принято как основное во многих языках, заимствованно в японский из английского. Обычно свою страну японцы называют 日本 (にほん, Nihon) или 日本国 (にほんこく, Nihonkoku).

Конечно, особенности японской фонетики не позволяют просто передать заимствование в чистом виде, без всяких искажений, но даже с искажениями они узнаваемы. К тому же японцы используют катакану (японскую слоговую азбуку) для записей заимствований. Реже используются специальные иероглифы, называемые атэдзи. Они применяются для передачи названий и имён, а также некоторых других слов. Например, слово コーヒー (kōhī) в атэдзи передают как 珈琲 (kōhī).

Китайский язык действительно с трудом заимствует, но иероглифы тут ни при чём. Во всём виноват особый строй китайского языка, а также его фонетика (как и в случае с японским). Китайцы адаптируют заимствованные слова так, что их не всегда можно потом узнать.

Попробуй понять, что скрыто за этими китайскими словами: 芭芭雅嘎 (Bābāyǎgā), 喀秋莎 (kāqiūshā), 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi), 斯普特尼克 (sīpǔtènikè), 薩摩瓦爾/萨摩瓦尔 (sà mó wǎ'ěr).

М.К.

Да это же русские слова: 芭芭雅嘎 (Bābāyǎgā) – *Баба Яга*, 喀秋莎 (kāqiūshā) – *Катюша*, 斯普特尼克 (sīpǔtènikè) – *спутник*, 薩摩瓦爾/萨摩瓦尔 (sà mó wǎ'ěr) – *самовар*. Слово 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi) мне ничего не напоминает.

А.М.

Слово 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi) – от русского *совет*. Китайцы таким образом передают, как правило, названия каких-нибудь стран, городов, имена. Я думаю, ты узнаешь следующие слова: 澳大利亞/澳大利亚

(Àodàliyà), 英格蘭/英各兰 (Yīnggélán), 洛杉磯/洛杉矾 (Luòshānjī), 莫斯科 (Mòsikē), 俄羅斯/俄罗斯 (Éluósī), 彼得羅巴甫洛夫斯克/彼得罗巴甫洛夫斯克 (Bǐdéluóbāfǔluòfūsīkè), 法蘭西/法兰西 (Fǎlánxī).

М.К.

Кое-что получилось разгадать: 澳大利亞/澳大利亚 (Àodàliyà) – *Италия*, 英格蘭/英各兰 (Yīnggélán) – *Англия* (вероятно, от *England*), 洛杉磯/洛杉矾 (Luòshānjī) – *Лос-Анджелес*, 莫斯科 (Mòsikē) – *Москва*, 法蘭西/法兰西 (Fǎlánxī) – *Франция*. Со словами 俄羅斯/俄罗斯 (Éluósī), 彼得羅巴甫洛夫斯克/彼得罗巴甫洛夫斯克 (Bǐdéluóbāfǔluòfūsīkè) не разобралась.

А.М.

Слово 澳大利亞/澳大利亚 (Àodàliyà) – *Австралия*. 俄羅斯/俄罗斯 (Éluósī) – *Россия*, 彼得羅巴甫洛夫斯克/彼得罗巴甫洛夫斯克 (Bǐdéluóbāfǔluòfūsīkè) – *Петропавловск-Камчатский*. Как можно не узнать название своей любимой страны и такого прекрасного города?

Китайский язык в последнее время стал заимствовать даже больше, чем раньше. Сейчас даже приветствие и прощание в среде молодежи происходит не всегда по-китайски, поскольку у молодого поколения китайцев есть заимствованные формулы 哈囉/哈啰 (hāluó) и 拜拜 (báibái), используемые в разговорной речи или в интернете.

Очень много в китайском слов из английского: 巴士 (bāshì) «автобус» – от английского *bus*, 芭蕾舞 (bālěi) «балет» – от *ballet*, 迪斯科 (dísīkē) «дисотека» – от *disco*, 可口可樂/可口可乐 (Kěkǒukělè) «Кока-Кола» – от *Coca-Cola*, 樂透/乐透 (lètòu) «лото» – от *lotto*, 伊妹兒/伊妹儿 (yīmèi) «электронная почта» – от *e-mail*, 德謨克拉西/德谟克拉西 (démókèlāxī) «демократия» – от *democracy*, 撲克/扑克 (pūkè) «игральные карты» – от *poker*, 派對/派对 (pàiduì) «вечеринка» – от *party*, 鐳射/镭射 (léishè) «лазер» – от *laser*. Есть также известное французское слово 模特 (mótè) «модель» – от *modèle*.

М.К.

Ты не перестаёшь меня удивлять, Александр. Я бы в жизни не узнала в этих исковерканных словах заимствований, да ещё и таких известных. Наверное, сами китайцы их не различают.

А.М.

Ещё как различают. В китайском языке иероглифы имеют своё значение. Так, китайское слово 迪斯科 (dísīkē) «дискоотека» состоит из трёх иероглифов: 迪 (dí), 斯 (sī) и 科 (kē). Первый иероглиф 迪 (dí) может иметь значение «следовать», иероглиф 斯 (sī) означает «этот, это», иероглиф 科 (kē) означает «раздел, часть; отрасль». Выходит, что общий смысл слова будет весьма далёк от того значения, которое ему обычно приписывается. Слово записано этими иероглифами только для того, чтобы фонетически передать облик заимствованного слова.

Есть довольно интересный пример со словом *тайфун*. О его происхождении спорят уже давно, но мне кажется, что оно имеет китайское происхождение. В пользу этого свидетельствует многое, в том числе запись этого слова в китайском – 大風 (dàfēng), где иероглиф 大 (dà) имеет значение «большой», а иероглиф 風 (fēng) – «ветер». Для кантонского диалекта слово 大風 транслитерируют как (daai6 fung1), что уже ближе к знакомым нам формам в других языках: немецкое *Taifun*, польское и чешское *tajfun*, литовское *taifūnas*, армянское *թափունի* (t'ayfun), финское *taifuuni*, грузинское *თაიფუნი* (taip'uni), турецкое *taifun*, японское 台風 (たいふう, taifū), корейское 태풍 (taepung) и т. д.

Существуют параллельные версии происхождения этого слова. В некоторых источниках ссылаются на имя мифического великана Тифона – *Τυφῶν* (Typhôn). Известно, что он олицетворял огненные силы земли и мог устраивать и сильные бури. В пользу греческой версии могли бы свидетельствовать формы слова в английском (*typhoon*) и французском (*typhon*). Также существует версия о происхождении слова *тайфун* из арабского طوفان (tūfān). Некоторые формы этого слова в других языках (например, португальское *tufão*) действительно имеют похожий вид, но если бы слово

было семитским по происхождению, а не происходило бы из китайского, то в самом китайском запись также была бы фонетической, а мы видим полное совпадение по смыслу. Вероятность того, что смысл китайского слова 大風 (dàfēng) совершенно случайно соотносится со смыслом составляющих его иероглифов, конечно, существует, но она довольно мала.

М.К.

Интересная история. Я так и предполагала, что слово это из восточных языков. Тайфуны ведь все там, на Востоке. Не удивлюсь, если оттуда же происходят слова *цунами* и *ураган*.

А.М.

Слово *цунами* происходит от японского 津波 (つなみ, tsunami), от 津 (つ, tsu) «гавань» и 波 (なみ, nami) «волна». А вот слово *ураган* пришло через испанский (*huracán*) из аравакского языка таино, который был распространён на Больших Антилах (Куба, Гаити, Ямайка, Пуэрто-Рико) и Багамских островах. То есть это слово из индейских языков.

М.К.

Я тут на днях задумалась ещё над таким вопросом. Наверняка ведь есть такие слова, которые существуют во всех языках. Скажем, слова «компьютер» и «интернет», насколько я знаю, являются общеизвестными. Так мне говорил однажды мой университетский преподаватель информатики. Это правда?

А.М.

Это точно не соответствует действительности. Слово «компьютер» есть во многих языках: немецкое *Computer*, нидерландское *computer*, португальское *computador*, украинское *комп'ютер*, болгарское *компютър*, польское *komputer*, литовское *kompiuteris*, персидское کامپیوتر (kâmpyuter), албанское *kompjuter*, арабское كمبيوتر (kambyūtar), азербайджанское *kompyüter*, японское コンピュータ (kompyūta), корейское 컴퓨터 (keompyuteo) и т. д. Все эти слова происходят от английского *computer*

«компьютер», от глагола *compute* «вычислять», далее от латинского *computō* «вычислять». Но вот во французском, например, компьютер традиционно называется *ordinateur*. В словенском есть название *računalnik*, в сербском – *računār*, в чешском – *počítač*, в исландском – *tölva*, в греческом – *υπολογιστής* (*ypologistís*), в армянском *համակարգիչ* (*hamakargičʻ*), в венгерском – *számítógép*. Примеров такого рода множество. Китайцы называют компьютер 電腦/电脑 (*diànnǎo*), что можно дословно перевести как «электронный мозг» (от 電/电 (*diàn*) «электричество» и 腦/脑 (*nǎo*) «мозг»).

То же можно сказать о слове «интернет». Оно присутствует даже в самых экзотических языках, названия которых вызывают недоумение у людей, далёких от лингвистики. Однако тот факт, что в словенском языке это слово имеет вид *medmrežje*, а греки говорят *διαδίκτυο* (*diadíktyo*), уже не даёт нам права называть это слово общим для всех языков.

В некоторых языках собственные названия активно конкурируют с заимствованными. Например, в иврите существует заимствованное слово אינטרנט (*ínternet*), которое признаётся наиболее популярным. В то же время в начале этого столетия израильские лингвисты предложили в качестве альтернативы собственное ивритское слово מרשתת (*mirśetet*). Пока оно не пользуется популярностью, но не исключено, что через какое-то время оно вытеснит заимствованное слово. Точно так же в персидском конкурируют заимствованное слово کامپیوتر (*kâmpyuter*) и родной неологизм رایانه (*râyâne*), в языке хинди конкурируют слова कंप्यूटर (*kampyūtar*) и ведущее своё происхождение из санскрита слово संगणक (*sāṅgaṇak*).

Твой преподаватель мог быть прав в том, что слова эти узнаваемы почти во всех языках. Скажем, в греческом языке есть не только слово *υπολογιστής* (*ypologistís*), но и слово *κομπιούτερ* (*kompioúter*). В сербском можно встретить слово *компјутер* (также *компјџтор*). То есть на уровне разговорного языка и частично даже в литературном языке такие слова присутствуют почти везде, в наш «компьютерный век» (или в «век интернета») от них никуда не скроешься.

М.К.

Я, кстати, знаю, что в итальянском есть слова *calcolatore* (связано со словом *калькулятор*) и *computer*. Даже в английском в качестве синонима слову *computer* существует слово *calculator*.

А.М.

Хорошие примеры. В итальянском слова *calcolatore* и *computer* также конкурируют. Есть ещё слово *elaboratore*, хотя я его почти не встречал.

М.К.

Что ж... Мы уже многие языки «перетормошили», и почти везде обнаруживаются заимствования из других языков. Неужели нет таких языков, которые вообще не заимствуют?

А.М.

Скорее всего, таких абсолютно изолированных языков просто не существует. Есть языки, которые предпочитают меньше заимствовать и больше использовать материал родного языка для создания слов.

Интересен в этом смысле атабаскский язык навахо в Северной Америке. Насколько мне известно, в нём очень мало заимствований, но они всё же имеются. Носители языка навахо сами создают слова так, как им вздумается, и получаются в итоге слова-гиганты – целые предложения. Например, слово *компьютер* на язык навахо можно перевести как *béesh bee ak'e'elchihí t'áá bí nitsékeesígíí*. Это слово (сочетание слов) можно разделить на ряд составляющих: *béesh* «железо, устройство» + *bee* «с (помощью)» + *ak'e'elchí* «пишет» + субстантиватор *-í* + *t'áá bí* «сам» + *ntsékees* «думает» + субстантиватор *-ígíí*. Даже название географических пунктов индейцы навахо часто не заимствуют, а переводят на свой манер. Слово *Россия* на их язык можно перевести как *Bi'ée' Łichíí'í bikéyah*, где *bi'ée'* означает «его одежда», *łichíí'* – «является красным», *bikéyah* – «их страна». Логика их построений порой меня ужасно удивляет.

Среди европейских языков, избегающих заимствований и использующих материал своего языка, особо выделяют исландский. Исландцы едва

ли не на уровне терминологии стремятся избегать чужеродных элементов, предпочитая им свои собственные. Например, слово «кино» в ряде языков имеет сходный вид: английское *cinema*, немецкое *Kino*, французское *cinéma*, польское *kino*, армянское *կինո* (*kino*) – все эти слова происходят от древнегреческого *κίνημα* (*kínēma*) «движение», от *κινέω* (*kinéō*) «двигать». В исландском то же значение имеет слово *kvikmynd*, которое состоит из слов *kvikur* «живой, быстрый» и *mynd* «картинка». Таким образом, исландцы называют кино «живыми/быстрыми картинками».

Слово «электричество» в ряде языков также имеет похожий вид: английское *electricity*, немецкое *Elektrizität*, французское *électricité*, польское *elektryczność*, армянское *էլեկտրականություն* (*elektrakanut'iwun*) – все от древнегреческого *ἤλεκτρον* (*ḗlektron*) «янтарь». В исландском в том же значении используется сложное слово *rafmagn*, которое состоит из слов *raf* «янтарь» и *magn* «сила». Такая этимология вовсе не случайна. Древнегреческий философ Фалес Милетский одним из первых обнаружил свойство потёртого о шерсть янтаря притягивать мелкие предметы, отсюда и происходит слово *электричество*. Исландцы, выходит, просто перевели с некоторыми искажениями какое-то европейское слово, восходящее к древнегреческому *ἤλεκτρον* (*ḗlektron*).

Процесс вхождения в язык нового слова, собранного из уже имеющих в языке корней и морфем, но по смыслу связанного с иноязычным словом, называется калькированием, а результат этого процесса называется калькой. Когда мы говорили о словах «компьютер» и «интернет» в разных языках, где слова эти имеют другой вид, то часто сталкивались именно с кальками. Примеры из навахо сюда не относятся, это вообще случай тяжёлый.

М.К.

И много ли таких языков, которые создают кальки, избегая заимствований? И какие из них наиболее примечательны?

А.М.

По-моему, калька – это такой же естественный способ пополнения словаря, как и заимствование. Я не считал, сколько на Земле активно калькирующих языков, но думаю, что очень много.

Среди наиболее известных и популярных языков мира, я думаю, нет таких, которые бы не калькировали слова. Больше всего из европейских языков калькируют исландский и чешский. В разное время калькировали также русский, немецкий, польский.

Если моду в литературе и науке диктуют пуристы, то язык начинает активно очищаться от заимствований, переходя к калькированию. Например, среди сербохорватских языков языковым пуризмом отличается хорватский язык, который в своё время националистически настроенные учёные и писатели стремились очистить от «чужих» слов, в том числе славянских. Я думаю, этот приступ пуризма был попыткой искусственно развести сербский и хорватский языки ещё дальше друг от друга, чтобы как-то нарушить взаимопонятность.

Сложно сказать, какие языки калькируют больше, а какие меньше. Для этого недостаточно одних лишь примеров, нужны точные подсчёты. Есть кальки, которые прослеживаются сразу во многих языках, из которых один активно заимствует, а другой – активно калькирует. Например, в заимствующем польском есть слово *pociąg* «поезд» (от *ciągnąć* «тянуть, тащить»), а в калькирующем чешском есть слово *vlak* «поезд» (от *vláčet* «тащить, тянуть»). Оба слова являются калькой от немецкого *Zug* «поезд», которое происходит от глагола *ziehen* «тянуть». Кстати, английское *train* «поезд» также происходит от латинского глагола *trahō* в значении «тащить, тянуть». В русском языке слово *поезд*, разумеется, имеет совсем другой смысл (оно связано с глаголом *ехать*).

Аналогичным образом польское слово *czasopismo* «журнал» (от *czas* «время» и *pismo* «письмо») и чешское *časopis* (от *čas* «время» и *psát* «писать», *písmo* «письмо») являются кальками от немецкого *Zeitschrift* (от *Zeit* «время» и *Schrift* «письмо»).

Если бы мы производили подсчёты калек в польском и чешском, то, скорее всего, выяснили бы, что чешский чаще прибегает к калькированию,

чем польский. Я думаю, это факт общеизвестный, хотя точных цифр, признаться, никогда не встречал.

М.К.

Пример с польским *pociąg*, чешским *vlak*, немецким *Zug* и английским *train* натолкнул меня на мысль об универсальности некоторых калек. Я читала о том, что слово «небоскрёб» в английском имеет вид *skyscraper* (от *sky* «небо» и *scrape* «скрести»), в итальянском – *grattacielo* (от *grattare* «чесать» и *cielo* «небо»), в немецком – *Wolkenkratzer* (от *Wolke* «облако» и *kratzen* «царапать; чесать, скрести»). В русском языке слово *небоскрёб* – очевидная калька. В других языках это слово так же сложено?

А.М.

Да, это классический пример калки. Похожим образом слово «небоскрёб» образовано во многих языках: французское *gratte-ciel* (от *gratter* «скрести» и *ciel* «небо»), украинское *хмарочос* (от *хмара* «облако» и *чесати* «чесать»), чешское *mrakodrap* (*mrak* «туча» и *drapnout* «цапнуть»), исландское *skýjakljúfur* (от *ský* «облако» и *kljúfa* «разделять»), финское *pilvenpiirtäjä* (от *pilvi* «облако» и *piirtäjä* «чертёжник, художник»), турецкое *gökdelen* (от *gök* «небо» и *delmek* «дырявить») и т. д.

Общим для всех этих слов является английское *skyscraper*, однако в разных языках его интерпретируют по-разному и переводят не всегда точно. Во французском *gratte-ciel* и итальянском *grattacielo* порядок корней другой. Турецкий язык использует слово *delmek* «дырявить», а финский – *piirtäjä* «чертёжник», тогда как в английском в английском слово *scrape* означает «скрести». Кальки в некоторых языках не всегда точно передают семантику слова из языка-источника.

М.К.

А как слово «небоскрёб» передаёт китайский язык? В китайском же тоже есть кальки?

А.М.

В китайском слово 摩天大樓/摩天大楼 (mótiān dàlóu) «небоскрёб» состоит из иероглифов 摩 (mó) «тереть, гладить», 天 (tiān) «небо», 大 (dà) «большой» и 樓/楼 (lóu) «многоэтажное здание». Как видишь, это тоже своеобразная калька.

В китайском языке, разумеется, существуют разные кальки. Мне не так давно попадался пример со словом 非死不可 (Fēisǐbùkě), которое просто копирует английское название социальной сети *Facebook* (напомню, что оно состоит из слов *face* «лицо» и *book* «книга»). Наряду с этим словом в китайском существует слово 臉書/脸书 (Liǎnshū), образованное из иероглифов 臉/脸 (liǎn) «лицо» и 書/书 (shū) «книга».

М.К.

А можешь общими словами рассказать о кальках в русском языке? В примерах. Из каких языков в основном калькируются слова в русском?

А.М.

Калек в русском языке очень много. Языки, которые влияли на русский язык и оставили в нём много заимствований, часто оставляли и кальки. Не все прижились, но осталось их немало.

Ранние кальки проникали из греческого. Например, слово *летописец* в возникло при переводе греческого слова *χρονογράφος* (khronográphos), которое сложено из слов *χρόνος* (khrónos) «время» и *γράφω* (gráphō) «писать». Слово *православие* – это дословный перевод греческого слова *ὀρθοδοξία* (orthodoksía), сложенного из *ὀρθός* (orthós) «прямой; верный, правый» и *δόξα* (dóksa) «мнение; слава».

Из немецкого языка в русский язык были калькированы слова *выглядеть* (немецкое *aussehen*, от *aus-* «из-, вы-» и *sehen* «смотреть, глядеть»), *полуостров* (немецкое *Halbinsel*, от *halb* «половина» и *Insel* «остров»), *мероприятие* (немецкое *Maßnahme*, от *Maß* «мера» и *nehmen* «брать, принимать»), *представление* (немецкое *Vorstellung*, от *vor-* «пред-» и *stellen* «ставить») и т. д.

Известны имена изобретателей некоторых калек. Так, многие слова из научной терминологии были придуманы М. В. Ломоносовым, среди них есть и кальки: *равновесие* (от немецкого *Gleichgewicht*, от *gleich* «равный» и *Gewicht* «вес»), *предмет* (от латинского *objectum*, от *obiciō* «бросать вперёд», от *ob-* «вперёд» и *iaciō* «бросать»), *насекомое* (от французского *insecte*, от латинского *īnsectum*, от *īnsecō* «разрезать», где просматривается глагол *secō* «резать», родственный русскому слову *сечь*). Во времена Н. М. Карамзина в русском языке возникали кальки из французского. Именно Карамзин ввёл в оборот слова *впечатление* (французское *impression*, от латинского *impressiō* «вдавливание», *imprimō* «вдавливать», от *in-* «в-» и *premo* «давить») и *влияние* (французское *influence*, от латинского *īnfluō* «втекать, впадать», от *in-* «в-» и *fluō* «течь»).

Некоторые кальки и неологизмы изобретались у нас в России пуристами вроде А. С. Шишкова. Он был военным человеком, адмиралом, но почему-то его всё тянуло к науке, особенно к языку и литературе. Его особенно огорчало то, что русский язык «засоряется» европейскими словами, поэтому в качестве альтернативы некоторым заимствованиям он предлагал кальки: вместо *галюши* (от французского *galoches* «галоша») он предлагал использовать слово *мокроступы*, вместо *фортепиано* (от итальянского *fortepiano*, от *forte* «громкий» и *piano* «тихий») – *тихогромы*. Я не осуждаю его подход, даже поддерживаю, но должен заметить, что слова он изобретал не самые удачные.

М.К.

Никогда бы не подумала, что все эти слова возникли под «влиянием» иностранных языков. Хотя сейчас меня уже сложно чем-то «впечатлить». Сколько дней мы с тобой беседуем, столько раз я и убедилась, что язык – штука очень странная, сложная, изменчивая.

Я, кстати, слышала о «мокроступах» где-то по телевидению, но не думала, что такое слово реально существовало. Шишков был с юмором, наверное.

А.М.

Лично его не знал, он умер почти за сто пятьдесят лет до моего рождения, так что по поводу его чувства юмора сказать ничего не могу. Зато знаю, что чувство юмора было у Пушкина, который, очевидно, передразнивая Шишкова, в «Евгении Онегине» писал: «Она была нетороплива, / Не холодна, не говорлива, / Без взора наглого для всех, / Без притязаний на успех (...) Всё тихо, просто было в ней, / Она казалась верный снимок / Du comme il faut... / (Шишков, прости: не знаю, как перевести...)».

М.К.

Троллинг XIX столетия?

А.М.

Не совсем троллинг... Скорее, шуточный намёк на то, что не следует «переводить непере译имое». Пушкин ведь не хотел обратить на себя гнев Шишкова или как-то его спровоцировать.

М.К.

А было так, что одно и то же иностранное слово и заимствовалось и калькировалось одновременно?

А.М.

Конечно, было. Например, слова *созвучие* и *согласие* калькируют греческое слово *συμφωνία* (*sumphōnía*) «созвучие» (от *σύμφωνος* (*súmphōnos*) «созвучный», далее от *σύν* (*sún*) «с» и *φωνή* (*phōnḗ*) «звук, голос»), от которого же через посредство европейских языков происходит слово *симфония*. Из приведённых мной выше примеров с кальками слово *obiectum* было заимствовано в виде *объект*, слово *impression* обнаруживается в слове *импрессионист*, слово *ὀρθοδοξία* (*orthodoksía*) также угадывается в довольно редком у нас слове *ортодоксальный*. Примеров такого рода полным-полно.

М.К.

А слово *телевидение* – это тоже калька или всё-таки заимствование? В английском оно имеет вид *television*, а это наталкивает на мысль, что слово заимствовано (если я не ошибаюсь, первая часть *теле-* происходит из греческого, откуда происходит также слово *телефон*). Но вот вторая часть этого слова *-видение*, скорее, говорит о том, что оно переведено, поскольку тут корень как в слове *видеть*. Так что же это за слово?

А.М.

Вот об этом я как-то забыл упомянуть. Это довольно интересное явление, когда слово собирается из частей, взятых из разных языков. Так же, например, собраны слова *архиважный* (от древнегреческого *ἀρχι-* (*arkhi-*) «главный, старший» и русского *важный*, от польского *ważny* «важный», от *waga* «весы», далее от немецкого *Waage* «весы»), *антивоенный* (от древнегреческого *ἀντί* (*antí*) «вместо; подобно; ради» и русского *военный*), *фотоаппарат* (от древнегреческого *φωτο-* (*phōto-*), от *φῶς* (*phôs*) «свет» и латинского *apparātus* «приготовление»). В случае со словом *телевидение* всё несколько сложнее и в то же время интереснее, так как тут мы имеем дело с «полукалькой».

Английское слово *television* было заимствовано из французского *télévision*, которое в начале XX века изобрёл русский учёный К. Д. Пермский. Это слово, по сути, было собрано из древнегреческого элемента *τῆλε* (*têle*) (слово *телефон* также включает этот элемент, но само оно не могло быть заимствовано из греческого, оно просто собрано из греческих слов) и латинского *vīsiō* «зрение; видение» (от формы *vīsus* «зрение; видение», далее от *videō* «видеть»). Если бы мы заимствовали английское слово в русский, то получилось бы слово *телевизия* (оно, кстати, в русском одно время уже существовало). Но так уж сложилось, что мы решили вторую часть слова перевести на русский, то есть калькировать, и получилось слово *телевидение*. В украинском таким же путём возникло слово *телебачення*, в белорусском – *тэлебачанне*. Немецкое слово *Fernsehen* было калькировано целиком (от *fern* «далеко» и *sehen* «видеть»). А вот в болгарском слове *те-*

левизия или в сербском *телевизија* уже легко опознать чистые заимствования.

М.К.

И всё же в русском есть слово *телевизор*, которое уже является заимствованием. Я ведь права?

А.М.

Да, но это, повторюсь, заимствование, собранное из разных частей: первая часть греческая, вторая – латинская. В строгом смысле это слово являлось неологизмом, возникшим для номинации какого-то нового явления, не известного ранее. А сейчас это уже обычное слово.

М.К.

У меня вопросов больше нет.

А.М.

Мы уже все основные вопросы по этой теме рассмотрели. Пора переходить к следующей теме – семантике.

Глава 6. Семантика

М.К.

Перед тем как мы начнём обсуждать тему, мне бы хотелось уточнить определение понятия «семантика». Что это такое?

А.М.

Семантика – это раздел лингвистики, который изучает смысловые значения единиц языка. Иными словами, лингвистическая семантика устанавливает отношения между единицами языка (в нашем случае – словами) и объектами реального мира. В узком смысле под семантикой понимают значение слова. Как раз в этом смысле мы преимущественно и будем использовать это понятие.

В этимологии семантический компонент является одним из самых важных при описании истории слова, без него нельзя считать этимологию удовлетворительной. Хотя сегодня термин «семантика» используется, как правило, в широком смысле, ещё в конце XIX века француз М. Бреаль применял его именно в отношении исторических значений слов. Так что можно сказать, что в этимологии зарождалась семантика как самостоятельная лингвистическая наука.

М.К.

Хорошо, и что же понимается под историческим значением слова, его исторической семантикой?

А.М.

В качестве примера приведу русское слово *театр*. Оно, разумеется, не является исконным, а заимствовано из европейских языков. В русском языке слово возникло из французского *théâtre*, далее из латинского *theātrum* и древнегреческого *θέατρον* (*théatron*) «место для зрелищ». Кажется бы, вот и вся этимология, да только чего-то тут не хватает: все слова имеют похожее значение, а хотелось бы знать, почему они его имеют. По-

лучается, что такое объяснение не может быть удовлетворительным, так как в нём отсутствует семантическое обоснование.

Чтобы дать более-менее удовлетворительное объяснение, нужно всего лишь на один шагок углубиться в историю древнегреческого слова *θέατρον* (théatron). Порывшись в словарях, обнаружим, что оно связано с глаголом *θεάομαι* (theáomai) «смотреть, видеть». Без этого слова семантика теряется. Для верности я бы ещё сравнил слово *театр* с чешским *divadlo* «театр» и сербохорватским *позориште* «театр», которые, очевидно, калькируют греческое слово.

М.К.

Так это и есть те самые «исконные смыслы», которые этимологи разгадывают, чтобы докопаться до истоков слова?

А.М.

Ну, можно и так сказать. Каждое слово имеет некоторый исконный смысл, который можно установить на том или ином уровне. Я приводил уже много примеров такого рода, поэтому ничего нового тут для тебя нет.

М.К.

Я читала твою статью о слове *кредит*. Из неё я выяснила, что это слово имеет исконный смысл «класть в сердце». Откуда такой вывод?

А.М.

В русском слово возникло из немецкого *Kredit* или французского *crédit*, далее от латинского *crēditum* «ссуда», которое образовано от глагола *crēdō* «доверять; одалживать». Последнее, как предполагают этимологи, восходит к праиндоевропейскому сочетанию **kred d^heh₁-* «девать в сердце», где первая часть – форма слова **kér* «сердце», вторая – корень **d^heh₁-* «класть». От того же сочетания в санскрите возникло слово *श्रद्धधाति* (*śrad-dadhāti*) «доверять, верить». То есть сочетание этих слов, скорее всего, именно так и понимали в древности.

М.К.

И все слова имеют такие глубинные смыслы?

А.М.

Почти все. Есть слова, этимология которых куда банальнее. Но в массе своей слова имеют общий древний источник, сохраняют определённые связи с другими словами. Значения слов могут при этом меняться, но аналитическим путём можно связать современные значения слов с древними, а отсюда уже становится возможным установить смысл общего древнего источника.

Я уже приводил ранее в качестве примера праславянское слово **orbъ*, от которого в русском языке происходит слово *раб*. Оно связано с латинским *orbus* «осиротевший», древнегреческим *ὀρφανός* (*orphanós*) «осиротевший», санскритским *अर्भ* (*ár̥bha*) «маленький; мальчик» и армянским *որբ* (*orb*) «сирота». В немецком существуют также когнаты *Arbeit* «работа» и *Erbe* «наследник». Все эти слова восходят к праиндоевропейскому слову **h₃órbʰos*, для которого предполагают значение «осиротевший».

Есть разные мнения по поводу того, почему значение «осиротевший» вдруг сменилось на «раб». Обычно прибегают к помощи так называемой семантической цепочки (цепочки переходов значений), которая могла бы объяснить развитие нового значения из старого: «осиротевший» > «лишённый куска хлеба» > «готовый на тяжёлую работу» > «раб». Подобными цепочками пользуются этимологи и в других аналогичных случаях.

М.К.

Ловко вышло объяснить необъяснимое! Додумались же! Выходит, семантическое обоснование опирается только на логику? Тогда можно что угодно объяснить.

А.М.

Разумеется, логика тут участвует. Но важнее всего фактический материал: употребление слова в исторических источниках, когнаты со свои-

ми значениями в других языках, аналогичные реконструкции. Если этого нет, то остаётся уповать на логические рассуждения.

Пример со словом **orbъ* довольно сложен и спорен, тут многое нужно пояснять отдельно. Существуют более понятные и очевидные примеры. Например, русское слово *фамилия* в значении «часть личного имени» стало употребляться относительно поздно. Ранним было значение «род, семья», которое мы обнаруживаем также у английского *family*, немецкого *Familie* или французского *famille*. Названные слова в европейских языках происходят от латинского *familia* в значении «челядь», далее от *famulus* «слуга».

Казалось бы, слова похожи, но семантика довольно странная: русское слово *фамилия* в современном значении никак не свяжешь с латинским *famulus*. Однако с опорой на исторические значения и значения когнатов мы можем построить такую семантическую цепочку: «слуга» > «челядь, прислуга по дому» > «домочадцы» > «семья, род» > «часть личного имени, признак принадлежности к определённой семье». Такие переходы значений мы наблюдаем.

М.К.

Да уж. Неожиданные сдвиги в смыслах происходят в языке. На протяжении тысячелетий, наверное, разрывы в семантике просто гигантские.

А.М.

Думаю, ты права. Чем глубже мы копаемся, тем сложнее связать какие-то слова. Но и древнейшие глубинные смыслы иногда удаётся достать или хотя бы пощупать. Например, этимологи нередко связывают слова *муха*, *мышь* и *мох*.

Рассмотрим русское слово *муха*. Ему родственны украинское *муха*, болгарское *муха*, сербохорватское *му̀ха*, чешское *muška*, польское *muska*. Все эти слова восходят через праславянское **tixa* к праиндоевропейскому **tī-*, **tus-* «муха», от которого происходят также древнегреческое *μῦα* (*muía*) «муха», латинское *musca* (французское *mouche*, итальянское и испанское *mosca*), латышское *muša* «муха», древнеармянское *մոն* (*mun*)

«мошка», прагерманское **mugjō*, **mīwō* «мошка» (английское *midge*, немецкое *Mücke*, нидерландское *tug*, шведское *tugga*, исландское *mý*).

Русское слово *мышь*, возникшее из праславянского **mušь*, родственно украинскому *миш*, болгарскому *миш*, сербохорватскому *миш*, чешскому *muš*, польскому *mysz*. Далее праславянское **mušь* восходит к праиндоевропейскому **mūs* «мышь», от которого происходят также древнегреческое *μῦς* (*mûs*) «мышь», латинское *mūs* «мышь», персидское *موش* (*muš*) «мышь», санскритское *मूष* (*mūṣ*) «мышь», древнеармянское *մկնիկ* (*mukn*) «мышь», прагерманское **mūs* «мышь» (английское *mouse*, немецкое *Maus*, шведское *mus*, исландское *mús*).

Связь слов *муха* и *мышь* иногда объясняют с опорой на древнеиндийское *muṣṇāti* «воровать», однако едва ли вороватость названных животных могла иметь решающее значение при их номинации. Скорее, наоборот.

Лингвист О. Н. Трубецкой писал о связи слов *муха*, *мышь* и *мох*, которые, по его мнению, восходят к одному слову со значением «серый». Аналогично в литовском слова *pélkė* «болото» и *pelė* «мышь» имеют единый признак «серый» и связаны с прилагательным *pilkas* «серый». Конечно, эта версия требует отдельных пояснений, но сопоставление по цветообозначению делает версию довольно логичной, тогда как другие версии происхождения этих слов часто просто сложно обосновать семантически.

Подобные примеры, взятые из самого праиндоевропейского языка, говорят о том, что мы ещё мало знаем о глубинной семантике древнейших слов и только начинаем к ней подбираться.

М.К.

Этот случай не единичный? В русском языке ведь есть аналогии, когда название цвета переходит на какое-нибудь животное?

А.М.

А слово *белка* тебе ни о чём не говорит?

М.К.

Ну, оно похоже на слово *белый*. Хотя белок, мне кажется, такого цвета не бывает. Странно как-то.

А.М.

Странно. И всё же слово *белка* связано со словом *белый*. В древнерусском языке существовало слово *въверица* «белка». В летописях встречается сочетание *бѣла въверица* «белая белка». Вероятно, со временем слово *въверица* выпало из сочетания, а слово *бѣла* стало выполнять номинативную функцию всего сочетания и вскоре превратилось в *бѣлка*.

Аналогично, например, возникло слово *столовка* из *столовая*, далее от сочетания *столовая комната*. Этот механизм образования слов применяется в русском языке довольно давно.

М.К.

А почему *бѣла въверица*? Белки имеют тёмный или рыжеватый окрас, но никак не белый.

А.М.

На территории Древней Руси вполне мог существовать ареал, где обитали белки светлого окраса. В словаре П. Я. Черных по этому поводу есть интересное свидетельство из «Журнала» путешественника Н. Рычкова за 1769-1770 годы, где говорится, что «между белками, ловимыми в Камских лесах, изредка попадаются совсем белые, которых ловцы называют князьями беличьего рода».

М.К.

Всегда хотелось узнать, почему слова меняют своё значение или почему некоторые слова закрепляются за тем или иным предметом, а он этому слову не соответствует ни по каким характеристикам. Почему, например, слово *бельё* (подозреваю, что оно тоже связано со словом *белый*) может быть любого цвета, но при этом всё равно называется *бельём*, а не *чёрным*, *синьём*, *зеленьём* или ещё как-нибудь?

А.М.

Но ведь жизнь наша меняется. Сегодня у нас белое бельё, а завтра мы научились его красить. Слово, которое уже закрепилось за какой-то вещью, продолжает использоваться, но мы уже не связываем его со словом, от которого оно происходит. Это называется деэтимологизацией.

Конечно, слово *бельё* мы можем связать со словом *белый*, но только если задумаемся об этой связи. Как правило, люди даже не задумываются. А если задумываются, то называют это в соответствии с доброй греческой традицией катахрезой, то есть ошибочным связыванием слов, буквальные смыслы которых несовместимы. Так, в сочетаниях слов *синие чернила* (где слово *чернила* связано со словом *чёрный*) или *стрелять из пистолета* (где слово *стрелять* связано со словом *стрела*) мы также имеем дело с катахрезой.

Между словами *чернила* и *чёрный*, *стрелять* и *стрела*, *бельё* и *белый*, а также *белка* и *белый* разрыв не такой большой. Чем разрыв больше, тем сложнее связать родственные слова. Например, с тем же словом *белый*, возможно, связано слово *болото* (сравни со старым польским словом *biel* «болото», которое возводят к праславянскому **běľь* «белый»), но до этого вряд ли можно дойти, не прибегая к научной этимологии.

На уровне славянских языков имеются такие интересные слова, которые называются «ложными друзьями переводчика». Это слова, которые похожи и, возможно, даже родственны, но имеют очень разное значение. Например, в русском языке есть слово *гора* и в болгарском есть слово *гора*. Оба слова восходят к праславянскому **gora* и родственны санскритскому *गिरि* (*giri*) со значением «гора». Но болгарское слово *гора* имеет значение «лес». Почему же так?

М.К.

Ты меня спрашиваешь? Я не знаю.

А.М.

А ведь всё очень просто. Болгары живут на Балканах, в гористой местности. Для них покрытые лесом горы – обыденность. Поэтому так и случилось, что праславянское **gora* «гора» в болгарском дало *gora* в значении «лес». Цепочка в этом случае будет следующая: «гора» > «покрытые лесом горы» > «лес».

М.К.

Помнится, ты ещё писал об этимологических тавтологиях. Я запомнила твой пример с сочетанием *солидарность солдатская*. Это тавтология только потому, что слова однокоренные?

А.М.

Да, слова однокоренные, родственные, причём о родстве этом знают преимущественно лингвисты и этимологи, другие люди почти не обращают внимания на похожесть этих слов.

Русское слово *солдат*, а также английское *soldier*, немецкое *Soldat*, нидерландское *soldaat*, шведское *soldat*, французское *soldat*, итальянское, испанское и португальское *soldado* происходят от названия латинской монеты *solidus* «солид», которой оплачивалась служба военных. Название монеты, в свою очередь, связано с латинским прилагательным *solidus* «плотный, твёрдый», от которого (через посредство французского языка) в русском возникли слова *солидарный* и *солидный*. По сути, это дублиеты, но я их иногда называю «этимологическими тавтологиями» (термин мой, но, уверен, его уже не раз употребляли до меня).

Есть также похожее, но немного отличное явление, называемое этимологической фигурой. Это устойчивые сочетания однокоренных слов типа *рассказывать сказку*, *умереть своей смертью*, *словарь иностранных слов* и т. д. Это в некоторой степени тоже тавтология, но особого рода. Тут также не всегда бросаются в глаза родственники. Скажем, слова *смерть* (от праславянского **sъmьrtь*), *умереть* (от **mertī*), а также *мёртвый* (от **mьrtvь*) и *мор* (от **morь*) происходят от одного общего праиндоевропейского корня **mer-* «умирать» (сравни с латинским *morior*, литовским *mir̃ti*,

санскритским मरति (marati) – все в значении «умирать»), но сегодня связь этих слов не все ощущают.

М.К.

В общем, ясно, что значения со временем расходятся. Но ведь они могут обладать и определённой устойчивостью? Отклонения происходят только в некоторых конкретных случаях, тогда как большинство слов, восходящих к определённому корню, сохраняют с ним семантическую связь. Разве я не права?

А.М.

Думаю, да. Если какое-то значение развивается из одного древнего слова, то оно частично или полностью сохраняется в словах, которые от него происходят. Искажения происходят, но не во всей массе когнатов.

Есть у меня один интересный пример. От праиндоевропейского корня **dyew-* «небо» образовано праиндоевропейское существительное **deywós* «бог», от которого происходят латинское *deus* «бог», санскритское देव (devá) «бог, божество», латышское *dievs* «бог» и литовское *diēvas* «бог».

При этом, например, в славянских языках значение несколько изменилось: от праславянского **divъ* происходят старославянское *дивъ*, *диво*, русское *диво*, чешское *div*. Наиболее интересное семантическое изменение произошло с персидским словом دیو (dêv), которое означает «демон». На самом деле, между понятиями «бог» и «демон» грань тонкая. Это сегодня мы привыкли противопоставлять богов демонам по признаку «светлая сила – тёмная сила», а тогда признаки могли быть другими. Всё же пример довольно интересный, он показывает, что из одного слова возникают едва ли не антонимы.

Кстати, интересно, что от **dyew-* «небо» происходит имя бога праиндоевропейцев **Dyēus ph₂ter* «Небо-отец». Отсюда греческое имя бога Ζεύς (Zeús) «Зевс» (*Zeû páter* (Zeû páter)), имя римского бога *Iuppiter* «Юпитер» (в праиталийском – **djous patēr*), санскритское द्यौष्पितृ (dyaus-pitṛ) «Дьяус-питар». От корня **dyew-* происходят также латинское *diēs*

«день», литовское *dienà* «день», санскритское दिन (*dinà*) «день» и русское *день*.

М.К.

Вау, это уже сильно. У праиндоевропейцев и религия была?

А.М.

Разумеется. Было бы странно, если бы у них религии не было. Кое-что о ней, кстати, нам уже известно: имена некоторых богов, их роли. Но мы не будем в это углубляться, это несколько далеко от нашей темы, да и в этом я, честно говоря, не очень хорошо разбираюсь. Можешь найти статью «Индоевропейская мифология» из энциклопедии «Мифы народов мира», написанную Вяч. В. Ивановым и его коллегой В. Н. Топоровым. Там очень коротко, но интересно написано о религии праиндоевропейцев и их богах.

М.К.

А часто бывает такое, что слово меняет значение на совершенно противоположное?

А.М.

Тут не всегда уместно говорить только о замене значений. Вот мы уже говорили о том, что болгарское слово *гора* имеет значение «лес», хотя праславянское **gora* уже означало «гора». Это случай, когда слово просто сменило своё значение.

Но бывает и так, что, скажем, имелось некоторое слово в древности, из которого возникли слова с противоположными значениями, отличными от первичного. Ну, например, в русском есть слово *урод*, которое у нас явно вызывает не самые лучшие ассоциации. Но вот в польском языке слово *uroda*, которое родственно русскому слову, имеет значение «красота». Оба слова вообще связаны со словом *род*. Русское слово *чёрствый* как-то не очень хорошо соотносится с чешским *čerstvý* «свежий». Всё же слова эти родственны, они имеют один корень, который в силу разных причин в схожих производных словах дал противоположные смыслы. Бывает такое

довольно часто, существуют даже списки таких «ложных друзей переводчика».

М.К.

А заимствование из языка в язык влияет как-то на смыслы?

А.М.

Ещё как влияет. Слова часто характеризуются многозначностью, или полисемией (как правило, однозначны лишь термины). При заимствовании какого-то одного слова в другой язык круг его значений сужается.

Например, в русском языке есть слово *абзац*, заимствованное из немецкого *Absatz*. Немецкое слово при этом имеет значения «сбыт», «раздел», «ступень», «каблук», «абзац (часть текста и начало этой части с красной строки)». Русское слово заимствовало только одно значение – последнее. Выходит, остальные значения при заимствовании просто затерялись. Если бы немецкое слово *Absatz* исчезло, причём не осталось бы производных от него, то всех значений на основе русского слова *абзац* мы бы не смогли восстановить.

Иногда смысл заимствованного слова также может меняться едва ли не на противоположный. Скажем, слово *сарай* в русском языке через тюркское посредство (в турецком – *saray*) пришло из персидского, причем персидское слово *سرای* (*sarây*) имеет значение «дворец». Вещи абсолютно разные, но семантическая категория одна – «помещение». Подобных примеров довольно много.

М.К.

А бывает так, что значение какого-то слова в одном языке влияет на значение аналогичного слова в другом? Я слышала, что выражение *взять такси* возникло под влиянием английского выражения *get a taxi*, которое дословно так и переводится. То есть, получается, слово *взять* приобрело добавочный смысл «вызвать».

А.М.

Да, такие случаи бывают. Это так называемые фразеологические кальки. Выражение *взять такси* возникло под влиянием французского *prendre un taxi*. Вероятно, английское аналогичное выражение, а также немецкое *ein Taxi nehmen* возникли под влиянием французского.

В случае со словами всё так же. Когда какое-то слово, уже существующее в языке, принимает дополнительное значение, позаимствованное у аналогичного слова из другого языка, то такое заимствование следует называть семантической калькой. Скажем, слово *трогать* в русском языке означает «прикасаться к чему-либо», а также «эмоционально воздействовать». С последним значением связано слово *трогательный*, возникшее в русском языке лишь в XVIII-XIX вв. Это значение перешло от французского глагола *toucher* «трогать», который уже давно обладал таким значением (сравни с французским *touchant* «трогательный»).

М.К.

А не могли эти значения развиваться в русском языке независимо? Было бы странно, что русское слово *трогать* просто так переняло какое-то чужое значение. Мне кажется, оно могло его и само развить. В английском слово *touching* «трогательный» разве не само по себе возникло?

А.М.

Это не тот случай. Слово *трогательный* и новое значение глагола *трогать* возникли в русском как раз во время активного калькирования из французского, в эпоху, когда зарождался сентиментализм Н. М. Карамзина. Если я не ошибаюсь, как раз он и придумал слово *трогательный*. Что касается английского слова *touching* «трогательный», то оно происходит от глагола *touch* «трогать», который сам заимствован из французского *toucher*. Значение «эмоционально воздействовать» у английского глагола *touch* при этом отмечается уже с XIV века.

Всё же есть примеры, которые заставляют поверить в универсальность некоторых смыслов. Например, в русском есть глагол *понимать*, в котором мы обнаруживаем тот же корень, что в словах *отнимать*, *принимать* (близко по смыслу к глаголу *брать*). Очевидно, что схожей семанти-

кой обладают французское *comprendre* «понимать» (сравни с *prendre* «брать»), итальянское *comprendere* «понимать» (*prendere* «брать»), испанское *comprender* «понимать» (*prender* «собрать; схватить») – все от латинского *comprehendō* «понимать», далее от *com-* «с-» и *prehendō* «брать, хватать». Та же семантика у итальянского *capire* «понимать» и немецкого *kapieren* «понимать», которые происходят от латинского *capiō* «брать». Немецкое слово *begreifen* «понимать, соображать» состоит из приставки *be-* и глагола *greifen* «хватать». Греческое *καταλαβαίνω* (*katalavainō*) «понимать» восходит к древнегреческому слову *λαμβάνω* (*lambánō*) «брать». Болгарское *разбирам* «понимать» явно имеет тот же корень, что и русское слово *брат*. Я думаю, не стоит продолжать этот ряд, и так видно, что во многих европейских языках значение «понимать» связано со значением «брать». При этом никакого влияния я тут не усматриваю. Скорее всего, сам процесс понимания у носителей различных языков ассоциируется с процессом взятия: «понимаю» – значит «беру, принимаю какие-то сведения».

Интересен пример с латинским словом *testa* «горшок; черепица», от которого происходят французское *tête* «голова», итальянское *testa* «голова», испанское *testa* «голова». Очевидно, значение сдвинулось в вульгарной латыни и затем закрепилось за названными романскими словами, которые потеснили по праву претендующие на то же значение ответвления от латинского *caput* «голова» (французское *chef* «глава, начальник», итальянское *capo* «голова; глава, начальник», испанское *cabo* «конец; мыс; ефрейтор», *cabeza* «голова»). У немцев в значении «голова» используется слово *Kopf*, которое восходит к латинскому *cūpa* «бочка, кадка» и родственно английскому *cup* «чашка» (исконным в значении «голова» является слово *Haupt*, которое сегодня означает «глава, начальник»). Аналогичным образом, скажем, и мы в шутку называем голову *котелком*. Правда, у нас дальше шутки дело не пошло, а в романских языках и немецком голову серьёзно (хотя уже и неосознанно) называют «горшком» или «чашей».

М.К.

Весело быть этимологом – такого насмотришься.

А.М.

И не говори. Странных этимологий очень много.

М.К.

И какие же этимологии самые странные?

А.М.

Даже не знаю, много таких видел. Но из всех, наверное, одной из наиболее запоминающихся была этимология слова *слон*. На основе украинского *слон*, болгарского *слон*, сербохорватского *сло̀н*, словенского *slon*, чешского *slon*, словацкого *slon* и польского *ślón* была реконструирована праславянская форма **slonъ*. Различными исследователями предлагались самые разные версии происхождения этого праславянского слова (в других индоевропейских языках аналогов не обнаруживается), но из них лишь одну считают наиболее достоверной. Согласно этой «достоверной» версии, **slonъ* происходит от тюркского слова *aslan* (также *arslan*) в значении «лев». Как слово со значением «лев» могло дать на славянской почве слово со значением «слон»? Чем эти животные могут быть похожи вообще?

М.К.

У меня нет предположений на этот счёт. Это абсолютно разные животные, я даже не представляю, как их можно связать.

А.М.

В том-то и дело. Насколько неразборчивыми же были славяне, что спутали льва и слона?! Вопрос риторический.

Всё же тюркская версия на сегодняшний день считается наиболее популярной. Фонетически возможно, чтобы от *aslan* произошло что-то наподобие праславянского **slonъ* (так же, например, предполагают, что слово *лошадь* происходит от тюркского *alaša at* «маленькая лошадь»). Всё же семантически эта версия очень странная.

Существует, однако, и другая версия, согласно которой слово *слон* связано с праславянским возвратным глаголом **sloniti se* «прислоняться». Объясняют такое сопоставление тем, что якобы слон прислоняется к какому-нибудь дереву, когда отдыхает. Звучит такая версия правдоподобнее (только семантически), но нет никаких фактов, которые бы это подтверждали. Такая версия больше напоминает красивый миф, поэтому её обычно упоминают вскользь, не придавая ей особого значения.

М.К.

А в результате, быть может, выяснится, что последняя версия окажется верной. Я просто в этом уверена.

А.М.

Кто его знает. Я лично никакой версии не придерживаюсь. Тюркская версия мне просто кажется странной, но я её не отвергаю. Вторая версия просто никак не обосновывается, ей верить тоже не следует.

Есть, кстати, один похожий случай, касающийся слова *верблюд*. Это слово в ряде славянских языков имеет совсем иное происхождение, но есть всё же слова, родственные нашему слову: украинское *верблюд*, белорусское *вярблюд*, чешское *velbloud*, словенское *velblod* и польское *wielbłąd*. В древнерусском отмечались формы *вельблудъ*, *вельбудъ*, в старославянском – *вельбждъ*, *вельблждъ*. Для праславянского языка реконструируют слово **velbbqđъ*, которое, как принято считать, заимствовано из готского *ulbandus* «верблюд». Казалось бы, всё ровно да гладко, да только готское слово *ulbandus* происходит от греческого *ἐλέφας* (*eléphas*) (в родительном падеже – *ἐλέφαντος* (*eléphantos*)) в значении «слон» (сравни с английским *elephant* «слово», немецким *Elefant* «слон», французским *éléphant* «слон»).

Почему в готском слово *ulbandus* изменило значение, объяснить ещё можно. Вероятно, это связано с тем, что верблюды и слоны выполняли функцию тяжеловозов, и по этому признаку произошло отождествление. В случае с праславянским словом **slonъ* подобный аргумент сложно привести.

М.К.

О, непредсказуемая семантика! Тем она и интересна.

А.М.

Да, семантика – довольно интересная область как раз потому, что она непредсказуема. Слова могут изменять свои значения очень сильно, так что даже опытные этимологи иногда теряются, когда сталкиваются с такими явлениями.

М.К.

Мне всё же кажется, что версия со **sloniti se* для слова *слон* не такая уж бестолковая. Ведь есть такие названия животных, которые возникли из-за каких-то характерных особенностей их поведения или жизни. Например, слово *медведь* – «ведает, где лежит мёд», а *ленивец* – «ленивый». Почему бы тогда и слону не называться так из-за его привычки прислоняться к деревьям?

А.М.

А ты видела, как слоны прислоняются к деревьям?

М.К.

Нет. Но, наверное, они так делают, раз такая версия возникла. А разве нет?

А.М.

Я читал, что слонята прислоняются к ногам матери, когда устают. Про взрослых слонов, увы, знаю не так много, чтобы что-то утверждать. Вообще же в этимологии важно знать наверняка характеристики объекта, который обозначается тем или иным словом.

Кстати, слово *медведь* означает не «ведающий, где мёд», а «поедатель мёда». Праславянское слово **medvědь*, откуда происходят также украинское *ведмідь* (с метатезой), старославянское *медвѣдь*, сербохорватское *мѣдвед*, чешское *medvěd*, *nedvěd*, польское *niedźwiedź* (в формах с

начальным *n* произошла так называемая дистактная ассимиляция; в старопольском существовала форма *miedźwiedź*), в раннем праславянском, скорее всего, выглядело как **meduēdis*, где первая часть происходит от праиндоевропейского слова **médu* «мёд», вторая – от корня **h₁ed-* «есть».

Слово *медведь* – это к тому же эвфемизм. Мы, вообще говоря, не знаем, как звучало реальное название этого животного у праславян. В других индоевропейских языках используются совершенно другие названия: латинское *ursus*, древнегреческое *ἄρκτος* (*árktos*), санскритское *ऋक्ष* (*ṛkṣa*), персидское *خرس* (*xirs*), армянское *արջ* (*arj*), валлийское *arth* – все происходят от праиндоевропейского **h₂ṛtkos*. Вероятно, в праславянском также существовало подобное слово, но его заменили на **medvěď*.

М.К.

А что такое эвфемизм вообще? И почему вдруг славяне решили заменить одно слово на другое? Оно им чем-то не нравилось что ли?

А.М.

Мы иногда избегаем употребления каких-то слов. Скажем, если нам неудобно произносить словосочетание *женская грудь*, то мы скажем *бюст*. Некоторые женщины стесняются слова *муж*, поэтому говорят просто – *мой*. Такие слова-заменители называются эвфемизмами. Когда целое общество начинает избегать употребления определённых слов (из религиозных соображений, из-за страха, стыда и т. д.), то это уже называется табу.

В славянских языках под табу попал не только мишка, но и, например, змея. От праславянского **zъja* происходят украинское *змія*, болгарское *змия*, сербохорватское *змија*, чешское *zmije*, польское *żmija*. Само праславянское **zъja* связано со словом **zemja* «земля», то есть змея – это «земной гад». Аналогично албанское слово *vemje* «гусеница», восходящее к ранней форме *dhemje*, связано со словом *dhe* «земля». В других языках свои названия: латинское *anguis* и *serpens*, древнегреческое *ἑρπετόν* (*herpetón*), санскритское *सर्प* (*sarpá*), *नाग* (*nāga*), древнеармянское *աղ* (*awj*), литовское *angis* (того же корня праславянское **qъь*, русское *уж*).

М.К.

Не знаю даже, как выразить своё удивление. Мне кажется, мне спокойнее бы спалось, если бы я всего этого никогда и не узнала. Но теперь, по всей видимости, о спокойном сне мне придётся забыть.

А.М.

Почему это?

М.К.

Ты хоть представляешь, какие миры я сейчас себе открываю?! Если бы меня ещё полгода назад кто-нибудь спросил, откуда взялось слово *слон*, я бы мозг себе сломала. Теперь я точно знаю всё!

А.М.

Скажи тогда, всезнайка, откуда взялось слово *корица*?

М.К.

Ха-ха! Подловил! Не знаю. От слова *кора*, наверное?

А.М.

Это любой первоклашка угадать бы смог!

М.К.

Ага, просто признай, что я самая умная журналистка-этимолог в мире. У меня есть дар.

А.М.

Как знаешь...

Глава 7. Ещё немного этимологии

А.М.

Вот мы, собственно говоря, и рассмотрели все основные темы, которые планировали рассмотреть. Не знаю, что ещё и добавить.

М.К.

Ты, кажется, говорил, что есть ещё целая куча второстепенных тем, которые могут быть интересны. Что это за темы?

А.М.

Я бы не стал говорить, что они второстепенные. Эти темы важны и интересны, но в рамках нашей беседы ими можно было бы пренебречь.

М.К.

И всё же...

А.М.

И всё же можно рассмотреть некоторые вопросы. Мы почти не затрагивали антропониимику (изучает имена людей) и топонимику (изучает географические названия). Также мы не говорили о роли диалектов в этимологии. Мы не затрагивали тему словообразования, аналогии в этимологических исследованиях, не говорили о самих этимологах. У нас бы ушло очень много времени на то, чтобы рассмотреть всё это по пунктам. Если у тебя есть конкретные вопросы к этим темам, то задавай. Вкратце расскажу.

М.К.

Кое-что из этого, я думаю, стоит рассмотреть. Мне, например, очень интересна тема имён. Я знаю, что каждое имя имеет своё этимологическое значение. Например, имя *Марина* означает «морская». Об этом я прочитала в каком-то справочнике имён. Но хотелось бы удостовериться в очередной раз, так ли это.

А.М.

Да, имена людей происходят от самых обычных слов. Имя *Марина* – женский вариант римского имени *Марин*, которое происходит от латинского *marīnus* «морской», далее от *mare* «море».

М.К.

А твоё имя что значит?

А.М.

Имя *Александр* – от древнегреческого *Ἀλέξανδρος* (Aléksandros), что можно перевести как «защитник людей». В составе этого имени хорошо выделяются греческие слова *ἀλέξω* (aléksō) «защищать» и *ἄνθρωπος* (anḗr) «человек» (в самом имени присутствует форма родительного падежа *ἀνδρός* (andrós)).

М.К.

А какие у нас в основном имена? Латинские, греческие, славянские? Можешь рассказать об истории имени в русском языке?

А.М.

Разные у нас имена. Бóльшая часть имён относится к календарным, то есть к тем, что давались до начала XX века по православному церковному календарю. Некоторая часть имён идёт из древнерусской эпохи, некоторые имена являются совсем новыми, появившимися буквально на наших глазах.

В дохристианскую эпоху использовались прозвища, которые полностью выполняли функцию имени. В среде обычных людей использовались имена вроде *Голова*, *Кошка*, *Малюта*, *Мороз*, *Черняй*, *Забава*, *Любава* и т. д. После X века они стали постепенно вытесняться христианскими именами, но многие из них впоследствии стали основой для образования фамилий. У людей, принадлежащих к княжескому роду или знати, были, как правило, двухосновные имена вроде *Владимир*, *Всеволод*, *Вячеслав*, *Свя-*

тослав, Ярослав и т. д. Некоторые из них вошли в именослов, поэтому употребляются по сей день.

В древнерусскую эпоху также существовали заимствованные имена *Олег, Игорь, Ольга* и др. Имена *Олег* (в древнерусском – *Ольгъ*) и *Ольга* восходят к древнескандинавским именам *Helgi* и *Helga*, образованным от древнескандинавского слова *heilagr* «святой» (от общего прагерманского корня происходят английское *holy* «святой» и немецкое *heilig* «святой»). Имя *Игорь* некоторое время сосуществовало с именем *Ин(ъ)гварь*, которое имеет то же происхождение. Оба имени восходят к древнескандинавскому *Yngvarr*, от имени бога плодородия *Yngvi* «Ингви».

Христианские имена, которые давались по церковным календарям, обычно имеют греческое (*Александр, Андрей, Пётр, Филипп, Анастасия, Варвара*), латинское (*Валерий, Максим, Павел, Роман, Валентина*) или древнееврейское происхождение (*Иоанн, Михаил, Анна, Мария*).

Многие из этих имён приживались долго, со временем искажались. Обычным людям эти имена были непонятны. Скажем, никто из простолюдинов мог понять смысл имени *Михаил*, поскольку на Руси древнееврейский никогда не был в ходу. Имена *Кошка, Мороз, Черный* понимали хорошо, соотнося их с русскими словами *кошка, мороз* и *чёрный*. Но как быть с именем *Михаил*?

М.К.

Ты меня спрашиваешь? Мне-то откуда знать?!

А.М.

Этой реакции я и ожидал. Имя *Михаил* происходит из греческого *Μιχαήλ* (Michaíl), а далее от древнееврейского מִיכָאֵל (mikha'él), которое складывается на три части: מִ (mí) «кто», כָּ (ka-) «подобен» и אֵל (él) «Бог». Таким образом, имя *Михаил* следует переводить как «кто подобен Богу».

М.К.

Но ведь некоторые имена довольно легко понять. Например, имя *Роман*, мне кажется, происходит от латинского названия города Рима – *Rōma*. Или я не угадала?

А.М.

Угадала. Имя *Роман* происходит от латинского *rōmānus* «римский», а далее от названия города *Rōma*. Мы-то ещё можем об этом догадаться, а вот какой-нибудь крестьянин, пахущий землю и не знающий, что находится за пределами его маленькой деревни, вряд ли будет производить такие сравнения.

М.К.

Мы люди образованные, знаем города. К тому же название города Рима в русском языке несколько отличается от латинского названия.

Вот ты сказал, что имена искажались. Как это?

А.М.

Сама ответь. Какова разница между именами *Михаил* и *Миша*?

М.К.

Ну, я думаю, имя *Миша* является уменьшительной формой от *Михаил*. Разве она возникла в русском?

А.М.

Разумеется, она возникла в русском. Также в русском возникло имя *Михайло*. Вот так мы и приспособливаем имена, делаем их более русскими, так сказать.

Многие имена изменялись по похожим схемам. Например, в именах *Иоанн*, *Феодор*, *Даниил* присутствуют сочетания гласных (зияния). В русском языке эти сочетания были устранены (*Иван*, *Фёдор*, *Данил*). В именах *Екатерина*, *Елизавета*, *Анастасия* со временем исчезал начальный гласный, и в результате получились имена *Катерина* (*Катя*), *Лизавета* (*Лиза*),

Настасья (Настя). Некоторые имена вообще изменились так, что их не узнать. Например, имя *Елена* превратилось в самостоятельное имя *Алёна (Олёна)*, имя *Ирина* превратилось в *Арина (Орина)*. Сегодня уже далеко не все могут сказать, что они одного происхождения.

М.К.

Так что же дальше было с именами? Я так поняла, христианские имена вытеснили древнерусские, а те стали фамилиями. И всё? Разве не было новых имён?

А.М.

Были, ещё как были. После Петра I при дворе появились всякие *Мари, Пьеры, Сержи, Жоржи* – всё это наши *Марии, Петры, Сергеи* и *Георгии*. Просто модно было в светском обществе величать друг друга на иностранный манер. Многие имена уже в XX веке заимствовались под влиянием западноевропейской литературы. Отсюда имена *Альфред, Артур, Эдуард, Ада, Алиса, Анжелика, Жанна, Нелли, Эмма* и т. д.

В советский период создавалось много имён-неологизмов, некоторые из которых сегодня могут просто шокировать: *Авангард, Энергий, Георгина, Идея, Ноябрьна, Правдина, Радиана, Тайна* и т. д. Меня всегда поражало имя *Нинель* – это обратное прочтение фамилии *Ленин*.

М.К.

А происходили ли какие-то слова от имён? Я вот знаю слова *объегорить* и *подкузьмить*, которые явно происходят от имён (*Егор, Кузьма*), но эти случаи довольно просто опознать. Также мне известно, что с именем Юлия Цезаря связано название месяца *июнь*. Я просто уверена, что существует ещё целая куча слов со своими значениями, которые восходят к какому-нибудь имени.

А.М.

Слова *объегорить* и *подкузьмить* довольно интересные. Я их как-то давно вычитал в учебнике «Введение в языковедение» А. А. Реформатско-

го и долго не мог поверить, что они существуют. В словаре Фасмера даётся объяснение для обоих слов.

Слово *объегорить* связано с днём памяти святого Георгия (Егор, Юрий), когда истекали сроки сельскохозяйственных повинностей, то есть слово изначально означало «обмануть к Юрьеву дню». Слово *объегорить*, в свою очередь, связано с днём святых Козьмы и Демьяна, который считался днём окончания сельскохозяйственных сделок, и означало «расстроить надежды, связанные с Кузьминым днём».

Не только слово *июнь* связано с именем. Название месяца *август* связано с именем императора Октавиана Августа. Название месяца *январь* связано с именем бога Януса, название месяца *март* – с именем Марса. В европейских языках ты можешь встретить названия дней недели, которые происходят от имён различных богов.

Названия некоторых изобретений также нередко образуются от имени. Например, названия оружия *наган*, *кольт*, *винчестер* происходят от фамилий тех людей, которые их изобретали или развивали (С. Кольт, братья Наганы, О. Винчестер). Названия таких единиц измерения как *ом*, *ампер*, *ньютон*, *фарад*, *вольт* и т. д. происходят от фамилий известных физиков (Г. Ом, А. Ампер, И. Ньютон, М. Фарадей, А. Вольты). Это всё рядовые случаи.

Более интересными, как мне кажется, являются те слова, которые происходят от имён, но их связь с именем уже стёрлась из нашей памяти. С именем Юлия Цезаря связано русское слово *царь*. Латинское *Caesar* было заимствовано готами и адаптировано в готском языке в виде *kaisar* (сравни со словом *кайзер* из немецкого). Далее оно пришло в праславянский и приняло вид **cěsarjь*. От последнего происходят русское *царь*, старославянское *цѣсарь*, сербохорватское *цѣсарь*, чешское *císař* и польское *cesarz*. От греческой передачи имени *Καῖσαρ* (Kaîsar) происходит также слово *кесарь*. Так Цезарь и наплодил слов.

Также известно, что с именем Карла Великого связано русское слово *король*. Германское имя *Karl* было адаптировано славянами в виде **korljь*, а далее в результате уже известного тебе фонетического изменения, называемого метатезой плавных, возникли столь различные формы в современ-

ных славянских языках: русское *король*, украинское *король*, болгарское *крал*, сербохорватское *краљ*, словенское *králj*, чешское *král*, словацкое *kráľ*, польское *król*.

Вот тебе вполне конкретные примеры того, как имена людей могут стать словами. И семантика часто остаётся понятной. Тут так и напрашивается пример со словом *бойкот*. Я как-то описывал его историю. Ты ведь читала?

М.К.

Нет, не помню. Поведай-ка.

А.М.

Английское *boycott* возникло в 1880 году от фамилии английского управляющего Чарльза Бойкотта, который нанимал рабочих для своего хозяина в Ирландии. В злополучном для него 1880 году в Ирландии проходила крупная забастовка рабочих, против которой выступил Бойкотт. Земельная Лига Ирландии тут же призвала всех местных жителей игнорировать Бойкотта, не обслуживать его в магазинах, не разговаривать на улицах, даже не садиться рядом в церкви. Этот случай быстро стал известен в британской прессе и приобрёл гигантский резонанс в английском и ирландском обществе, а фамилия Бойкотта вдруг стала именем нарицательным.

М.К.

Бедняжка Чарльз. Стал знаменитостью себе во вред. Кстати, интересен случай ещё и тем, что появление слова связано с конкретной датой. Обычно ты дат не приводил.

А.М.

На самом деле многие новые слова прекрасно датируются. Я думаю, ни у кого не возникнет сомнений в том, что русское слово *айфон*, а также армянское *ափոն* (ayfon), хиндустанское *आइफोन* (āifon), арабское *أي فون* ('āy fūn), грузинское *აიფონი* (air'oni), корейское *아이폰* (airon), японское

アイフォン (aifon), китайское 愛瘋/爱疯 (àifēng) и многие другие слова с тем же значением возникли лишь после 2007 года, так как именно тогда компания Apple стала производить эти устройства. То же можно сказать о многих словах, возникших в XX-XXI веках, включая названия новых изобретений, технологий, брендов. Сюда же можно отнести многие неологизмы советской эпохи.

Слова, которые возникали до XX столетия, датируются хуже, если где-то в источниках не указываются точные даты появления слова. Например, слово *орангутан* (через французский или английский пришло из малайского, *orang* «человек» и *hutan* «лес») в современном виде фиксируется с 1835 года в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом». В учебнике естественной истории А. Л. Ловецкого, который вышел на десять лет раньше романа Лажечникова, эти животные названы *орангами*, а в оде Г. Р. Державина «На Счастье» (1789) присутствует слово *урангаи*. Не совсем ясно, какую дату считать основной.

Кроме того, тот год, когда слово появилось в каком-то источнике, не обязательно является датой появления слова в языке, ведь оно могло существовать и раньше, только в устной речи. Всё же анализ текстов позволяет хотя бы приблизительно узнать, когда слово употреблялось наиболее часто, когда оно стало использоваться в науке или литературе. Работа по поиску источников сегодня не такая уж и сложная, какой она была ещё несколько десятилетий назад, так как на радость филологам и лингвистам в 2004 году был открыт крупный Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), в котором можно найти любое интересующее слово и отследить, в каких произведениях и когда оно употреблялось впервые.

М.К.

Давай рассмотрим ещё словообразование. Насколько я знаю, этот раздел лингвистики занимается словами с точки зрения их структуры, а не происхождения или значения. Какую роль словообразование может играть в этимологии?

А.М.

Словообразование играет очень большую роль. Когда этимолог исследует историю какого-либо слова и доказывает некоторую версию его происхождения, он нередко прибегает к словообразованию. Это не менее важный пункт в этимологии, чем, например, фонетика или семантика.

Слова языка состоят из отдельных частей – морфем. Так, слово *заработок* состоит из трёх морфем: приставки (префикса) *за-*, корня (основы) *работ-* и суффикса *-ок*. Разложив это слово на части, мы можем увидеть, что оно связано с такими словами, как *работа*, *рабочий*, *работяга*, *подработка*, *заработать*, *выработать* и т. д. Мы это хорошо понимаем, так как данный пример относится к современному русскому языку. Когда речь заходит о словах древних, утративших многие связи с другими словами внутри языка (или иногда даже за его пределами), неясных с точки зрения своей структуры, словообразование становится спасательным кругом.

Мне вспомнился один довольно интересный пример из книги Ю. В. Откупщикова «К истокам слова». В начале главы о словообразовании в этой книге приводится пример со словом *каракатица*. Определить его этимологию с опорой на известные нам слова сложно, поэтому мы должны выяснить, из каких частей оно состоит.

Для начала следует учесть, что исторически слово *каракатица* происходит от формы *корокатица* (как *каравай* происходит от *коровай*). Современная форма этого слова акающая. Далее мы без труда можем выделить в этом слове суффикс *-иц-а* (как в словах *девица*, *лужица*, *курица* и т. д.). В итоге получаем неясную на первый взгляд форму прилагательного **короката* (в мужском роде – **корокатъ*). В данном слове мы обнаруживаем ещё один формант *-ат-ъ* (как в словах *полосатъ* «имеющий много полос», *волосатъ* «имеющий много волос» и т. д.). Таким образом, слово **короката* должно означать «имеющая много корок». На этом оканчивается словообразование.

Далее идёт фонетический и семантический анализ. Здесь слово **корокъ* нам ничего не говорит, однако мы уже знаем, что русские полногласные формы типа *-оро-* имеют в южнославянских языках соответствия *-ра-*. В болгарском языке мы обнаруживаем слово *крак* «нога», в сербохо-

рватском – *кра̑к* «продолговатая часть, ответвление, длинная нога», *кра̑кат* «длинноногий», которые вместе с русской полногласной формой **корокъ* восходят к праславянскому **korkъ*. Таким образом, с опорой на словообразование, фонетику и семантику мы установили, что слово *каракатица* означает «многоногая».

В дополнение к приведённому выше примеру можно указать на диалектные славянские слова: украинское *каракати* «кривоногий», македонское *крак* «нога» (в литературном македонском это слово означает «ответвление, отросток, ветка»). Собственно, этим и полезны некоторые диалекты – они дополняют общую картину, поскольку в них порой сохраняются исчезнувшие из литературного языка слова и их значения.

М.К.

Очень интересный пример. А украинское слово *крок* «шаг» не отсюда ли?

А.М.

Да, оно тоже с рассмотренными выше словами. Но такая метатеза без удлинения гласного была характерна для польского. Польское слово *krok* «шаг» было заимствовано в украинский.

М.К.

А на уровне праиндоевропейского языка можно обнаружить деление слова на морфемы? Вообще на такой глубине словообразовательный анализ проводится?

А.М.

Конечно, можно проводить словообразовательный анализ и на праиндоевропейском уровне. Слова праиндоевропейского языка часто образовывались при помощи суффиксов и внутренних чередований, поэтому при анализе лексики этимологи обращают внимание на структуру слова.

Как ты уже знаешь, для праиндоевропейского языка реконструируют корни. Например, корень **ǵenh₁-* означает «рождать». От него происходят

латинское *germen* «росток; зародыш, плод» и санскритское जनिमन् (*jāniman*) «поколение; рождение; происхождение». Но если мы соотнесём эти слова с корнем, то обнаружим, что и в латыни, и в санскрите слишком много лишних букв. Объясняется наличие латинского *-men* и санскритского -मन् (*-man*) тем, что к праиндоевропейскому корню **génh₁-* был присоединён суффикс существительных **-m̥n̥*. Таким образом, для этих слов следует реконструировать форму **génh₁m̥n̥*. От того же корня происходят латинское *genus* «происхождение», санскритское जनस् (*jānas*) «род» и древнегреческое γένος (*génos*) «рождение, происхождение; род; отпрыск», у которых, очевидно, был иной суффикс существительных — **-os*. Таким образом, на основе этих слов следует реконструировать праиндоевропейское слово **génh₁os*. Таких слов от того же корня можно в разных языках обнаружить великое множество, и для каждой такой группы слов реконструируются свои слова в праиндоевропейском.

Со временем многие индоевропейские слова как-то изменяются. Иногда словообразовательные элементы просто выпадают из слов, что затемняет этимологию. Например, в русском слове *луна* мы привыкли выделять корень *лун-* и окончание *-а* (это видно при склонении: *лу́ны*, *луны́*, *лун*, *лунé*, *лу́нам* и т. д.). В латинском слове *lūna* «луна» также выделяется корень *lūn-* и окончание *-a* (*lūnae*, *lūnae*, *lūnārum*, *lūnae*, *lūnīs* и т. д.). Но оба слова восходят к одному праиндоевропейскому слову **lowksneh₂*, восходящему к корню **lewk-* «светить». Согласный корня **k* и формант **-s* просто со временем исчезли, хотя *s* можно обнаружить в старой латинской форме *losna* «луна».

Когда мы касались истории этимологии, я говорил, что латинское слово *lūna* связано с глаголом *lūceō* «светить» (от **lowkeyo-*), также оно связано со словами *lūx* «свет» (от **lewks*), *lūmen* «свет» (**léwksm̥n̥*), *lūcus* «священная роща» (от **lówkos*). Выйдя за пределы латинского языка, обнаружим ещё немало родственных слов, где корневой согласный *k* присутствует: древнегреческое λευκός (*leukós*) «светлый, яркий», литовское *laukas* «поле», санскритское लोक (*loka*) «открытое пространство». Таким образом,

в праиндоевропейском корень **lewk-* (с чередованием *e/o*) в словах *луна* и *lūna* действительно имел суффиксы **-s* и **-neh₂*.

М.К.

Это означает, что нужно делить русское слово *луна* на корень *лу-* и суффикс *-на*?

А.М.

Это только в диахронии, если смотреть на это слово под углом его истории. В современном русском языке древний суффикс стал частью корня, поэтому пытаться как-то переосмысливать это слово не нужно.

В русском есть и другие слова, в которых «морфемные швы» сдвинулись. Многие из них вошли в язык намного позднее. Например, слово *зонтик* сегодня мы раскладываем на *зонт* и суффикс *-ик*, хотя исторически всё слово является двухосновным. Оно происходит от нидерландского *zondek* (*zonnedek*) «навес от солнца», сложенного из слов *zon* «солнце» и *dek* «навес». То есть слово *зонт* было создано искусственно в результате отождествления слова *зонтик* с другими существительными с уменьшительным суффиксом *-ик* (сравни *торт* и *тортик*, *борт* и *бортик*, *брат* и *братик*).

М.К.

Я заметила такую интересную закономерность: чем древнее слова, тем они длиннее. Это видно из того, что ты сказал только что, и из того, что ты говорил до этого. Ты говорил, что наше местоимение *я* раньше произносилось как *язъ*, а ещё раньше – как **éǵ(h₂)*, **eǵHót* или **eǵóh₂*; слово *язык* у славян звучало как **jęзыкъ*, а у праиндоевропейцев – как **d̥ǵʰwéh₂s*. В самом начале ещё ты говорил, что слово *волк* происходит от древнего слова **wĺkʷos*, а *снег* – от **snóyǵʰos*. Последнее слово и вовсе в два раза длиннее современного. Выходит, что все слова со временем неумолимо сокращаются? Или моё наблюдение ошибочно?

А.М.

А ты внимательная. Должен сказать, что твоё наблюдение в целом верно. Слова языка со временем, как правило, сокращаются. Причём это характерно для многих языков.

В русском языке редукция происходила очень медленно, поэтому мы ещё можем узнать в праславянских словах **blъxa*, **golqъbъ*, **ključъ*, **lъgъkъ*, **měsєcъ*, **ognjъ*, **rěka*, **soldъkъ*, **vъdova* русские слова *блоха*, *голубь*, *ключ*, *лёгкий* (*лёгок*), *месяц*, *огонь*, *река*, *сладкий* (*сладок*), *вдова*. Можешь видеть, что почти все слова такие же длинные, как и их предки, а некоторые даже длиннее. Всё же большинство праславянских слов имеет большее количество слогов, чем их русские соответствия.

Совершенно иначе дело обстоит во французском. Этот язык — рекордсмен по сокращению слов. Даже орфография не поспевает за реальным произношением. Например, от латинского *augustus* [au'gustus] «август» через какую-то тысячу лет во французском сохранилось лишь *août*, которое в написании в два раза короче, а произносится и вовсе как [u]. Таким образом, из восьми фонем латинского слова во французском осталось лишь одна! Есть и менее вопиющие примеры: латинское *calidus* ['kalidus] «горячий» превратилось во французское *chaud* [ʃo], *magister* [ma'gister] «начальник; учитель» превратилось в *maître* [mɛtr], *campus* ['kampus] «поле» превратилось в *champ* [ʃɑ̃]. Почти все французские слова уменьшились в два раза (в ряде случаев даже сильнее).

Сильно сократились слова в английском языке, который за тысячу лет утратил не только свою сложную грамматику, но и значительную часть многосложных слов. Например, древнеанглийское *lōcian* «видеть; смотреть» превратилось в современное *look* [lʊk] «смотреть», *scēawian* «смотреть, обозревать» превратилось в *show* [ʃəʊ] «показывать», *cnāwan* «знать» превратилось в *know* [nəʊ], *slāpan* «спать» превратилось в *sleep* [sli:p] и т. д. Причём это сокращение привело к тому, что части речи просто стало невозможно различить. Слово *sleep* в современном английском означает не только «спать», но и «сон», а в древнеанглийском существовали два разных слова с одним корнем (*slāpan* и *slāp* соответственно).

Такие сокращения отчасти являются причиной того «маятникового» движения, о котором я говорил ещё в самом начале. Слова сокращаются обычно с конца, а поскольку в индоевропейских языках именно на конце сосредоточены грамматические показатели имён и глаголов, они упрощаются, подходя к какому-то относительному единообразию, а то и вовсе исчезают. Это приводит к плавному сдвигу индоевропейских языков в сторону китайского языка, который тоже не различает частей речи.

Одно слово в китайском может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом. Например, китайское слово 愛/爱 (ài) означает «любить», «любовь» и «любимый», а конкретное значение можно понять только из контекста. Например: «愛兒童 (ài értóng)» следует перевести как «любить ребёнка», «吾愛 (wú ài)» – как «моя любовь», «愛女 (ài nǚ)» можно понять как «любимая дочь». В английском слово *love* означает «любить» и «любовь»: «I love you (я тебя люблю)», «a mother's love (материнская любовь)». В древнеанглийском языке хорошо различались слова *lufian* «любить» и *lufu* «любовь», которые изменялись в рамках существовавших в древнеанглийском грамматических категорий. Получается, у английского и китайского тут много общего.

М.К.

А прагерманские соответствия тогда, надо полагать, были ещё длиннее, чем древнеанглийские?

А.М.

Именно так. И праиндоевропейские длиннее, чем прагерманские (если речь идёт не о производных словах).

М.К.

Но раз так, то все слова языка за многие тысячи лет должны были стереться в ноль, просто исчезнуть. Либо древние слова должны были быть настолько гигантскими, что от них остались бы лишь «огрызки». В это мне, однако, что-то с трудом верится. Почему же тогда в языках сохраняются длинные слова? Это как-то связано со словообразованием?

А.М.

Абсолютно верно. Благодаря словообразованию и словосложению (кстати, не только) многие слова кажутся довольно длинными: они могут состоять из нескольких корней, которые мы сегодня уже не сможем выделить без специальной лингвистической подготовки, они также могли содержать такие морфемы, которые мы тоже не всегда способны различить. За примерами далеко ходить не нужно, мы уже много таких слов рассмотрели выше.

Взгляни ещё раз на русское слово *луна* и на праиндоевропейское слово **lowksneh₂*, из которого оно происходит. Мы уже не видим древних суффиксов, которые в нём были. Также я уже говорил о том, что слово *овца* происходит от праславянского **овьса*, где часть **-ьс-а* является формантом. Если бы не было суффикса, то слово бы в русском языке выглядело бы как *овь*, так как, по всем фонетическим законам, праиндоевропейское слово **h₂ówis* должно было бы утратить ларингал **h₂* и древний суффикс **-is*.

Чтобы не казалось, что русский язык в этом смысле является каким-то особым исключением, приведу пример из французского, в котором слова тают на глазах. Французский язык исторически решал проблему «исчезновения» слов из-за выпадения фонем так же при помощи уменьшительных суффиксов. Например, слово *soleil* [solɛj] «солнце» происходит от латинского слова *sōl* [so:l] «солнце», но не напрямую, а через позднюю форму **soliculus* «солнышко», которая восстанавливается для вульгарной латыни (в латыни был уменьшительный суффикс *-culus*).

Русское слово *солнце* также родственно латинскому *sōl* и восходит к праиндоевропейскому **sóh₂w̥l̥* «солнце». Если присмотришься лучше, то увидишь, что в слове *солнце* тоже присутствует уменьшительный суффикс, уже не выделяемый в составе слова. Современные слова *ёжик*, *ножик*, *ёлка* и другие в будущем, как мне кажется, тоже будет сложно разложить на составляющие, так как мы уже почти не используем слова *ёж*, *нож*, *ель*, для нас гораздо естественнее использовать в речи производные слова.

Когда мы говорили о заимствованиях, я не упомянул об одном положительном свойстве этого явления. Я сказал, что заимствования обогащают язык, но не сказал, что как раз длинными словами. Многие заимствования — это сложные или производные слова, которые мы сегодня не делим на части. Вспомни историю слова *зонтик*. В нидерландском оно легко раскладывается на две части, а мы видим целый корень и ложный суффикс. Также вспомни, что я говорил о слове *кредит*. Уже латинское *crēdō* не осознавалось римлянами как сложное слово, а ведь в нём исторически выделяют целых два самостоятельных корня.

Если обобщить всё сказанное, то можно сделать следующий вывод. Слова языка теряют со временем целые фонемы, и процесс этот может происходить быстро (как во французском) или медленно (как в русском). Однако этому процессу противодействует тенденция к сращению односложных корней, а также тенденция к усложнению слова путём приращения морфем. За счёт этого слова, которые оказываются слишком короткими из-за утраты части фонем, могут приобрести вторую жизнь благодаря их словообразовательной «модификации». Если они не будут увеличены словообразовательными средствами, то велика вероятность, что они станут омонимами других односложных слов, и тогда их функция номинации нарушится. Во французском, кстати, такая проблема уже существует.

М.К.

А откуда возникли приставки и суффиксы? Они изначально что-то означали? Или это просто какие-то случайные приростки?

А.М.

Странно было бы полагать, что в языке могут возникнуть ничего не значащие «приростки». Можно с уверенностью сказать, что аффиксы (в большинстве случаев) также возникли из самостоятельных слов. Правда, исторические значения многих современных аффиксов мы просто не можем распознать из-за их древности. Как ты думаешь, из каких слов могли возникнуть, например, русские, немецкие или итальянские приставки?

М.К.

Наверное, из предлогов. Они похожи на предлоги.

А.М.

Конечно, многие приставки в этих языках возникли из предлогов, поэтому они внешне их напоминают и имеют близкие значения. В русском есть предлог *на* (*на гору, на рынок*), а есть приставка *на-* (*налететь, находить*), есть предлог *из* (*из лесу, из мешка*), а есть приставка *из-* (*изрядный, изменить*). В немецком есть предлог *an* «на» (*an der Wand* «на стене», *an diesem Platz* «на этом месте»), а есть приставка *an-* (*anziehen* «одеть; надеть», *anmachen* «включать; приделывать»). В разных европейских языках много слов из латыни, которые начинаются на *con-*, *com-*, *co-*, *col-*, *cor-*. Все эти латинские приставки происходят от латинского предлога *cum* «с». Если все такие случаи перечислять, то можно целый словарь приставок составить.

С суффиксами всё то же самое, но чуть сложнее. Вероятно, многие индоевропейские и даже ностратические суффиксы утратили всякую связь со словами многие тысячи или даже десятки тысяч лет назад. Всё же есть суффиксы в языках мира, которые возникли не так давно (по лингвистическим меркам), их значения мы можем определить. Например, известный английский суффикс *-hood* (*childhood* «детство», от *child* «ребёнок») и немецкий суффикс *-heit* (*Kindheit* «детство», от *Kind* «ребёнок») происходят от прагерманского слова **haiduz* «способ». Латинский суффикс *-ābilis*, выражающий способность (*amābilis* «любезный», от *amō* «любить»), происходит от слова *habilis* «послушный; удобный», далее от *habeō* «держат; иметь». В русском многие суффиксы просто невозможно этимологизировать, хотя есть относительно простые суффиксы вроде *-либо* (*кто-либо*), *-нибудь* (*кто-нибудь*), *-то* (*кто-то, дом-то*), которые мы ещё можем связать со словами *ли* и *бо*, *не* и *быть*, *тот*.

В китайском языке последнее время стали чаще использоваться продуктивные элементы, которые чем-то напоминают по функциям суффиксы в европейских языках. Так, элемент 主義/主义 (*zhǔyì*) часто соответствует суффиксу *-изм*: 人文主義/人文主义 (*rénwénzhǔyì*) «гуманизм», 保守主義/保

守主义 (bǎoshǒuzhǔyì) «консерватизм», 寫實主義 / 写实主义 (xiěshízhǔyì) «реализм», 軍國主義/军国主义 (jūnguózhǔyì) «милитаризм» и т. д.

М.К.

И снова сюрпризы. Ты, кажется, говорил, что китайский язык является аналитическим, то есть не имеет суффиксов.

А.М.

Без сюрпризов в лингвистике никак. Вообще говоря, в китайском существуют суффиксы, но их не так много, да и специфика их употребления иная, чем в европейских языках. Например, есть суффикс множественного числа местоимений и собирательный суффикс существительных, обозначающих группу людей, 們/们 (men). Например, слово 我 (wǒ) означает «я», а сочетание с суффиксом 們/们 (men) даёт 我們/我们 (wǒmen) «мы»; слово 人 (rén) означает «человек», а сочетание 人們/人们 (rénmen) означает «люди».

Китайский язык – аналитический, но не абсолютно. Если помнишь, я говорил, что нет абсолютно аналитических и абсолютно синтетических языков. Есть промежуток между этими состояниями. Китайский в последнее время всё ближе подбирается к состоянию некоторых европейских языков – «маятник» начинает обратный ход в сторону синтетизма, хотя даже до состояния английского китайскому ещё очень далеко.

Известно, что ещё в древнекитайском использовались преимущественно односложные слова, включающие один слог. Сегодня же в китайском языке очень много двусложных слов, которые развились из словосочетаний. Например, слово 地板 (dìbǎn) «пол» состоит из слов 地 (dì) «земля» и 板 (bǎn) «доска»; слово 好看 (hǎokàn) «красивый» состоит из слов 好 (hǎo) и 看 (kàn) «смотреть; видеть». Таких слов в китайском очень много, число их растёт.

Как видишь, это процесс похож на тот, что мы встречаем в индоевропейских языках. Его можно интерпретировать по-разному. Фонетически древнекитайские слова тоже упрощались, что привело к ужасающей по

своим масштабам омонимии в современном китайском языке. Спасают положение тоны и строгий синтаксис. Но если слова будут разрастаться в китайском, если двусложные образования перестанут восприниматься как словосочетания, а станут именно полноценными словами, то это может привести к некоторым изменениям в грамматике, которые, вероятно, подтолкнут китайский язык в сторону синтетизма. Это, само собой, только теоретизирование, никто не знает, как всё будет, но если исходить из вероятности, то китайский вполне может превратиться в язык со сложной грамматикой. Вопрос лишь в том, когда это произойдёт: через пятьсот, тысячу или десять тысяч лет.

М.К.

Я до этого не доживу. Эх, жаль...

А.М.

Мне было бы интересно посмотреть, что будет с русским языком через несколько сотен лет. Скорее всего, он вслед за остальными индоевропейскими языками упростится, утратит сложное склонение и будет использовать вспомогательные слова. И китайцы будут говорить, какой примитивный у нас язык.

М.К.

Я есмь пришёл, а ты еси сидел... Говори более скоро, што еси хотел... Вот такие песни будут петь через пятьсот лет.

А.М.

Это больше похоже на древнерусский.

М.К.

Да? Ну, тогда, видимо, всё и правда возвращается на круги своя.

Глава 8. Советы этимолога

М.К.

У меня сложилось достаточно приятное впечатление от нашей беседы. Я очень рада, что ты согласился помочь мне разобраться с этой полной сюрпризов и неожиданностей наукой. Многие для меня были новы и не совсем понятны, но с твоими пояснениями мне удалось в целом разобраться в том, что такое этимология, чем она занимается.

Во-первых, я поняла, что это очень сложная и коварная наука. Слова языка очень разные, среди них обнаруживаются такие, которые оказываются на определённом уровне родственными. В то же время есть слова, которые так и хочется связать из-за их внешнего сходства, при этом само по себе внешнее сходство слов ещё ничего не говорит об их родстве.

Во-вторых, чтобы не запутаться в этом многообразии слов языка и избежать многих заблуждений, которых я раньше просто не могла избежать из-за незнания принципов и методов этимологии, необходимо придерживаться научного подхода, который включает анализ фонетики и семантики. К тому же очень важно знать историю языков и понимать, какие языки родственны, а какие нет.

В-третьих, я уяснила, что языки меняются, причём не только в плане структуры (фонетики, грамматики и так далее), но и лексики. Заимствования являются важным источником возникновения слов в языке, и их не стоит бояться, если они служат для обозначения вещей, названия которым в нашем языке нет либо собственные названия плохо отражают суть вещи или явления.

В-четвёртых, для меня стало аксиомой, что этимология — это наука, которая может принести много пользы. К тому же всем интересны истории о словах. Мы об этом не говорили, но мне кажется, что эту тему нам следовало бы затронуть.

А.М.

Конечно. Часто в самых обычных беседах приходится прибегать к этимологии. Скажем, многих интересно происхождение своего имени,

названия города, в котором они живут. Небольшое толкование, взятое прямо из словаря, многих удивляет, хотя для меня уже давно ничего такого сверхъестественного в этом нет.

Часто слышу от разных людей этот извечный вопрос: откуда взялось такое-то слово? Например, одна знакомая, работающая в банке, вдруг заинтересовалась словом *банк*. Она решила, что оно как-то связано со словом *банка*. Я ей объяснил, что это слово пришло из итальянского, где имело значение «лавка менялы»... Толкование в одну строчку произвело на неё такое сильное впечатление, что та принялась бегать по отделу и каждого своего сотрудника спрашивать об этом слове, чтобы окончательно убедиться. Оказалось, что из шести человек, находившихся в отделе, лишь один знал этимологию этого слова. А это уже произвело сильное впечатление на меня.

М.К.

Да уж. Меня когда-то тоже удивило то, что слово *купец* связано со словом *купить*. Наверное, в те мои непросвещённые годы многое из твоих речей показалось бы странным и поразительным. Признаться, для меня и так было странным то, что я читала из твоих статей. Сейчас для меня это тоже в некоторой мере обыденность.

Мне кажется, гораздо интереснее другой полезный эффект этимологии: она позволяет быстрее учить языки. В школе я очень неохотно учила немецкий, в университете – английский. Затем я принялась изучать итальянский и французский, потому что всегда хотела их учить, но мне казалось, что это такие сложные языки, что я никогда их не одолею, и мне даже браться за них не стоит. После общения с тобой у меня сложилось несколько иное представление об изучении языка, точнее – слов языка. Но сформулировать в тезисах суть этого эффекта я не могу.

А.М.

Когда мы связываем родственные слова различных языков, возникают очень прочные ассоциации, и так они лучше запоминаются. Вот и вся суть, мне кажется.

М.К.

Ну да, именно это я и имела в виду. Когда я учила итальянский, то обнаружила, что в нём простые числительные немного похожи на русские или английские: *uno* «один», *due* «два», *tre* «три», *quattro* «четыре», *cinque* «пять», *sei* «шесть», *sette* «семь», *otto* «восемь», *nove* «девять», *dieci* «десять». То же можно сказать и о немецких числительных: *eins* «один», *zwei* «два», *drei* «три», *vier* «четыре», *fünf* «пять», *sechs* «шесть», *sieben* «семь», *acht* «восемь», *neun* «девять», *zehn* «десять».

Раньше я думала, что некоторые числительные совпадают, поскольку во всей Европе была какая-то единая система счёта, а сейчас понимаю, что это сходство некоторых числительных объясняется родством языков. Даже итальянское числительное *nove* родственно русскому *девять*. Это поразительно! Выходит, что все числительные в различных индоевропейских языках похожи, а это позволяет их быстрее выучить. Когда родство не осознаётся, то изучение этих слов даётся труднее.

А.М.

Совершенно верно. Но если не просто осознавать родство языков, а понимать, какие изменения привели к существующим расхождениям, то тем же числительные будет учить ещё проще. Вообще слова языка запоминаются быстро, когда они связываются с другими словами.

М.К.

Можешь показать ряды числительных от 1 до 10 для других языков, более «экзотических»? Просто для сравнения.

А.М.

Запросто. Вот тебе числительные для праиндоевропейского (ПИЕ), литовского, греческого, персидского и хинди. Сама быстро найдёшь соответствия в известных тебе языках.

ПИЕ	Армянский	Греческий	Персидский	Хинди
* <i>(H)óy(H)nos</i> * <i>(H)óykos</i> * <i>(H)óywos</i> * <i>sém</i>	<i>uḗḗ</i> (mek)	<i>ένας</i> (énas)	یک (yek)	एक (ek)
* <i>dwóu</i> * <i>dwóh₁</i>	<i>երկու</i> (erku)	<i>δύο</i> (díyo)	دو (do)	दो (do)
* <i>tréyes</i>	<i>երեք</i> (erek´)	<i>τρεις</i> (treis)	سه (se)	तीन (tīn)
* <i>k^wetwóres</i>	<i>չորս</i> (č´ors)	<i>τέσσερις</i> (tésseris)	چهار (čahâr)	चार (cār)
* <i>pénk^we</i>	<i>հինգ</i> (hing)	<i>πέντε</i> (pénte)	پنج (panj)	पाँच (pāc)
* <i>swéks</i>	<i>վեց</i> (vec´)	<i>έξι</i> (éxi)	شیش (šeš)	छह (chah)
* <i>septḗ</i>	<i>յոթ</i> (yot´)	<i>επτά</i> (eptá)	هفت (haft)	सात (sāt)
* <i>októw</i>	<i>ութ</i> (ut´)	<i>οκτώ</i> (októ)	هشت (hašt)	आठ (āṭh)
* <i>(h₁)néwḡ</i>	<i>ինը</i> (inə)	<i>εννέα</i> (ennéa)	نه (noh)	नौ (nau)
* <i>dékmt</i>	<i>տասը</i> (tasə)	<i>δέκα</i> (déka)	ده (dah)	दस (das)

М.К.

Мои иллюзии как-то неожиданно и резко развеялись. Я-то думала, что сходств будет больше.

А.М.

А тебе мало?

М.К.

Но ведь некоторые слова совершенно не похожи на те, что даны для праиндоевропейского. Например, армянское *ułł* (mek) не похоже на слово *один* в русском.

А.М.

А разве греческое *ένας* (éнас) похоже на русское *один*?

М.К.

Немного похоже.

А.М.

Эх, наивность журналистская! Ни армянское *ułł* (mek), ни греческое *ένας* (éнас) не являются родственниками русского *один*. Современное армянское числительное *ułł* (mek) происходит от древнеармянского *ułł* (miak), которое происходит от слова *ułł* (mi) «один» с прибавлением суффикса *-ułł* (-ak), далее от праиндоевропейского **smiyeh₂-*, образованного от числительного **sém*.

Греческое *ένας* (éнас) происходит от древнегреческого числительного *εἷς* (heís) (у него есть форма среднего рода *έν* (hén) и форма женского рода *μία* (mia)), которое возникло из протогреческого **hens*, где **h* закономерно возникает из праиндоевропейского **s* в результате дебуккализации. Кстати, в результате того же явления числительное *επτά* (eptá), восходящее к древнегреческому *έπτά* (heptá), имело в протогреческом начальный **h*, возникший из **s*, то есть всё слово восходит к праиндоевропейскому **septm̥* и родственно русскому *семь*.

Таким образом, в обоих случаях слова происходят от праиндоевропейского **sém*. А ты говоришь о сходстве. Тут всё гораздо сложнее. Нужно понимать, какие процессы лежат в основе изменения облика названных слов. К тому же не все числительные должны ровненько восходить к одному единственному корню, существуют и отклонения.

М.К.

Блин, ты меня загрузил! Я сейчас осознала, что проще без всяких посторонних вопросов выучить все эти числительные. Действительно, наивность журналистская!

А.М.

Извини, так уж вышло. Я ведь говорил, что этимология – это жесткая наука. И ты в этом не раз уже убеждалась и даже сама высказывала такую мысль.

М.К.

Ладно, оставим числительные на полке. Можно ведь цепляться за этимологию, рассматривая и другие слова в разных языках (глаголы, существительные, прилагательные)?

А.М.

Конечно. Например, русское слово *стоять* родственно английскому *stand* «стоять» и немецкому *stehen* «стоять», а также латинскому *stō* «стоять» (инфинитив *stāre*), от которого происходят французское *être* «быть», итальянское *stare* «стоять, быть» и испанское *estar* «быть». Зная лишь это, ты установишь прочную ассоциацию между этими словами, и они быстрее усвоятся. Тогда испанское выражение «¿Dónde estás? (Где ты?)» для тебя уже будет означать «Где стоишь?». Примеров такого рода полно.

М.К.

Точно. Или, например, итальянское слово *vedere* «видеть» легко увязать с русским глаголом *видеть*.

А.М.

Совершенно верно. Эти слова тоже родственны.

М.К.

Но это ведь будет касаться только близкородственных языков и в меньшей степени языков, которые довольно далеки от русского. Это я поняла, когда мы касались языкового родства. Соответствий между славянскими языками больше, чем между языками различных групп.

А.М.

Если устанавливаются связи между словами, имеющими общее происхождение на уровне праязыка, то да. Однако в языках мира существуют многочисленные заимствования, которые часто очень похожи. Например, то же итальянское *vedere* восходит латинскому слову *videō* «видеть», а от него уже происходят английское *video*, русское *видео*, армянское *վիդեո* (*vidēo*), японское *ビデオ* (*bideo*), грузинское *ვიდეო* (*video*), ивритское *וידאו* (*vide`o*), арабское *فيديو* (*fiidiyu*) и многие другие слова со значением «видео». И об этом тоже не стоит забывать.

М.К.

Тут уж не поспоришь. Заимствования, которые встречаются во многих языках, тоже являются своеобразным «спасательным кругом». Я каждый раз радуюсь, когда в незнакомом языке вижу слова, которые мне встречались в других языках. Одним словом, меньше зубрёжки.

А.М.

Зубрёжка – это вообще не самый лучший способ учить слова языка. Конечно, он очень широко распространён, но он не даёт того результата, какого хотелось бы добиться.

Меня удивляет, почему в школах английский учат много лет, а в итоге выпускники не могут связать и двух слов на нём. Это при том, что в английском словоизменение сведено к минимуму, там нет того «грамматического беспредела», который существует в славянских языках, греческом, литовском и т. д. Хотя, наверное, удивлять это меня стало относительно недавно, ведь в школе и университете английский я учить жутко не хотел, даже отказывался. Однажды на уроке английского я решил отвечать толь-

ко по-итальянски, чтобы меня больше не спрашивали. Глупо было, но сработало.

Я для себя пришёл к выводу, что это как раз из-за зубрёжки. Когда я учился, меня жутко раздражало, что мне постоянно давали какие-то списки слов, заставляли учить их наизусть, затем рассказывать. Всё равно большая часть слов забывается, если их негде применить. Зачем же тратить часы, впустую заучивая вокабулы? Это вообще отбивает желание учить язык.

Я бы порекомендовал смотреть фильмы, слушать музыку на изучаемом языке ещё до того, как начинаешь его учить. Это позволяет уловить мелодию языка, почувствовать его. Затем следует переходить к общим фразам и выражениям, накапливать разговорный минимум, постоянно практикуясь, выстраивая предложения и тексты. Лучше всего строить простые диалоги или зачитывать уже готовые, прокручивая их в голове. Это куда эффективнее, так как грамматика и лексика работают вместе и, следовательно, лучше запоминаются. Следующим шагом должно стать пополнение словарного запаса и постоянное развитие разговорного навыка. Здесь-то и может помочь этимология.

М.К.

Изучение слов с опорой на словообразование тоже хорошо помогает. Немецкий язык, как известно, характеризуется сложным словообразованием, очень много однокоренных слов, которые бесконечно разрастаются. Можно взять целый ряд таких слов (например, *Tag* «день», *Arbeitstag* «рабочий день», *Geburtstag* «день рождения», *Tagebuch* «дневник», *täglich* «ежедневный» и т. д.) и выучивать их. Правда, это тоже называется зубрёжкой.

А.М.

Да, это тоже зубрёжка. Но она не такая бесполезная. У этих слов есть общий корневой элемент, который позволяет слова связывать. Можно даже не пытаться запоминать все эти слова, часто они сами собой всплывают в памяти, когда это необходимо. У меня такое было не раз. Так что такой подход весьма действенный, я к нему тоже частенько прибегал.

У меня даже была однажды идея составить словарь немецкого языка для начинающих, проект этого словаря у меня до сих пор хранится. В этом словаре я собирал базовую лексику и для каждого простого слова приводил ряд однокоренных слов. Пробные статьи из этого словаря я показывал знакомым, они очень восторженно отнеслись к такой идее и даже хотели приобрести этот словарь, когда он будет готов. К сожалению, пришлось отложить в долгий ящик.

М.К.

А какие языки вообще следует изучать, чтобы заниматься этимологией? Ведь нельзя же объективно оценивать слова языка, не прибегая к самому языку?

А.М.

Для этимолога часто достаточно знания основ языка и базового словаря (или умение ориентироваться в словаре), хотя полное практическое овладение языком тоже довольно важно. Весьма полезно знать самые ходовые европейские языки (английский, немецкий, нидерландский, шведский, норвежский, датский, французский, испанский, итальянский, португальский, румынский, греческий, ирландский, литовский, латышский, польский, чешский, сербский, болгарский, украинский, финский, венгерский и др.), а также индоевропейские языки, которые мы привыкли считать экзотическими (армянский, албанский, персидский, хинди и др.). Для этимолога, занимающегося русскими словами, неплохо было бы знать и некоторые тюркские языки (турецкий, азербайджанский, казахский, татарский и др.).

С другой стороны, этимологи часто работают с древними языками. Самыми важными из них являются латинский, древнегреческий, санскрит, старославянский, древнерусский. Также полезно обратить внимание на древние германские языки (древнескандинавский, древнеанглийский, древнесаксонский, древневерхненемецкий, готский).

М.К.

А сам-то ты много языков изучал?

А.М.

Спроси что-нибудь полегче.

М.К.

Нет, ты уж ответь, будь добр.

А.М.

Ну, скажем так... Из перечисленных языков я учил не все, хотя есть языки, которые доводилось учить, но здесь я к их материалу не прибегал и даже не называл. Есть языки, которые я учил основательно и долго, но некоторые я изучал от нескольких недель до нескольких месяцев только для того, чтобы просто схватить основы основ. Поэтому «изучал» не всегда означает «знаю» или «владею».

В основном я имел дело с немецким (в особенности с немецкими диалектами), украинским и французским. Изучал также английский, нидерландский, шведский, итальянский, испанский, португальский, белорусский, польский, чешский, сербский, греческий, армянский и хинди.

В той или иной степени я занимался норвежским, исландским, идишем, румынским, болгарским, литовским, латышским, персидским, венгерским, финским, турецким, узбекским, тайским, японским и китайским. Свои знания в области этих языков я оцениваю очень по-разному. Скажем, на болгарском или турецком я могу поговорить, на японском или венгерском в основном читаю, а балтийские языки изучал поверхностно только для того, чтобы понять их строй и пользоваться словарём для каких-то частных целей. Материал литовского особо ценен в этимологии, поэтому я не мог обойти этот язык стороной. Планирую заняться им основательно, когда представится такая возможность.

Из древних языков пока только с латынью удалось в какой-то степени справиться. Древнегреческий и санскрит для меня оказались слишком сложными, поэтому в основном я работаю только со словарями этих язы-

ков, но редко вспоминаю о грамматике. Отдельно занимался грамматиками древнерусского, готского и древневерхненемецкого языков, но только из теоретических соображений.

Соприкасаться приходилось также со многими другими языками. Я брался учить словенский, грузинский, баскский, азербайджанский, татарский, арабский, иврит, вьетнамский, суахили, навахо и некоторые языки индейцев, но по тем или иным причинам мне пришлось прекратить их изучение. Например, в случае с арабским и баскским не хватило терпения, а суахили просто разонравился (его я взялся учить лишь потому, что привлекало какое-то особое африканское звучание). Про язык навахо я вообще молчу – мне его в жизни не понять.

В последнее время меня особо интересуют языки искусственные (плановые, вымышленные), то есть такие, которые были кем-то выдуманы для каких-то целей и не происходят от какого-либо праязыка. Меня почему-то всегда привлекали эльфийский язык (точнее, несколько «родственных» языков эльфов) и чёрное наречие Саурана из произведений Дж. Р. Р. Толкина. Их структуры чем-то напоминают структуры некоторых древних и редких языков. Также мне очень нравится язык На'ви из фильма Дж. Кэмерона «Аватар». Я брался его учить (у меня было описание его грамматики, небольшой словарь и разговорник), но освоил лишь азы. Я думаю, жители Пандоры сразу бы расстреляли меня из луков за ужасное произношение, если бы я попытался с ними поговорить.

Некоторое время я изучал язык эсперанто – искусственный язык, созданный польским врачом Л. Заменгофом в конце XIX века. Его практически нигде применить, но я не исключаю, что в будущем именно этот язык будет очень востребован. Английский язык сегодня является международным, но уверен, что этот его статус временный. Язык эсперанто намного проще для изучения, при этом он сконструирован из корней разных европейских языков, так что и француз, и испанец, и немец, и англичанин, и русский смогут найти в нём что-то знакомое и родное. Мы ведь живём в космическую эру, а в космосе, как говорил однажды известный физик С. Хокинг, «нужен свой язык».

М.К.

Ого, арсеналище!!! Я ещё пойму, зачем тебе навахо или суахили. Даже твоё «космическое» стремление знать эсперанто меня нисколько не смущает. Но языки Толкина-то тебе зачем? Решил с эльфами поговорить или в Мордор на недельку съездить?

А.М.

Нет, просто я с некоторых пор стал интересоваться произведениями Толкина. Сперва, правда, посмотрел фильмы. Мой друг уговорил меня однажды посмотреть «Властелина колец», а затем и «Хоббита», и я просто не смог остаться равнодушным к языкам, на которых говорили персонажи этих фильмов. То же самое касается языка На’ви.

М.К.

Не удивлюсь, если ты и сам пытался что-то сконструировать. Меня бы, наверное, посетила такая мысль, если бы я так фанатично изучала вымышленные языки из книг и фильмов.

А.М.

А ведь пытался же...

М.К.

И как успехи? Получилось перещеголять Толкина?

А.М.

Толкин – гений, мне его не перещеголять в жизни. Да и такой задачи я перед собой никогда не ставил. Я сначала пытался сделать что-то подобное тому, что делал Заменгоф, но с использованием других корней и аффиксов из славянских, романских и германских языков. Также я пытался упростить грамматику, но на этом поле Заменгофа мне переиграть не удалось. Его язык эсперанто включает всего лишь 16 правил, которые не знают исключений, а для меня это издевательство. Мне хотелось сделать что-

то более сложное, с неправильными формами, исключениями... В итоге я бросил это занятие.

Затем у меня было ещё два проекта. Один язык я назвал Allgermanisk, что означает «всегерманский». Для этого языка у меня была разработана грамматика и словарь объёмом 1500 слов. Другой язык я назвал Slavjenski, то есть «славянский». Он был разработан лучше, чем первый, но тоже довольно сырой. Оба проекта так и остались незаконченными, я о них даже иногда забываю, если честно, и не уверен, что готов продолжать их разработку в будущем.

М.К.

А как-нибудь без знания десятков языков обойтись можно, чтобы заниматься этимологией? Например, если знаешь два или три языка, то можно быть хорошим этимологом?

А.М.

Если это английский и итальянский, то вряд ли. Никто не устанавливал лимита на количество изучаемых языков, но даже со сносным знанием пяти наиболее популярных языков сложно проводить межъязыковые сравнения, как это делают настоящие этимологи. Хотя бы нужно знать основы классических древних языков и уметь пользоваться словарями.

Помимо знания языков этимологи должны знать лингвистику: фонетику, морфологию, словообразование, лексикологию. Всё это изучается в лингвистических вузах. Также необходимо владеть основами сравнительно-исторического языкознания, чтобы разбираться в теориях, касающихся различных изменений в языках.

М.К.

Но ты ведь говорил, что можно просто увлекаться этимологией и что для этого не нужно знать всего того, что ты сейчас привёл.

А.М.

Увлекаться этимологией может каждый, это правда. Однако искать информацию по словарям и самому анализировать эту информацию, чтобы определить, насколько она достоверна, – это разные вещи. В первом случае достаточно иметь словарь, во втором – уже нужно обладать определённым багажом знаний, чтобы уметь отличать выдумки от объективного анализа. Причём, как показывает практика, даже наличие знаний не даёт гарантии, что этимолог не допустит ошибки. Именитые лингвисты и этимологи допускали промахи, причём довольно абсурдные с точки зрения современной науки.

М.К.

Что ж... Остаётся мне тогда просто увлекаться этимологией. Быть этимологом по рангу мне не положено.

А.М.

Честно говоря, мне тоже странно было бы называть себя этимологом. Мои этимологические штудии тоже лучше было бы классифицировать как продвинутое увлечение, поскольку своих версий я почти не предлагал и, таким образом, не внёс никакого существенного вклада в этимологию. Те немногие предположения, которые я когда-либо делал, часто уже были кем-то выдвинуты и обоснованы. Даже обидно бывало.

М.К.

Для меня ты величайший этимолог, Александр! В моих глазах именно таким ты и останешься.

А.М.

Да хватит льстить уже.

М.К.

Хорошо, не буду. Кстати, сколько ты уже занимаешься этимологией? Что тебя заставило заняться этой непростой наукой? И каковы были твои первые шаги?

А.М.

Этимологией в строго научном смысле этого слова я занимался только последние три года. До занятия этимологией я интересовался общей лингвистикой, лингвистической типологией, социолингвистикой, а также диалектологией (в основном славянской и немецкой). Признаться, даже с имеющимися знаниями в области лингвистики было сложно сразу разбираться в истории слов, хотя мне всегда казалось, что это простая наука, в которой всё работает по определённым законам. Теперь я могу с уверенностью сказать, что это не так.

Я начинал исследовать слова русского языка и в основном разбирал уже существующие версии, пытаюсь что-то постигнуть и своим умом, что было очень непросто. Первый же «экзамен на профпригодность» я провалил. Когда один знакомый этимолог мне предложил разобрать какое-то немецкое слово, я стал теряться в корнях, проигнорировав самую очевидную версию и выдвинув при этом с десятков абсурдных. Было немного стыдно, конечно, но этот эпизод меня хорошо научил. Следующие попытки были более удачными.

История слов таит немало трудностей, нужно очень многое учитывать: особенности языка, откуда происходит слово, историю народа, который на языке говорит, культурные, политические и даже экономические аспекты. Иногда из-за одного слова приходится отдельно изучать какую-то тему, далёкую от лингвистики. Скажем, чтобы описать уже названное мной слово *банк*, нужно знать историю банковской деятельности, её специфику в прошлом. Поскольку экономическую терминологию и историю экономики и финансов я подробно изучал ещё в университете, мне было просто с ней работать. Но когда приходится описывать понятия из какой-то иной области знаний, то тут без специального погружения в тему не обойтись.

В современных этимологических словарях часто уже даны нужные пояснения, но гораздо интереснее разобраться самому и по-своему объяснить происхождение какого-либо слова. Когда самостоятельно приходишь к какому-то выводу, пусть даже немного отличающемуся от уже изложенного кем-то ещё, то это приносит большее удовлетворение. Сложно бывает делать первые шаги в этом направлении: допускаешь много ошибок, порой даже нелепых, уходишь в своих размышлениях слишком далеко. Но со временем появляется какой-то системный подход к анализу, суждения становятся более строгими и логичными. Как говорится, тернист и нелёгкий путь этимолога к истине.

М.К.

Ты хочешь сказать, что всё, что мы с тобой обсуждали, ты выучил за три года? Да не поверю я в такое.

А.М.

Не всё. Сравнительно-историческое языкознание интересовало меня ещё до занятия этимологией. Я уже говорил, что занимался лингвистикой, изучал языки. Много из того, о чём мы говорили, я знал уже давно, но только в теории. На практике эти знания я стал применять лишь относительно недавно.

М.К.

Задам тебе ещё один насущный вопрос. Что мне следует прочитать, чтобы ещё лучше разобраться в этимологии? Есть какая-то литература, которую ты бы порекомендовал мне прочитать в первую очередь?

А.М.

В первую очередь я бы порекомендовал несколько хороших учебников по лингвистике. Думаю, начать стоит с учебника А. А. Реформатского «Введение в языкознание», а далее переходить к книгам по более частным темам: фонетике, лексикологии, грамматике. Также настоятельно рекомендую прочитать книгу В. А. Плунгяна «Почему языки такие разные».

Там есть многое из того, о чём мы говорили в первых частях нашей беседы, а также многое из того, о чём мы не говорили.

М.К.

Читать лингвистику? Я же от скуки помру!

А.М.

Но без этого изучение этимологии не имеет смысла. Как ты будешь писать сочинение, если не учила буквы? Или как ты будешь исполнять мелодию, если не знаешь нот? Никак! И этимология без теоретической лингвистики – это не этимология. К тому же от книги Плунгяна ещё никто не умирал. Она очень интересно написана. Реформатского читать сложнее, но в его учебнике собрана вся теория, которая необходима для дальнейшего продвижения.

Я ведь многое утрирую и упрощаю в нашей беседе, чтобы тебе было понятнее. В особых случаях объясняю что-то из теории, но неполно. Но если ты будешь читать не просто популярную статью о происхождении слова, а реальную научную статью или серьёзный труд по этимологии, то ты наткнёшься на такие термины и построения, которые тебе будет сложно понять даже теперь, когда ты многое знаешь. Так что теория тебе не мешает.

М.К.

Ладно. Допустим, что я займусь теоретической лингвистикой, чтобы у меня сложилось общее представление о языках, фонетике, лексике, грамматике и т. д. Но по этимологии что мне следует прочитать? Желательно что-нибудь очень простое, чтобы я поняла без научно-русского перевода.

А.М.

Я уже называл книгу Ю. В. Откупщикова «К истокам слова». Это прекрасная книга, интересная и простая даже для любителя. Она состоит из 25 глав, каждая из которых рассматривает какую-то свою этимологию.

скую проблему. Многие из того, что мы рассмотрели поверхностно, там рассмотрено довольно подробно. Например, отдельные главы посвящены дублетам, словообразованию, диалектам, спорным этимологиям и сложностям этимологизации.

Также очень рекомендую книги Н. М. Шанского «В мире слов» и «Лингвистические детективы». Обе книги представляют собой сборники небольших рассказов об истории морфем, слов и фразеологизмов с соответствующими пояснениями. Думаю, ты встретишь там многое из того, о чём мы уже говорили, но в то же время для тебя там будет много нового. Шанскому также принадлежит большое количество этимологических и фразеологических словарей, различных работ по русскому языку.

Отдельно хочу посоветовать книгу Л. В. Успенского «Слово о словах». Она отличается от тех, что я привёл выше, и посвящена отнюдь не этимологии, хотя об истории слов из неё ты можешь узнать немало. Это повествование о словах вообще, об их возникновении и употреблении, об «устройстве» слова и о многом другом. На мой взгляд, это одна из самых интереснейших книг, когда-либо написанная человеком. Некоторые считают, что она «пропитана марксизмом», да и много в ней неточностей. Всё это, поверь, ничуть не убавляет её ценности. Думаю, с ней тебе стоит познакомиться до того, как ты начнёшь читать что-то о лингвистике, иначе ты ещё раз разочаруешься в этой науке.

Из более продвинутой литературы в первую очередь советую прочитать книгу итальянского лингвиста В. Пизани в переводе Д. Э. Розенталя. Она представляет собой очерк по истории этимологии, задачам и методам, а также перспективам этой науки. Читать её не так просто, но в ней очень много примеров из итальянского языка, поэтому тебе она будет интересна.

Наконец, по славянским языкам... Несомненно, заслуживают внимания «Труды по этимологии» нашего отечественного лингвиста и этимолога О. Н. Трубачёва. Первые два тома включают все его статьи по этимологии, третий том включает три его монографии (этимологические исследования) по славянским терминам родства и этимологии некоторых древних терминов общественного строя, названий домашних животных и ремесленной

терминологии. Сразу скажу, что осилить все три тома будет непросто, но оно того стоит.

М.К.

Я обязательно прочитаю эти книги. По поводу последних двух пока не буду ничего загадывать, но возьму на заметку. Всё-таки слишком глубоко зарываться в этимологию я не осмелюсь.

А.М.

После прочтения первых книг у тебя не останется выбора.

М.К.

Ха-ха! Возможно, ты прав. Я уже настолько прониклась этимологией, что теперь мне будет сложно от неё отделаться.

А как насчёт словарей? Пока что ты привёл только словари Шанского, но ведь есть и другие! Какие словари ты бы порекомендовал?

А.М.

Я уже в ходе нашей беседы упоминал те словари, которыми обычно пользуются этимологи в России. Например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера в четырёх томах или «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных в двух томах. (Их ты можешь найти на сайте etymolog.ruslang.ru.) Также известен «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского в трёх томах. Он уже довольно старый, но им до сих пор пользуются.

Есть также словари реконструированных слов (или корней) праславянского и праиндоевропейского языков. Рекомендую обратить внимание на многотомный «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ), выпускаемый с 1963 года по настоящее время под руководством уже упомянутого мной О. Н. Трубачёва. По праиндоевропейским корням лучше всего обращаться к «Индоевропейскому этимологическому словарю» (Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, IEW) немецкого лингвиста Ю. Покорного. О нём я как-то тоже упоминал.

Глава 9. Двадцать интересных историй

М.К.

Я сделала подборку двадцати наиболее интересных популярных статей об истории слов из того набора, который мне предоставил мой друг Александр. В конце нашей замечательной книги я бы хотела поместить именно их, чтобы читатель хотя бы понимал, что за статьи мы обсуждали. Думаю, это будет полезно.

1. Алмаз

Алмаз – минерал необычайной прочности. Он известен людям уже не одну тысячу лет. Индусы считали, что алмаз обладает магической силой, и изготавливали из него амулеты. В Древнем Риме алмазы были настолько дорогими, что позволить их себе могли единицы. В России первый алмаз был найден в 1829 году крепостным мальчишкой Павлом Поповым из Пермской губернии. За маленький полукаратный кристалл он получил вольную.

Слово *алмаз* в русском языке встречается уже с XV века (в «Хождении» Афанасия Никитина). Принято считать, что это тюркское заимствование (татарское, казахское *алмаз*, турецкое *elmas*, узбекское *olmos*), пришедшее с Востока (персидское *الماس* (*almâs*), арабское *الْمَاس* (*‘almâs*)). В ряде европейских языков, включая многие славянские, алмазы называют «диамантом»: английское *diamond*, немецкое *Diamant*, французское *diamant*, итальянское, испанское *diamante*, чешское *diamant*, польское *diament*, греческое *διαμάντι* (*diamánti*) и др.

Казалось бы, между названными группами слов не может быть ничего общего, и всё-таки этимология говорит об обратном. Обе группы слов объединены единым источником – древнегреческим словом *ἀδάμας* (*adámas*) «несокрушимый». Пройдя через восточные языки, это слово пришло в русский, изменившись незначительно. Пройдя по западному пути, через латынь, оно же стало просто неузнаваемым. В классической латыни твёрдые металлы и минералы ещё называли *adamās*, но в поздней ла-

тины произошла неожиданная мутация этого слова в *diamas*. Таким образом, в старофранцузском уже встречается форма *diamant*.

От того же древнегреческого слова происходит слово *адамант* (варианты: *адамантий*, *адамантин*, *адамантит*). Это устаревшее название алмаза, которое сегодня можно встретить в ряде художественных произведений, комиксов, фильмов и компьютерных игр.

2. Апельсин

Апельсины были известны китайцам ещё до нашей эры, именно они первыми вывели гибриды мандарина и помело и стали выращивать эти фрукты. Позже апельсины стали известны в Средней Азии и Европе.

В ряде языков (в том числе и в русском) слово «апельсин» германского происхождения. Из нидерландского *appelsien* (наряду с *sinaasappel*) и немецкого *Apfelsine* слово появилось в ряде других языков: шведское *apelsin*, норвежское *appelsin*, датское *appelsin*, исландское *appelsína*, литовское *apelsinas*, русское *апельсин*, украинское *апельсин*, белорусское *апэльсін*, финское *appelsiini*. В нижненемецкой языковой области встречались также названия *Apel de Sina* и *Appelsina* «яблоко из Китая», в остальной части Германии – *Apfel von Sina*, *Chinaapfel* и *Sineser Apfel*. Эти названия отражают происхождение дерева и его плодов.

Всё же и в германских языках слово «апельсин» – это калька с французского *pomme de Cine* «яблоко из Китая». Во французском языке, в свою очередь, название появилось из португальского. Именно португальцы в XVI веке стали завозить апельсины в Европу из Китая, что отражено в ряде иноязычных названий этого плода: болгарское *портокал*, румынское *portocală*, турецкое *portakal*, азербайджанское *portağal*, узбекское *po'rtahol*, греческое *портoкάλι* (*portokáli*), албанское *portokall*, персидское *پرتقال* (*portoqâl*), грузинское *პორტოქალი* (*p'ort'oxali*).

Вместе с тем существуют и иные названия: английское и французское *orange*, итальянское *arancia*, испанское *naranja*, португальское *laranja*, немецкое *Orange* (изначально в Южной Германии), сербохорватское *nàrānja*, венгерское *narancs*, армянское *նարինջ* (*narinj*). Все эти названия апельсина происходят от арабского слова *نارنج* (*nāranj*), восходящего к пер-

сидскому نارنگ (nārang) и далее к санскритскому नारङ्ग (nāraṅga) «апельсиновое дерево». Этимологи считают, что слово было заимствовано из дравидийских языков: от тамильских слов நரந்தம் (narantam) «аромат, благоухание» и காய் (kāy) «фрукт, плод». От французского *orange* происходят также русские слова *оранжевый* и *оранжерея*.

В некоторых славянских языках апельсин отождествляется с другим цитрусовым – померанцем, название которого восходит к тому же арабскому слову نارنج (nāranj): польское *pomarańcza*, чешское *poteranĉ*, словацкое *potaraň*, словенское *potaraňca*, сербохорватское *помòра̂нџа*.

Есть в некоторых языках и более странные названия. Например, в языке африкаанс апельсин называется *lemoen*, то есть «лимон». В индейском языке навахо слово *ch'il litsxooi* раскладывается на слова *ch'il* «растение» и *litsxo* «является жёлтым, оранжевым» (элемент *-i* – субстантиватор), то есть для навахо апельсин – это просто «оранжевое растение».

3. Бистро

Со словом *бистро* связана одна очень интересная история. Во время занятия русскими войсками Парижа в 1814 году солдаты часто отдыхали в местных французских забегаловках и зачастую подгоняли нерасторопных официантов, крича им вслед: «Быстро, быстро!». Французы тут же подхватили новое слово, но поскольку русское *ы* они произнести не могли (французский язык не знает такого звука), то и стали говорить *bistro* с грассирующей *r* и французским ударением на последнем слоге. Так гласит популярная легенда о происхождении слова *бистро*.

Однако же эта версия весьма сомнительна, если принять во внимание тот факт, что впервые слово *bistro* (или *bistrot*) было засвидетельствовано лишь в 1884 году, то есть через 70 лет после указанных событий. Следует полагать, что такая версия – всего лишь красивый этимологический миф.

Реальное происхождение слова неизвестно. Предполагается, что оно возникло из патуа (французского диалекта), вероятно, от слова *bistingo* «маленький кабачок». Существует также версия, что в основе лежит слово *bistouille* (или *bistrouille*) – региональное название смеси бренди и кофе,

которую тоже могли подавать в таких заведениях на севере Франции. Не будем забывать, что и слово *кафе* произошло от французского *café* «кофе».

4. Бургер

Слово *бургер* – относительно новое заимствование из английского. Это слово встречается во многих языках: нидерландское *burger*, немецкое *Burger*, шведское *burgare*, ирландское *borgaire*, французское *burger*, японское *バーガー* (*bāgā*) и т. д.

В конце XIX – начале XX века в США стал активно развиваться рынок фастфудов. В 1896 году в газете *Chicago Daily Tribune* впервые упоминается слово *hamburger*, ставшее названием новой булки с котлетой. Это слово происходит от немецкого *Hamburger*, далее от названия немецкого города *Hamburg* «Гамбург». Аналогичным образом всем известный *hot dog* в XIX веке назывался *frankfurter* (от названия города *Frankfurt* «Франкфурт») или *wiener* (от названия австрийской столицы *Wien* «Вена»).

Слово *hamburger* в английском долгое время считалось целым, неделимым, однако нашлись в американском обществе такие «этимологи», которые этого не знали. Они мысленно раскладывали слово *hamburger* на *ham* «ветчина» и *burger*, хотя в гамбургерах никогда не было ветчины.

Таким образом, американцы фактически создали новое слово *burger*, которого в английском до этого просто не существовало. Но тем не менее это слово быстро вошло в оборот, а через некоторое время появились *cheeseburger*, *fishburger*, *chickenburger*, *vegeburger*. Позже в McDonald's даже придумали целую «науку» *hamburgerology* (на самом деле, это название курса для подготовки обслуживающего персонала).

5. Город

Слово *город* в русском языке является исконным, хотя и были попытки доказать его заимствованный характер. В праславянском языке предполагается существование слова **gordъ* «город; огороженное место», откуда произошли также старославянское *gradъ*, украинское *город*, болгарское *град*, сербское *град*, словенское *grád*, польское *gród*, чешское, словацкое *hrad* и др. В ряде славянских языков русскому слову *город* в общем

значении соответствуют слова с иным корнем: польское *miasto*, украинское *місто*, чешское *město*. Слова от **gordъ* в этих языках являются архаичными и неупотребительными.

Многие наверняка замечали сходство, например, французского *jardin* «сад» и немецкого *Garten* «сад» с русскими словами *город* или *огород*. В некотором роде это тоже огороженные места. Действительно, все эти слова на разном уровне родственны рассматриваемому слову и восходят к общему праиндоевропейскому слову **ǵʰortós* «огороженное место» (от **ǵʰer-* «огораживать»). От германского **gardaz* и **gardô* происходят (помимо немецкого *Garten*) также английское *yard* (древнеанглийское *ġeard*), нидерландское *gaard*, исландское *garður*, шведское *gård*, норвежское *gard* в значениях «сад, огород; двор». Заимствованиями из германского являются французское *jardin* и португальское *jardim*.

Если поискать по словарям других языков, то можно обнаружить много других слов, близких к славянским и германским словам как по форме, так и по значению: древнегреческое *χόρτος* (*khórtos*) «скотный двор», латинское *hortus* «сад (при вилле)», литовское *gārdas* «ограда», албанское *gardh* «ограда, забор», ирландское *gort* «посевное поле» и санскритское *गृह* (*gr̥há*) «дом; храм». Все они также происходят от **ǵʰortós*.

В этом отношении интересно пронаблюдать разброс смыслов, которые вкладывались предками современных индоевропейских народов в эти слова: что для древнего грека «скотный двор», то для индуса – «дом божий»; что для русского «населённый пункт», то для ирландца – «поле».

6. Жираф

Название этого животного известно многим народам, звучит оно одинаково и на русском, и на тайском, и на грузинском... Ну, или почти одинаково. Арабское слово *زَرَافَة* (*zarāfa*) было заимствовано в итальянский, где оно приняло вид *giraffa*, а затем распространилось в другие европейские языки: английское *giraffe*, немецкое *Giraffe*, французское *girafe*, испанское *jirafa* и др. Позже названия стали известны и в славянских языках: польское *żyrafa*, чешское *žirafa*, болгарское *жираф*, *жирафа* и т. д. Отсюда

же финское *kirahvi*, турецкое *zürafa*, грузинское *ჯირაფი* (*žirap'i*), тайское *ยีราฟ* (*yee râaf*) и т. д.

Арабское происхождение слова не подлежит сомнению, однако до сих пор нет чёткого ответа на вопрос, откуда это слово пришло в арабский. Логично предположить, что оно возникло из какого-либо африканского языка, ведь животные эти обитают именно там. Эту идею уже озвучивает Фасмер.

Можно предположить две относительно логичные версии. Согласно первой из них, арабское زرافة (*zarāfa*) произошло от эфиопского ረረት (*zarät*) или ረረት (*zārāt*). Так в древнеэфиопском выглядело название жирафа. Вторая версия связывает арабское слово с древнеегипетским, поскольку ещё тысячелетия назад жирафы обитали севернее современного ареала, поэтому они наверняка были известны древним египтянам. Однако лингвистического материала, который бы подтверждал эту версию, нет.

Многие народы дают жирафам свои названия. Скажем, у китайцев прижилось название 長頸鹿/长颈鹿 (*chángjǐnglù*), что дословно переводится как «длинношейный олень». Японцы взяли за основу китайское слово 麒麟 (*qílín*) – имя китайского мифического существа Цилинь, и так появилось японское название рогатого бога-дракона Кирина и жирафа キリン (*кирин*, *kirin*). Сегодня в Японии используется также более знакомое нам слово シラフ (*jirafu*).

В греческом находим слово *καμηλοπάρδαλι* (*kamilopárdali*), которое состоит из древнегреческих слов *κάμηλος* (*kámēlos*) «верблюд» (отсюда же английское *camel*) и *πάρδαλις* (*párdalis*) «леопард». Выходит, греки называли экзотическое пятнистое животное «леопардовым верблюдом». В персидском языке обнаруживается похожее по строению слово *شترگاوپلنگ* (*šotorgâvpalang*) (наряду с *زرافه* (*zarâfe*)), в сирийском – *ܓܡܠܢܡܪܐ* (*gmalnemrâ*), в армянском – *ընյուլի* (*enjult*).

7. Зάмок и замók

Слово *зáмок*, как может показаться на первый взгляд, является исконно русским. Оно действительно родственно словам *замók*, *замкнуть*

(сравни с украинским *замкнути*, болгарским *мъкна* «тащить, вырывать», сербохорватским *макнути*, *макне̑м* «двигать», чешским *tknouti* «двигать», польским *tknąć* «двигать(ся), гнать»; также родственно слову *мчать*), но его происхождение не может быть напрямую связано с этими словами.

Слово *за́мок* – это и заимствование и калька одновременно. В русский язык это слово пришло из польского, где слово *zamek* также соотносится с глаголом *zamknąć* «замкнуть, закрыть». Оно, в свою очередь, является калькой от немецкого *Schloss* (средневерхненемецкое *slōz*), которое также связано с глаголом *schließen* (средневерхненемецкое *sliezen*) «замыкать, закрывать». И польское *zamek* и немецкое *Schloss* подразумевают два значения: «за́мок» и «замóк». В русском языке эти значения различаются положением ударения.

Как бы издевательски это не прозвучало, но немцы тоже не были изобретателями своего «за́мка». Немецкое *Schloss* – это тоже калька, но уже от латинского *clūsa* «запор; укрепление», от *claudō* «запирать, замыкать» (сравни с *claustrum* «запор, засов», *clāvis* «ключ», *clāvus* «гвоздь»). Этому слову на праиндоевропейском уровне родственны древнегреческое *κλείς* (*kleís*) «ключ; засов», ирландское *cló* «гвоздь», немецкое *Schlüssel* «ключ» и русское *ключ*. Где замочек, там и ключик.

8. Какао и шоколад

Сегодня шоколад – это общедоступный продукт, который можно купить на оставшуюся мелочь. А ведь раньше его могли потреблять только члены королевской семьи и их приближённые. То же самое можно сказать и о какао. Эти продукты были знакомы европейцам не всегда.

Первым европейцем, который попробовал шоколад, стал Эрнан Кортес, отправившийся завоёвывать Мексику в 1520-е годы. Тот шоколад, который преподнесли ему индейцы, был холодный и горький. Когда он стал известен в Европе, его стали пить горячим и сладким. В начале XIX века стали появляться первые удачные технологии выжимки какао-масла, а в 1847 году была произведена первая шоколадная плитка.

Слова *какао* и *шоколад* были завезены вместе с самими продуктами, то есть они не европейские. Слово *cacahuatl* в языке науатль (или в ацтек-

ском языке) является названием напитка какао. В виде *sacao* через испанский это слово заимствовалось в другие языки, став обозначением напитка или дерева какао: английское, итальянское *sacao*, немецкое *Kakao*, французское *sacaoyer*, португальское *sacaueiro*, финское *kaakaopuu*, японское 力カオ (kakaо), армянское *կակաո* (kakaо), грузинское *კაკაო* (kakaо) и т. д. Интересно, что научное латинское название растения *Theobrōma cacao* включает эпитет *theobrōma* «пища богов». Он был дан растению Карлом Линнеем.

Слово *xocolātl* в ацтекском языке не встречается до XVIII века, поэтому у некоторых лингвистов есть сомнения по поводу истинности ацтекского происхождения слова *шоколад*. Всё же на этот источник указывают практически все словари, раскладывая слово на *xococ* «горький» и *ātl* «вода». Некоторые этимологи предлагают рассматривать в качестве источника также слово *chicolātl*, выделяя в нём элемент *chocol* «палочка для приготовления шоколада». Последняя версия также крайне сомнительна.

Как бы то ни было, испанское слово *chocolate*, позаимствованное у индейцев, разошлось по всем остальным языкам, и так возникли английское, португальское *chocolate*, немецкое *Schokolade*, французское *chocolat*, итальянское *cioccolato*, финское *suklaa*, японское チョコレート (*chokorēto*), армянское *շոկոլատ* (*šokolad*), грузинское *შოკოლადი* (*šokoladi*) и др.

9. Каникулы

Слово *каникулы* в русский язык пришло из европейских языков, хотя вообще это слово встречается не так часто даже в Европе: англичане обозначают каникулы словами *vacation* и *holidays*, у немцев есть своё слово *Ferien*, у французов – *vacances*, у чехов – *prázdniny*, у греков – *διακοπές* (*diakorés*). Если исследовать словари других языков, то обнаружится, что «каникулы» – это, на самом деле, очень редкое слово.

Слово происходит от латинского *Canīcula*, что дословно можно перевести как «собачка». Это же слово изначально было обозначением самой яркой звезды Сириуса (латинское *Sīrius*, от древнегреческого *Σείριος* (*Seírios*), *σείριος* (*seírios*) «палящий, знойный»), известной также как α Большого Пса (α Canis Majoris). В латыни выражение *diēs canīculāres* «со-

бачьи дни» применялось к тем жарким летним дням, когда Сириус максимально приближался к Солнцу; римляне верили, что именно из-за звезды стоит сильная жара. В современном значении слово «каникулы» возникло довольно поздно.

Интересно, что в ряде языков сохранились выражения, аналогичные латинскому *diēs canīculāres*: английское *dog days*, немецкое *Hundstage*, датское *hundedage*. Этими словами обозначается период времени с середины июля до начала сентября, что приблизительно соответствует римскому периоду *diēs canīculāres*. В том же значении используются: польское *kanikuła*, испанское и португальское *canícula*, румынское *caniculă*.

10. Кенгуру

Слово *кенгуру* в русском языке не склоняется, что говорит о его заимствованном характере. Источником заимствования считается английское *kangaroo*, от которого происходят также французское *kangourou*, испанское *canguro*, немецкое *Känguru*, польское *kangur*, литовское *kengūra*, греческое *καγκουρό* (*kankouró*), армянское *կէղւորնի* (*kenguru*), персидское *کانگورو* (*kânguru*), хиндустанское *कंगारू* (*kāṅgārū*), финское *kenguru*, турецкое *kanguru*, арабское *كنغر* (*kāṅgar*), японское *カンガルー* (*kangarū*), корейское *캥거루* (*kaenggeoru*) и др. Поискав по словарям, можно обнаружить, что слово встречается в большей части всех языковых семей. Интересное исключение в чешском, где кенгуру называют *klokan* (вероятно, от сближения с *skokan* «скакун»).

Все приведённые выше примеры (кроме чешского) являются заимствованиями. Но из какого языка? Этимологи ссылаются на малоизвестный (или известный разве что по гипотезе Сепира-Уорфа) язык гуугу йимитирр, принадлежащий к пама-ньюнгским языкам Австралии. Существует целая легенда, будто Джеймс Кук во время высадки на северо-восточном побережье Австралии в 1770 году увидел неизвестное ему животное, передвигающееся прыжками, и спросил одного из аборигенов, как оно называется. Абориген, не знавший английского, сказал *gangurru*, что якобы означало «не понимаю». Слово Джеймс Кук принял за название жи-

вотного, после чего о нём узнали в Европе. Эта легенда, однако, часто не подтверждается: слово *gangurru* считают реальным обозначением животного в языке аборигенов.

11. Книга

Каждый из нас прекрасно знает, что такое книга. Эта вещь найдётся дома даже у тех, кто читать не очень любит. Так сложилось исторически, что с появлением письма возникла и потребность в удобной форме представления записей. Таблички, свитки, тетради, кодексы – предки современной книги. О настоящих рукописных книгах можно было говорить лишь со времён поздней античности и средневековья.

Этимологии слова «книга» в разных языках довольно разнообразны. Так, английское *book*, нидерландское *boek*, немецкое *Buch*, шведское, норвежское *bok* происходят от прагерманского слова **bōks* «книга, буква», которое связано с праиндоевропейским **b^heh₂gos* «бук». Французское *livre*, испанское, итальянское *libro*, португальское *livro* восходят к латинскому *liber* «книга», которое на праиндоевропейском уровне связано со старославянским словом *лоубъ* и русским *луб*. Очевидно, что в обоих случаях присутствует отсылка к пишему материалу, который использовался в древности. Известное многим по названию основной христианской книги древнегреческое слово *βιβλος* (*bíblōs*) «книга» в первую очередь является античным названием материала (папируса), на котором писались книги. Известно также, что санскритское पुस्तक (*pustaka*) и происходящие от него хиндустанское पुस्तक (*pustak*), бенгальское পুস্তক (*pustôk*) и тамильское புத்தகம் (*puttakama*) связаны с персидским словом پوست (*pust*) «кожа».

В ряде других языков мы встречаем совершенно иные этимологии. Так, арабское слово كتاب (*kitāb*), очевидно, связано с корнем ك ت ب (*k-t-b*), выражающим значение «писать, письмо»; отсюда же турецкое *kitap*, азербайджанское *kitab*, узбекское *kitob*, казахское *kitan*, татарское *kıtan*, а также персидское کتاب (*ketâb*) и таджикское *kitob*. В армянском слово գիրք (*girkʻ*) восходит к древнеармянскому գիր (*gir*) «буква; нечто напи-

санное», которое связано с праиндоевропейским корнем **wer-* «(вы)резать» (отсюда же русское *рана*).

Проанализировав эти и прочие слова со значением «книга» в разных языках, мы можем сделать два ясных вывода: во-первых, почти у каждой индоевропейской языковой группы своё название для книги; во-вторых, почти все они так или иначе этимологически подводят нас к названию писчего материала или способу письма. Если так, то почему мы так же просто не можем определить, с чем связано русское слово *книга*? На что оно вообще может быть похоже?

Эти вопросы интересуют этимологов довольно давно. Во всех славянских языках мы обнаруживаем родственников русской *книги*: украинское *книга*, белорусское *кніга*, болгарское *книга*, сербохорватское *књи́га*, словенское *knjíga*, польское *księga*, *książka*, чешское *kniha*, словацкое *kniha*. Того же происхождения осетинское *чиныг*, венгерское *könyv*, литовское *knygà*. Материал более чем богатый, но даже с его помощью очень сложно установить, откуда изначально пришло слово. Все попытки связать его с польским диалектным *kien* (*kień*) «отрезок, обрубок», германским *kenning* «знание» или ассирийским *kinukki* «печать» натываются на множество фонетических, грамматических, семантических и прочих трудностей.

Версия, которая на сегодняшний день является наиболее предпочтительной, принадлежит чешскому слависту Йосефу Добровскому. Он предположил, что истоки слова следует искать где-то в Азии, возможно, в Китае. Черных и Фасмер указывают на посредство тюркского **küinig*, из которого происходит праславянское **kъniga*. В тюркском слово могло возникнуть из южнокитайского 卷 (мандаринское (juàn), среднекитайское (kyüenX)).

О том, откуда взялась книга, учёные особо не спорят, но само слово оказалось весьма противоречивым. Несмотря на отсутствие каких-либо достоверных знаний о том, какова его этимология в славянских языках, даже логичную версию о китайском происхождении рассматривают всерьёз не все этимологи.

12. Кофе

Кофе – это не просто напиток, это целый культ. С ним связано множество интересных историй. Примерно в 850 году, согласно одной легенде, эфиопский пастух Калдим обнаружил бодрящие свойства кофе. Позднее отвар из кофейных зёрен стали употреблять монахи во время ночных молебнов. Считается, что из Эфиопии кофе пришёл в Египет и на Ближний Восток, затем в Турцию, Византию и Италию.

Настоящая популярность кофе в Европе приходится на вторую половину XVII – начало XVIII века. В Германии и Франции начинается кофейный бум. Иоганн Себастьян Бах пишет знаменитую «Кофейную кантату», Бетховен превращает приготовление кофе в магический ритуал, добавляя по 60 зёрен на чашку, а Вольтер и вовсе выпивает по 50 чашек в день. В Англии кофейные заведения становятся мужскими клубами, что очень не нравится английским женщинам. Однажды они даже забастовали и приняли «Женскую петицию против кофе».

В России напиток, по некоторым свидетельствам, был известен намного раньше, но не получил распространения. В XVIII веке Пётр I заставлял своих подчинённых пить «горький напиток», а потом их за уши было не оттащить. Буквально за полвека кофе завоевал колоссальную популярность.

Слово *кофе* в русском языке появилось из английского *coffee* или нидерландского *koffie*. Можно обнаружить, что почти во всех языках названия напитка похожи: немецкое *Kaffee*, французское, испанское, португальское *café*, итальянское *caffè*, польское *kawa*, чешское *káva*, греческое *καφές* (*kafés*), а также грузинское *ყავა* (*qava*), японское *コーヒー* (*kōhī*), китайское *咖啡* (*kāfēi*), корейское *커피* (*keopi*), хиндустанское *कहवा* (*qahva*), *कोफ़ी* (*kofī*) и др. В какие-то из этих языков слово пришло напрямую из арабского *قهوة* (*qahwa*), а в какие-то – из турецкого *kahve* или персидского *قهوه* (*qahve*).

Существует предположение, что изначальное название этого напитка должно уводить нас в Эфиопию, обратно к истокам. Действительно,

этимологи нередко указывают на регион с названием Каффа, который сегодня является частью Эфиопии.

13. Кролик

Слово *кролик* в русском языке не является исконным, то есть оно заимствовано. Из всех языков мира такое название этого животного встречается лишь в белорусском (*кролік*, наряду с *трус*), украинском (*кріль*, *кролик*), чешском (*králík*), словацком (*králik*) и польском (*królik*). Оно также имеется в идише (קרעליק (*krolík*)) и искусственном языке волапюк (*krolig*).

Польское слово *królik*, которое и заимствовалось в другие языки, было образовано калькированием от немецкого диалектного слова *Künigl* «королёк, маленький король». Поляки перевели его на свой язык словом *król* «король» с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ik*.

Немецкое *Künigl* – результат искажения в народной этимологии средневерхненемецкого *künlin*, *künglin* «кролик» (из-за схожести со словом *König* «король»), пришедшего из старофранцузского *conin* «кролик». В современном немецком от него происходит слово *Kaninchen* «кролик», где элемент *-chen* – также уменьшительно-ласкательный суффикс.

Далее слово восходит к латинскому *cupīculus* «кролик; кроличья нора», от которого происходят также английское *cony*, нидерландское *konijn*, датское, норвежское, шведское *kanin*, ирландское *coinín*, итальянское *coniglio*, испанское *conejo*, португальское *coelho* – все в значении «кролик». Выходит, что славянские названия кролика косвенно родственны германским и романским названиям.

Дальнейшая этимология латинского слова *cupīculus* неясна. Это слово произошло от греческого *κύνικλος* (*kúniklos*), но откуда оно взялось в греческом, сказать сложно. Предполагают заимствование из иберского языка, откуда также могло прийти латинское слово *lepus* «заяц» (французское *lièvre*, итальянское *lepre*, испанское *liebre*, португальское *lebre* и др.).

14. Пистолет

Пистолет – изобретение довольно давнее. Первые пистолеты с колесцовым замком стали появляться в XV-XVI вв. В XVII-XVIII вв. распро-

странение получают пистолеты с ударно-кремнёвым замком, в XIX-XX вв. популярность приобретают пистолеты с капсюльным замком. Оружие становится всё легче, всё надёжнее и всё совершеннее. Однако за давностью лет даже изобретатели пистолетов стали забывать, откуда произошло само слово *пистолет*.

В языках мира можно встретить две формы этого слова. В одних словах встречается суффикс *-et*: русское, болгарское *пистолет*, украинское *пістолет*, польское *pistolet*, французское *pistolet*, грузинское *პისტოლეტი* (*pistoleti*); в других он отсутствует: сербское *пишмѡль*, чешское *pistole*, английское *pistol*, немецкое *Pistole*, нидерландское *pistool*, итальянское, испанское, португальское *pistola*, греческое *πιστόλι* (*pistóli*), финское *pistooli*. В русском исторически также существовало слово *пистоль*, известное с XVI века. Форма *пистолет* появилась лишь в конце XVII – начале XVIII века из французского.

Ведутся споры о том, каков источник этого слова. Большой поддержкой пользуется версия, согласно которой слово возникло на немецкой почве из чешского *píšťala* «дудка», далее из *píšťeti* «пищать» (сравните с русским словом *пищаль*). Этим можно объяснить такое количество зафиксированных средненемецких слов, обозначающих огнестрельное оружие времён Гуситских войн XV в.: *pisschullen*, *pyscheln*, *pischaln*, *pischczaln*, *pischoln*, *bizschälen*, *bitscholn*. Таким образом, слово «пистолет» в языках мира – это славянское заимствование.

Существует менее популярная версия о происхождении слова *пистолет* от названия некогда тёмного итальянского города Пистоя (Pistoia) на севере региона Тоскана, где занимались изготовлением оружия.

15. Сахар

Слово *сахар* все мы знаем с детства, хотя история его происхождения известна далеко не многим. Этимологическое родство с русским словом *сахар* обнаруживают английское *sugar*, немецкое *Zucker*, нидерландское *suiker*, шведское *socker*, итальянское *zucchero*, французское *sucre*, испанское *azúcar*, украинское *цукор*, болгарское *захар*, сербское *шећер*, польское *cukier*, чешское *cukr*, литовское *cukrus*, греческое *ζάχαρη* (*záchari*),

персидское شكر (šekar), хиндустанское शर्करा (śarkarā), армянское շաքար (šak'ar), грузинское შაქარი (šak'ari), финское *sokeri*, турецкое *şeker*, татарское *шикар*, арабское سكر (súkkar), ивритское סוכר (sukar) и многие другие слова. У всех этих слов, очевидно, имеется общий источник.

Слово появлялось в разных языках в разное время. В некоторых славянских языках, как можно видеть по форме, слово появилось при посредстве немецкого (польское *cukier*, чешское *cukr* и др.); в болгарском слово возникло из новогреческого. В немецком и ряде других европейских языков слово появилось из латинского *sāccharum*, восходящему к древнегреческому σάκχαρον (sákkharon). Существует ошибочное мнение, что слово арабского происхождения. На самом деле, арабское سكر (súkkar), пришедшее в Европу, является лишь посредником в этой цепочке. Слово было заимствовано из персидского شكر (šakar) и далее восходит к санскритскому शर्करा (śarkarā) «сахарный песок». Именно из Индии через восточные страны сахар попадал в античные города.

В русском языке слово *сахар* возникло ещё в XII веке из греческого. Первое упоминание о нём относится ко времени Кирилла Туровского, позже слово встречается в «Слове о Задонщине» и «Хождении» Афанасия Никитина. Несмотря на многовековую разницу и фонетические подвижки, мы до сих пор инстинктивно обнаруживаем сходство русского слова со многими другими словами, перечисленными выше.

16. Фараон

Слово *фараон* в русском языке имеет два значения: обычное и ироничное. В общем смысле под фараоном мы понимаем древнеегипетского правителя, в ироничном – полицейского. Второе значение возникло в конце XIX – начале XX века и напрямую связано с первым. Согласно основной версии, в царской России городские редко вмешивались в потасовки, сохраняя «неподвижность и спокойствие фараонов».

В первом значении слово встречается практически во всех языках: английское *pharaoh*, немецкое *Pharao*, французское *pharaon*, испанское *faraón*, чешское, польское *faraon*, арабское فرعون (fir'awn), армянское

ḫwꜥꜣwꜥꜣnꜥ (p'aravon) японское ファラオ (farao) и даже китайское 法老 (fǎlǎo). Во всех этих языках слово является заимствованием из латинского *pharaō* или греческого *Φαραώ (Pharaō)*.

Греческое слово восходит к древнееврейскому פַּרְעֹה (par'ó), неоднократно упоминавшемуся в Библии. Интересно, что изначально это слово означало «дом царя, дворец», а лишь потом стало обозначать самого царя. Древнеегипетское слово *pr'3*, которое заимствовали евреи, состояло из двух частей: *pr* «дом, дворец» и *'3* «большой, великий». Обычный титул египетских царей – *nswt bjty*, то есть «принадлежащий Тростнику и Пчеле».

17. Чай

Как известно, чайные традиции особенно сильны в Китае, Индии, Японии, а также на Шри-Ланке, в Африке и в некоторых других регионах. Чай – это напиток, который знаком каждому. Некоторые не могут прожить без него и дня.

Существует множество версий о том, кто и как додумался заваривать чай, но достоверных среди них, наверное, нет. В Китае при династии Хань (II век) чай использовался как лекарство, и лишь при династии Тан (VII-X вв.) как напиток. Тогда же начинают складываться и первые чайные традиции. В Японию чай был завезён в IX веке, но японская чайная церемония стала развиваться лишь к XIV веку.

В XVI веке чай попадает из Китая в Голландию, а оттуда распространяется по всей Европе. Король Людовик XIV был большим любителем этого напитка и лечился им от подагры. Чай быстро завоевал популярность во Франции и Германии. Выращивать его в Европе не получалось, климат не подходил, поэтому его завозили в больших объёмах, неплохо зарабатывая на его продаже. Кофе, какао и алкоголь стали уступать чаю, даже пришлось вводить дополнительные пошлины на его ввоз, как это сделал (хоть и ненадолго) Карл II. Эта мера не прижилась. Англия стала «чайной страной» и поддерживает этот статус до наших дней. В России чай также был известен уже в XVI веке.

Широко распространено мнение, что слово *чай* в русском языке появилось из тюркских языков (турецкое *çay*, киргизское *чай*, татарское *çay*,

казахское *шай*). Версия поддерживается Фасмером, но не находит должного подтверждения у Черных, который указывает на достаточно широкую распространённость слова в других восточных языках: хиндустанское चाय (*cāy*), арабское شاي (*šāy*), персидское چای (*čāy*). Все эти слова происходят от китайского 茶 (*chá*). Интересно при этом то, что в таком виде слово было распространено лишь в северных китайских диалектах. В частности с Северным Китаем торговые отношения были у России, поставки чая производились именно оттуда.

В европейских языках чай называется похоже, но несколько иначе: английское *tea*, немецкое *Tee*, нидерландское *thee*, французское *thé*, итальянское *tè*, испанское *té*, шведское *te* и т. д. Все эти слова происходят от того же китайского слова 茶, но уже в южном произношении (*tê*). Европейцы торговали с Китаем на юге и вывозили товары из южных портов. Так появились две разные группы слов от одного китайского слова.

18. Чемодан

Слово *чемодан* известно каждому, кто говорит по-русски, но во всём славянском мире его знают, быть может, только украинцы или белорусы, причём знают по причине весьма простой: влияние русского быта в странах, где эти языки сегодня используются, всегда было велико. Можно сказать, что украинское *чемодан* (используется наряду с *валіза*) и белорусское *чамадан* – это своего рода исключения. В остальном же в славянских языках используются слова совсем другого происхождения: болгарское *куфар*, сербохорватское *кофер*, чешское *kufř*, словацкое *kufor*, польское *walizka*. Если заглянуть дальше на запад, то мы также ничего похожего не найдём: английское *suitcase*, немецкое *Koffer*, французское *valise*, итальянское *valigia*, испанское *maleta* и др. Нет «чемоданов»!

Вообще слово *чемодан* очень старое в русском языке. Это не заимствование последних веков, как может показаться. В дневнике Ричарда Джемса, английского путешественника, пребывавшего с посольством при дворе Михаила Фёдоровича в начале XVII века, указывается слово *shámadan*, значение которого, впрочем, не расшифровано. С XVI века из-

вестна фамилия *Чемоданов*, что тоже является несомненным подтверждением давнего наличия слова в русском языке. Так откуда же оно взялось?

Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Чемоданы придумали люди, которые много кочуют, и в силу этого обстоятельства они были вынуждены найти такой способ транспортировки вещей, который был бы наиболее удобен. Этими изобретателями стали персы. Персидское جامەدان (*jâmedân*) можно разложить на две части: جامە (*jâme*) – это «одежда», а دان (*-dân*) придаёт значение «хранилище, вместилище». Получаем в итоге «одеждохранилище».

В русский язык это слово попало, вероятно, не прямым путём, а через тюркское посредство, где мы также обнаруживаем много разных «чемоданов»: азербайджанское *çamadan*, туркменское *çemedan*, казахское *чемодан* и т. д. Из русского были заимствованы грузинское *ჩემოდანო* (*č'emodani*), латышское *čemodāns* (наряду с *koferis*).

19. Шимпанзе

Слово «шимпанзе» является одним из самых распространённых в языках мира. Оно выглядит похоже во всех европейских языках: английское *chimpanzee*, немецкое *Schimpanse*, нидерландское *chimpansee*, шведское *schimpanse*, французское *chimpanzé*, итальянское *scimpanzé*, испанское *chimpancé*, португальское *chimpanzé*, польское *szympan*, чешское *šimpanz*, финское *simpanssi*, венгерское *csimprász*, греческое *χιμπατζής* (*chimpatzís*), литовское *šimpanzė* и т. д. Без сомнений, слово распространилось в Европе из одного источника.

Русское слово *шимпанзе* пришло из Германии или Франции и было засвидетельствовано уже во 2-ой половине XIX века. У Салтыкова-Щедрина (очерки «За рубежом», 1880-1881) встречается также английское заимствование *чимпанзе*. Современная форма слова с начальной *ш* говорит о том, что и у источника заимствования был такой же начальный звук. Таким источником было французское слово *chimpanzé*.

Во французском языке слово *chimpanzé* известно с XVIII в. Оно не было придумано самими французами, а взято из одного из языков банту близ бассейна реки Конго. В языке луба сочетание *kivili-chimpenze* означа-

ет «похожий на человека». Считается, что именно из этого языка слово попало во французский.

Это слово известно не только в Европе, оно есть также во многих языках Азии: арабское شِمبَانْزِي (*šimbanzī*), армянское շիմպանզի (*šimpanze*), грузинское შიმპანზე (*šimpanze*), ивритское שִׁמְפַּנְזִי (*shimpanze*), персидское شِمپانزه (*šampânze*), корейское 침팬지속 (*chimpaejisok*), японское チンパンジー (*chinpanjī*), тайское ลิงชิมแปนซี (*ling chim-braen-see*) и др.

20. Якорь

Слово «якорь» во многих европейских языках звучит похоже: английское *anchor*, немецкое *Anker*, нидерландское *anker*, французское *ancre*, итальянское *ancora*, испанское *áncora* и др. Все они восходят к латинскому *ancora*, далее к древнегреческому *ἄγκυρα* (*ánkura*) «якорь». В русском языке всё совсем иначе.

Принято считать, что большинство морских терминов пришло в русский язык из голландского или немецкого в петровские времена. Однако слово *якорь* встречается в современном виде в договоре князя Олега с Византией от 907 года. Несмотря на то что это самый ранний известный случай употребления слова, лингвисты не торопятся связывать его с греческим *ἄγκυρα* (*ánkura*). Если бы русское слово было греческим заимствованием, то мы бы знали его в виде *акира* или *якира*, но не в виде *якорь*. Следовательно, искать следует совсем в другом месте.

Сегодня популярна точка зрения, согласно которой слово является заимствованием из скандинавских языков, в которых греческое слово (также заимствованное из латинского *ancora*) появилось раньше и уже успело видоизмениться. Источником слова могло быть древнешведское *ankari* (современное *ankare*). Варяги в русских дружинах, говорившие на своём диалекте, вероятно, использовали в речи слово *akkari*, откуда и произошло древнерусское слово, упоминавшееся в договоре с Византией. Его популярность связывают с развитием торговли по пути «из варяг в греки».

Глава 10. Тест для тех, кто внимательно читал

А.М.

А теперь я предлагаю читателям пройти небольшой тест, чтобы проверить остаточные знания. Тест состоит из 100 вопросов по различным темам, рассмотренным в данной книге. Для тех, кто читал внимательно, он не будет казаться слишком сложным. Ответы вы найдёте после теста.

1. Язык – это...

А. Знаковая система	В. Система слов и правил
С. Фонетика и грамматика	Д. Грамматика и семантика

2. Какая из этих наук не является разделом лингвистики?

А. Лексикография	В. Синтаксис
С. Нейролингвистическое программирование	Д. Языковая прагматика

3. В рамках сравнительной лингвистики этимологию рассматривают вместе с (со)...

А. Фонетикой	В. Сравнительно-историческим языкознанием
С. Лингводидактикой	Д. Фразеологией

4. Какая из названных теорий лишняя?

А. Звукоподражательная теория	В. Теория выкриков
С. Договорная теория	Д. Теория заговора

5. Среди названных слов со значением «ворона» звукоподражанием, скорее всего, не является...

А. Русское <i>ворона</i>	В. Древнегреческое <i>κορώνη</i> (korónē)
С. Немецкое <i>Krāhe</i>	Д. Армянское <i>աղբաղ</i> (ağʙağ)

6. Какой из этих языков ранее часто относили к «примитивным»?

А. Английский	В. Немецкий
С. Древнегреческий	Д. Латинский

7. Что характерно для синтетических языков?

А. Отсутствие падежей	В. Отсутствие категории рода
С. Наличие артикля	Д. Наличие грамматических суффиксов

8. Что характерно для аналитических языков?

А. Наличие падежей	В. Наличие вспомогательных слов
С. Развитое словосложение	Д. Отсутствие чередований в корне

9. К какому типу языков относится русский язык?

А. Флективный	В. Агглютинативный
С. Изолирующий	Д. Инкорпорирующий

10. Похожесть английского слова *bad* «плохой» и персидского *بَد* (*bad*) «плохой» обусловлена...

А. Заимствованием английского слова из персидского	В. Заимствованием персидского слова из английского
С. Родством языков	Д. Это случайное совпадение

11. Похожесть русского слова *волк* на английское *wolf* «волк» обусловлена...

А. Заимствованием русского слова из прагерманского	В. Заимствованием английского слова из древнерусского
С. Родством языков	Д. Это случайное совпадение

12. Этимологию не следует рассматривать как...

А. Науку о происхождении слов	В. Науку о лексическом строе языка
С. Гипотезу о происхождении слова	Д. Учение об «истинном» происхождении слова

13. О происхождении слов в своих трудах не рассуждал...

А. Евклид

В. Платон

С. Варрон

Д. Исидор Севильский

14. Кто из этих писателей утверждал, что название страны *Норвегия* происходит от *Наверхия*, а *Италия* – от *Удалия*?

А. В. К. Тредиаковский

В. Д. И. Фонвизин

С. А. Н. Радищев

Д. Н. И. Новиков

15. Мысль о том, что «этимология – это наука, в которой гласные ничего, а согласные почти ничего не значат», принадлежит...

А. Вольтеру

В. Платону

С. Ж.-Ж. Руссо

Д. И. Канту

16. Развитие сравнительно-исторического языкознания в конце XVIII – начале XIX века связывают с открытием и изучением...

А. Санскрита

В. Древнеперсидского

С. Древнегреческого

Д. Прагерманского

17. Идею о том, что древнеиндийский язык санскрит может быть родственен классическим европейским языкам, впервые высказал...

А. Дж. Локк

В. Аристотель

С. У. Джонс

Д. А. Шлейхер

18. Материал литовского языка в сравнительно-историческом языкознании впервые активно стал использовать...

А. Я. Гримм

В. А. Шлейхер

С. А. Х. Востоков

Д. Р. Раск

19. Так называемое «новое учение о языке» принадлежит...

А. А. Т. Фоменко

В. А. И. Асову

С. В. А. Чудинову

Д. Н. Я. Марру

20. К индоиранским языкам не относится...

А. Армянский	В. Персидский
С. Хинди	Д. Таджикский

21. К палеобалканским языкам не принято относить...

А. Древнеармянский	В. Фракийский
С. Древнегреческий	Д. Болгарский

22. К славянским языкам не относится...

А. Кашубский	В. Нижнелужицкий
С. Прусский	Д. Македонский

23. К германским языкам не относится...

А. Фризский	В. Фарерский
С. Прусский	Д. Идиш

24. К романским языкам не относится...

А. Румынский	В. Молдавский
С. Галльский	Д. Фриульский

25. К кельтским языкам не относится...

А. Исландский	В. Бретонский
С. Ирландский	Д. Валлийский

26. Какой из этих языков является живым?

А. Бургундский	В. Хеттский
С. Готский	Д. Пьемонтский

27. Древний язык, от которого в результате дивергентных процессов стали возникать другие языки определённой группы, называется...

А. Праязыком	В. Языком-источником
С. Мёртвым языком	Д. Корнем

28. Курганная гипотеза, согласно которой прародина индоевропейцев находилась в волжских степях, а затем расширилась до Причерноморья, принадлежит...

А. М. Гимбутас

В. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванову

С. К. Ренфрю

Д. Ф. Шлегелю

29. Время расхождения между двумя языками можно определить с опорой на...

А. Этнологию

В. Глоттохронологию

С. Радиоуглеродный анализ

Д. Археологию

30. Впервые использовал лексикостатистический метод...

А. М. Сводеш

В. С. А. Старостин

С. Ф. де Соссюр

Д. А. Шлейхер

31. К базовой лексике, характеризующейся относительной устойчивостью, нельзя отнести...

А. Простые числительные

В. Слова, связанные с неживой природой

С. Термины родства

Д. Слова, связанные с культурой народов

32. В каком ряду приведённых славянских слов присутствует слово, отличающееся от других по происхождению?

А. Русское *есть*, украинское *їсти*, болгарское *ям*, польское *jeść*

В. Русское *мать*, болгарское *майка*, сербское *мајка*, польское *matka*

С. Русское *я*, болгарское *аз*, сербское *ја*, польское *ja*

Д. Русское *видеть*, украинское *бачити*, болгарское *виждам*

33. В каком ряду приведённых слов из разных индоевропейских языков все слова родственны?

A. Русское *женщина*, литовское *moteris*, ирландское *bean*

B. Литовское *akis*, немецкое *Auge*, итальянское *occhio*

C. Русское *день*, литовское *diena*, английское *day*

D. Русское *отец*, немецкое *Vater*, итальянское *padre*

34. Верно ли, что итальянское *giorno* «день» и французское *jour* «день» родственны русскому слову *день*?

A. Оба слова родственны русскому слову *день*

B. Родственно только итальянское слово *giorno*

C. Родственно только французское слово *jour*

D. Оба слова не родственны русскому слову *день*

35. Знак в виде звёздочки (*) перед реконструированными корнями и словами называется...

A. Астериск

B. Тильда

C. Гачек

D. Циркумфлекс

36. Сколько рядов заднеязычных согласных реконструировано для праиндоевропейского языка (в компромиссной модели)?

A. Один

B. Два

C. Три

D. Четыре

37. Сторонники ларингальной теории считают, что в результате отпадения ларингалов в праиндоевропейском могли возникнуть...

A. Долгие гласные

B. Слоговые сонаты

C. Краткие гласные

D. Лабиовелярные согласные

38. Категория грамматического рода в позднем праиндоевропейском языке характеризовалась наличием...

A. Мужского, женского и среднего рода

B. Мужского и среднего рода

C. Мужского и женского рода

D. Род отсутствовал, имелись именные классы

39. Какой из приведённых падежей отсутствовал в позднем праиндоевропейском языке?

A. Звательный

B. Творительный

C. Абсолютный

D. Отложительный

40. Категория числа в праиндоевропейском языке характеризовалась наличием...

A. Единственного и множественного числа

B. Единственного, двойственного и множественного числа

C. Единственного, двойственного, тройственного и множественного числа

D. Категория числа отсутствовала

41. Праиндоевропейские основы могли быть...

A. Тематическими и нетематическими

B. Только тематическими

C. Только нетематическими

D. Такой классификации основ для праиндоевропейского нет

42. Чередование в праиндоевропейском корне называется...

A. Умлаутом

B. Аблаутом

C. Инлаутом

D. Ауслаутом

43. Автором басни «Овца и кони», написанной на гипотетическом праиндоевропейском языке, является...

А. Ф. де Соссюр

В. А. Мейе

С. В. М. Иллич-Свитыч

Д. А. Шлейхер

44. Одним из первых высказал идею о родстве индоевропейских языков с другими языками Евразии...

А. Х. Педерсен

В. В. А. Дыбо

С. А. Б. Долгопольский

Д. С. А. Старостин

45. Автором поэмы «Язык – это брод через реку времени», написанной на гипотетическом праностратическом языке, является...

А. С. А. Старостин

В. В. М. Иллич-Свитыч

С. А. Шлейхер

Д. Вяч. В. Иванов

46. Какие языки не относятся к ностратическим?

А. Картвельские

В. Дравидийские

С. Алтайские

Д. Сино-кавказские

47. Если известно, что латинское *ferō* «носить» и древнегреческое *φέρω* (*phérō*) «носить» родственны русскому слову *брат* и английскому слову *bear* «носить; рождать», то праиндоевропейский реконструированный корень должен начинаться с...

А. $*b^h$

В. $*b$

С. $*p$

Д. $*k^w$

48. Если известно, что русское слово *живой* родственно санскритскому слову जीव (*jīva*) «живой» и английскому слову *quick* «быстрый», то праиндоевропейский корень должен начинаться с...

А. $*k^w$

В. $*g^w$

С. $*k'$

Д. $*g^{wh}$

49. Если известно, что заимствованные слова *биология* (из греческого) и *витамин* (из латыни) родственны, то их общий праиндоевропейский корень должен начинаться с...

A. *b

B. *g^w

C. *g^{wh}

D. *b^h

50. Родство литовского слова *degti* «жечь» и русского *жечь* возможно, если допустить, что в праславянском слове **žegti* произошла...

A. Метатеза

B. Ассимиляция

C. Диссимиляция

D. Ничего не произошло

51. Родство древнерусского слова *зьдѣ* «глина; стена» (связано со словами *зодчий, здание, созидать*) с немецким *Teig* «тесто» возможно, если допустить, что в общем для этих слов праиндоевропейском корне произошла...

A. Метатеза

B. Ассимиляция

C. Диссимиляция

D. Ничего не произошло

52. Ошибка, состоящая в произнесении слова *колидор* вместо *коридор*, может быть вызвана...

A. Метатезой

B. Ассимиляцией

C. Диссимиляцией

D. Стяжением

53. Если русское слово *крапива* в соответствии сербохорватскому *kòpriwa* и польскому *pokrzywa*, то это означает, что...

A. В праславянском слове произошла метатеза

B. В праславянском слове произошла диссимиляция

C. Эти слова происходят от разных праславянских слов

D. Эти слова разошлись в силу закономерных фонетических изменений

54. Как объяснить непохожесть праславянского числительного **devęť* на латинское *povet* или английское *nine*, если известно, что все три слова восходят к общему праиндоевропейскому числительному?

- А. Закономерным фонетическим переходом **n* в **d*
- В. Влиянием литовского числительного *deviņi*
- С. Метатезой
- Д. Влиянием следующего числительного **desęť*

55. Праиндоевропейские ларингалы h_1 , h_2 , h_3 в современных индоевропейских языках...

- А. Придают определённую окрашенность соседним гласным
- В. Превращались во фрикативные согласные
- С. Бесследно исчезли
- Д. Приводили к возникновению чередований в корне

56. Ф. де Соссюр называл ларингалы...

- А. Пустыми фонемами
- В. Сонатическими коэффициентами
- С. Редуцированными
- Д. Кнаклаутами

57. Для кентумных языков характерно...

- А. Переход палатовелярных $*k'$, $*g'$, $*g^h$ в аффрикаты
- В. Слияние лабиовелярных $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$ с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$
- С. Слияние палатовелярных $*k'$, $*g'$, $*g^h$ с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$
- Д. Исчезновение велярных $*k$, $*g$, $*g^h$

58. Для сатемных языков характерно...

- А. Сохранение лабиовелярных $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$
- В. Слияние лабиовелярных $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$ с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$
- С. Слияние палатовелярных $*k'$, $*g'$, $*g^h$ с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$
- Д. Исчезновение палатовелярных $*k'$, $*g'$, $*g^h$

59. К кентумным языкам не относится...

А. Албанский	В. Английский
С. Греческий	Д. Латынь

60. К сатемным языкам не относится...

А. Армянский	В. Греческий
С. Албанский	Д. Чешский

61. Переход праиндоевропейского $*k$ в $*h$ в прагерманском языке обусловлен...

А. Первым передвижением согласных	В. Вторым передвижением согласных
С. Первой палатализацией	Д. Падением редуцированных

62. Второе передвижение согласных затронуло...

А. Нижненемецкий язык	В. Верхненемецкий язык
С. Английский язык	Д. Нидерландский язык

63. Праславянский $*x$ (по закону Х. Педерсена) возник из...

А. $*s$	В. $*z$
С. $*g$	Д. $*ž$

64. Переход заднеязычных $*k$, $*g$, $*x$ в мягкие $*č$, $*dž$, $*š$ в позиции перед гласными переднего ряда или перед $*j$ в праславянском языке носит название...

А. Первой палатализации	В. Второй палатализации
С. Третьей палатализации	Д. Монофтонгизации дифтонгов

65. В берестяной грамоте № 247 («а замьке кѣле а двѣри кѣлѣ...») слова *кѣле* и *кѣлѣ* начинаются на *к*, поскольку в древненовгородском диалекте не прошла...

А. Первая палатализация	В. Вторая палатализация
С. Монофтонгизация дифтонгов	Д. Дифтонгизация монофтонгов

66. В старославянском языке звуки, обозначаемые юсами (Ѧ и ѧ) происходят из...

А. Праиндоевропейских *e и *o

В. Праславянских *ę и *ǫ

С. Праславянских *i и *u

Д. Праиндоевропейских *i и *u в сочетании с ларингалами

67. В результате метатезы плавных праславянские сочетания типа *TorT в восточнославянских языках перешли в сочетания типа...

А. TolT

В. ToloT

С. TraT

Д. ToroT

68. Что произошло с сильными редуцированными, которые были ударными и находились перед слогом со слабым редуцированным?

А. Исчезли (пали)

В. Превратились в слабые редуцированные

С. Превратились в полноценные гласные

Д. Остались сильными редуцированными

69. Суффикс -аж характерен для слов, заимствованных из...

А. Итальянского

В. Испанского

С. Французского

Д. Английского

70. Согласно одной из наиболее популярных версий, слово книга происходит из...

А. Китайского

В. Венгерского

С. Осетинского

Д. Армянского

71. Слова хлеб, лук, молоко, купить являются заимствованиями из...

А. Латыни

В. Германских языков

С. Иранских языков

Д. Не являются заимствованиями

72. Слова *фасоль, свёкла, корабль* являются заимствованиями из...

A. Среднегреческого	B. Готского
C. Латыни	D. Не являются заимствованиями

73. Слова *агнец, перст, мощь* являются заимствованиями из...

A. Среднегреческого	B. Церковнославянского
C. Сербского	D. Не являются заимствованиями

74. Слова *сундук, туман, очаг* являются заимствованиями из...

A. Семитских языков	B. Тюркских языков
C. Армянского	D. Не являются заимствованиями

75. Слово *музыка* пришло в русский язык из...

A. Немецкого	B. Итальянского
C. Польского	D. Французского

76. Слово *флот* в современном значении пришло в русский язык из...

A. Немецкого	B. Голландского
C. Английского	D. Французского

77. К арабизмам не относится слово...

A. <i>Элемент</i>	B. <i>Магазин</i>
C. <i>Жираф</i>	D. <i>Адмирал</i>

78. Галлицизмами принято называть заимствования из...

A. Кельтских языков	B. Итальянского
C. Французского	D. Голландского

79. Меньше всего заимствований в английском языке из...

A. Греческого и латыни	B. Скандинавских языков
C. Кельтских языков	D. Французского и нормандского

80. Мысль о том, что «русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас», принадлежит...

А. И. С. Тургеневу

В. А. С. Пушкину

С. М. Ю. Лермонтову

Д. Ф. М. Достоевскому

81. Китайские заимствования в японском языке называются...

А. Атэджи

В. Гайрайго

С. Катакана

Д. Канго

82. Создание нового слова в языке, копирующего смысл слова в другом языке с помощью собственных лексических и словообразовательных средств, называется...

А. Калькированием

В. Заимствованием

С. Метафорическим переносом

Д. Деривацией

83. Среди названных слов более точной (по смыслу) калькой английского слова *skyscraper* является...

А. Русское *небоскрёб*

В. Украинское *хмарочос*

С. Чешское *trakodrap*

Д. Немецкое *Wolkenkratzer*

84. Среди приведённых калек французской является...

А. *Полуостров*

В. *Мероприятие*

С. *Представление*

Д. *Впечатление*

85. Использовать слово *мокроступы* вместо заимствованного из французского слова *галоши* предлагал...

А. М. В. Ломоносов

В. В. К. Тредиаковский

С. Н. М. Карамзин

Д. А. С. Шишков

86. Раздел лингвистики, который изучает смысловые значения единиц языка, называется...

А. Семитологией

В. Семантикой

С. Семиотикой

Д. Синтагматикой

87. Русское слово *фамилия* связано с латинским словом *famulus*, которое имело значение...

А. «Кровь»	В. «Племя»
С. «Слуга»	Д. «Древо»

88. О. Н. Трубецкой связывал слова *муха*, *мышь* и *мох*, указывая на их возможный общий признак...

А. «Серый»	В. «Вороватый»
С. «Маленький»	Д. «Живой»

89. Утрата носителем русского языка осознания этимологической связи слов *стрелять* и *стрелы* является следствием...

А. Этимологизации	В. Деэтимологизации
С. Катахрезы	Д. Синкопы

90. Устойчивое сочетание однокоренных слов (*рассказывать сказку, умереть своей смертью*) называется...

А. Катахрезой	В. Метафорическим переносом
С. Этимологической фигурой	Д. Этимологическим дублетом

91. Выражения *взять такси*, возникшее в результате дословного перевода французского *prendre un taxi*, можно назвать...

А. Фразеологической калькой	В. Семантической калькой
С. Этимологической фигурой	Д. Этимологическим дублетом

92. Семантически нейтральные слова, заменяющие другие слова, считающиеся неприличными или неуместными, называются...

А. Табуированными словами	В. Эвфемизмами
С. Дублетами	Д. Кальками

93. Раздел ономастики, изучающий имена людей, называется...

A. Антропоморфизм

B. Антропология

C. Антропонимика

D. Антрополингвистика

94. К именам скандинавского происхождения не относится имя...

A. *Игорь*

B. *Ольга*

C. *Олег*

D. *Всеволод*

95. К именам-неологизмам советской эпохи не относится имя...

A. *Нелли*

B. *Георгина*

C. *Нинель*

D. *Идея*

96. Какое из названных названий месяцев не происходит от имени собственного?

A. *Июнь*

B. *Январь*

C. *Март*

D. *Октябрь*

97. От личного имени не происходит слово...

A. *Король*

B. *Князь*

C. *Царь*

D. *Кайзер*

98. В результате этимологического анализа установлено, что слово *каракатица* исторически означало...

A. «Многоногая»

B. «Катящаяся»

C. «Чёрная»

D. «Искривлённая»

99. Русское слово *луна* и латинское слово *lūna* «луна» восходят к праиндоевропейскому корню со значением...

A. «Светить»

B. «Круг»

C. «Жёлтый»

D. «Прятать»

100. Какое из этих слов разложено по составу неверно (с точки зрения диахронии, а не современного словообразования)?

А. Зонт-ик

В. Брат-ик

С. Торт-ик

Д. Борт-ик

Ответы к тесту

1 – А	2 – С	3 – В	4 – D	5 – А
6 – А	7 – D	8 – В	9 – А	10 – D
11 – С	12 – В	13 – А	14 – А	15 – А
16 – А	17 – С	18 – В	19 – D	20 – А
21 – D	22 – С	23 – С	24 – С	25 – А
26 – D	27 – А	28 – А	29 – В	30 – А
31 – D	32 – D	33 – В	34 – А	35 – А
36 – С	37 – А	38 – А	39 – С	40 – В
41 – А	42 – В	43 – D	44 – А	45 – В
46 – D	47 – А	48 – В	49 – В	50 – В
51 – А	52 – С	53 – А	54 – D	55 – А
56 – В	57 – С	58 – В	59 – А	60 – В
61 – А	62 – В	63 – А	64 – А	65 – В
66 – В	67 – D	68 – С	69 – С	70 – А
71 – В	72 – А	73 – В	74 – В	75 – С
76 – D	77 – А	78 – С	79 – С	80 – А
81 – D	82 – А	83 – А	84 – D	85 – D
86 – В	87 – С	88 – А	89 – В	90 – С
91 – А	92 – В	93 – С	94 – D	95 – А
96 – D	97 – В	98 – А	99 – А	100 – А

Оценить свои знания вы можете по следующей шкале:

- от 0 до 25 – неудовлетворительно;
- от 26 до 50 – удовлетворительно;
- от 51 до 75 – хорошо;
- от 76 до 100 – отлично.

Оглавление

От авторов	2
Глава 1. Язык слов.....	4
Глава 2. Этимология	23
Глава 3. Родство языков и праязыки	38
Глава 4. Фонетические закономерности	68
Глава 5. Заимствования и кальки.....	101
Глава 6. Семантика.....	138
Глава 7. Ещё немного этимологии	156
Глава 8. Советы этимолога.....	175
Глава 9. Двадцать интересных историй	194
Глава 10. Тест для тех, кто внимательно читал	213